

Царствованіе Императора Николая II

С. С. Ольденбургъ.

С. С. ОЛЬДЕНБУРГЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Томъ I

Изданіе Общества Распространенія Русской Національной и Патріотической Литературы

БѢЛГРАДЪ
1939

Типографія „СВЕТЛОСТ“
Београд, Адм. Гепрата 103
1+

Отъ Комитета по изданію исторіи царствованія Императора НИКОЛАЯ II.

Выпуская настоящій историческій трудъ С. С. Ольденбурга, Комитетъ по изданію Исторіи Царствованія Императора Николая II видитъ въ немъ достойный памятникъ послѣднему Русскому Царю. Пусть по этой книгѣ новыя русскія поколѣнія знакомятся съ прошлымъ своей Родины и съ полной безпристрастностью отнесутся къ Тому, Кто стоялъ на голову выше своихъ современниковъ и Кого, увы, русскіе люди не сумѣли во время оцѣнить и, сплотившись вокругъ Трона, отстоять свою Родину отъ тѣхъ страшныхъ и гибельныхъ потрясеній, свидѣтелями коихъ Господь судилъ намъ быть.

Пусть эта книга станетъ настольной у каждаго русскаго человѣка, считающаго себя русскимъ и болѣющаго о своей Родинѣ.

Всѣмъ Высокимъ Покровителямъ, Правительствамъ, организаціямъ, воинскимъ частямъ и отдѣльнымъ жертвователямъ, содѣй-

ствовавшимъ выходу Исторіи, глубокая благодарность, равно, какъ и автору, вложившему въ нее столько души, труда и таланта.

Предсѣдатель Комитета Князь **Никита Александровичъ.**

Замѣститель Предсѣдателя **П. Скаржинскій.**

Члены Комитета:

Д. Абрамовичъ.
Г.-л. И. Барбовичъ.
М. Бодиско.
Ген. Ст. Бошковичъ.
Е. Брантъ.
Бар. С. Буксгевденъ.
В. Буцкой.
Проф. Ф. Вербицкій.
Викентій Еп. Банатскій.
Викторъ Архіеп. Кит. и Пекинскій.
Г.-л. Витковскій.
Г.-л. Выгорницкій.
Кн. М. Горчаковъ.
Бар. Г. Гревеницъ.
Петръ Жильяръ.
Проф. М. Зызыкинъ.
Н. Котляревскій.
А. Н. Крупенскій.
А. фонъ Лампе.
Ген. Драг. Милутиновичъ.
А. Мясоѣдовъ.
Несторъ Арх. Камчат. и Сеульскій.
С. Новаковъ.
Ал. Пильцъ.
А. П. Половцевъ.
Проф. Г. Рейнъ.
Кн. М. Святополкъ-Мирская.
Вл. Стефановичъ.
Н. Тальбергъ.
Гр. Д. С. Шереметевъ.
Бар. Р. Штакельбергъ.
А. фонъ-Штубендорфъ.
Кн. З. Юсупова.

Управляющій Дѣлами **М. Павловичъ.**

Казначей **С. Кондратьевъ.**

Секретарь **Г. Любарскій.**

За время работъ Комитета скончались нижеслѣдующіе его члены: А. К. Баіовъ, П. Л. Баркъ, В. І. Гурко, Д. В. Денъ, М. К. Дитерихсъ, А. А. Катенинъ, Х. П. Кристи, Св. Кн. А. П. Ливенъ, В. В. Муравьевъ-Апостолъ-Коробьинъ и М. М. Ненадичъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Самодержавное Правленіе

1894 — 1904.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Манифестъ о восшествіи Государя на престолъ. — Оцѣнка царствованія Императора Александра III (В. О. Ключевскій, К. П. Побѣдоносцевъ). — Общее положеніе въ 1894 г.

Россійская Имперія. — Царская власть. — Чиновничество. — Тенденціи правящихъ круговъ: „демофильская" и „аристократическая". — Внѣшняя политика и франко-русскій союзъ.

Армія. — Флотъ. — Мѣстное самоуправленіе. — Финляндія. — Печать и цензура. — Мягкость законовъ и суда. — Культурный уровень. — Литература къ началу 90-хъ годовъ. — Искусство.

Положеніе сельскаго хозяйства. — Ростъ промышленности. — Постройка жел. дорогъ; Великій Сибирскій путь. — Бюджетъ. — Внѣшняя торговля.

Рознь между властью и образованнымъ обществомъ. — Отзывъ К. Н. Леонтьева.

„Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20 Октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

„Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Го-

сударствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду, и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе".

Этими словами начинается манифестъ, возвѣстившій Россіи о восшествіи Императора Николая II на прародительскій престолъ.

Правленіе Императора Александра III, получившаго наименованіе Царя-Миротворца, не изобиловало внѣшними событіями, но оно положило глубокій отпечатокъ на русскую и на міровую жизнь. За эти тринадцать лѣтъ были завязаны многіе узлы — и во внѣшней, и во внутренней политикѣ — развязать или разрубить которые довелось Его сыну и преемнику, Государю Императору Николаю II Александровичу.

И друзья, и враги Императорской Россіи одинаково признаютъ, что Императоръ Александръ III значительно повысилъ международный вѣсъ Россійской Имперіи, а въ ея предѣлахъ утвердилъ и возвеличилъ значеніе самодержавной Царской власти. Онъ повелъ русскій государственный корабль инымъ курсомъ, чѣмъ Его отецъ. Онъ не считалъ, что реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ — безусловное благо, а старался внести въ нихъ тѣ поправки, которыя по Его мнѣнію были необходимы для внутренняго равновѣсія Россіи.

Послѣ эпохи великихъ реформъ, послѣ войны 1877—78 годовъ, этого огромнаго напряженія русскихъ силъ въ интересахъ балканскаго славянства, — Россіи во всякомъ случаѣ была необходима передышка. Надо было освоить, „переварить" происшедшіе сдвиги.

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, извѣстный русскій историкъ, проф. В. О. Ключевскій, въ своемъ словѣ памяти Императора Александра III, черезъ недѣлю послѣ Его кончины, сказалъ:

„Въ царствованіе Императора Александра II, мы на глазахъ одного поколѣнія мирно совершили въ своемъ государственномъ строѣ рядъ глубокихъ реформъ въ духѣ христіанскихъ правилъ, слѣдовательно въ духѣ европейскихъ началъ — такихъ реформъ, какія стоили западной Европѣ вѣковыхъ и часто бурныхъ усилій, а эта Европа продолжала видѣть въ насъ представителей монгольской косности, какихъ-то навязанныхъ пріемышей культурнаго міра...

Государь Императоръ Николай II.

Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

„Прошло 13 лѣтъ царствованія Императора Александра III, и чѣмъ торопливѣе рука смерти спѣшила закрыть Его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду, и заговорили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ непривычнѣе для нихъ было говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго Царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи, по ея политической организаціи, въ волѣ Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ...

„Наука отведетъ Императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русской исторіографіи, скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются эти побѣды, побѣдилъ предразсудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, русское національное самосознаніе, и сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея".

Если профессоръ Ключевскій, русскій интеллигентъ и скорѣе „западникъ", останавливается больше на внѣшней политикѣ Императора Александра III и видимо намекаетъ на сближеніе съ Франціей, — о другой сторонѣ этого царствованія въ сжатой и выразительной формѣ высказался ближайшій сотрудникъ покойнаго Монарха, К. П. Побѣдоносцевъ:

„Всѣ знали, что не уступитъ онъ Русскаго, исторіей завѣщаннаго интереса ни на Польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ онъ въ душѣ своей одну съ народомъ

вѣру и любовь къ Церкви Православной; наконецъ, что онъ заодно съ народомъ вѣруетъ въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи, и не допуститъ для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній".

Въ засѣданіи французскаго Сената, его предсѣдатель Шалльмель-Лакуръ сказалъ въ своей рѣчи (5 ноября 1894 г.), что русскій народъ переживаетъ „скорбь утраты властителя, безмѣрно преданнаго его будущему, его величію, его безопасности; русская нація подъ справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этимъ высшимъ благомъ общества и орудіемъ истиннаго величія".

Въ такихъ же тонахъ отзывалась о почившемъ русскомъ Царѣ большая часть французской печати: „Онъ оставляетъ Россію болѣе великой, чѣмъ ее получилъ", писалъ „Journal des Débats"; а „Revue des deux Mondes" вторила словамъ В. О. Ключевскаго: „Это горе было и нашимъ горемъ; для насъ оно пріобрѣло національный характеръ; но почти тѣ же чувства испытали и другія націи... Европа почувствовала, что она теряетъ арбитра, который всегда руководился идеей справедливости".

1894-й годъ — какъ вообще 80-е и 90-е года — относится къ тому долгому періоду „затишья передъ бурей" — самому долгому періоду безъ большихъ войнъ въ новой и средневѣковой исторіи. Эта пора наложила отпечатокъ на всѣхъ, кто выросталъ въ эти годы затишья. Къ концу XIX-го вѣка ростъ матеріальнаго благосостоянія и внѣшней образованности шелъ съ возростающимъ ускореніемъ. Техника шла отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію, наука отъ открытія къ открытію. Желѣзныя дороги, пароходы уже сдѣлали возможнымъ „путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней"; вслѣдъ за телеграфными проволоками по всему міру уже протягивались нити телефонныхъ проводовъ. Электрическое освѣщеніе быстро вытѣсняло газовое. Но въ 1894 г. неуклюжіе первые автомобили еще не могли конкуррировать съ изящными колясками и каретами; „живая фотографія" была еще въ стадіи предварительныхъ опытовъ; управляемые воздушные шары были только мечтой; объ аппаратахъ тяжелѣе воздуха еще не слыхали. Не было изобрѣтено радіо, и не былъ еще открытъ радій...

Почти во всѣхъ государствахъ наблюдался одинъ и тотъ же политическій процессъ: ростъ вліянія парламента, расширеніе избирательнаго права, переходъ власти къ болѣе лѣвымъ кругамъ. Противъ этого теченія, казавшагося въ то время стихійнымъ ходомъ

„историческаго прогресса", никто на Западѣ, въ сущности, не велъ реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно линяя и „лѣвѣя", довольствовались тѣмъ, что временами замедляли темпъ этого развитія, — 1894 г. въ большинствѣ странъ какъ разъ засталъ такое замедленіе.

Во Франціи, послѣ убійства президента Карно и ряда безсмысленныхъ анархическихъ покушеній, вплоть до бомбы въ Палатѣ Депутатовъ, и пресловутаго Панамскаго скандала, которыми ознаменовалось начало 90-хъ годовъ въ этой странѣ, произошелъ какъ разъ небольшой сдвигъ вправо. Президентомъ былъ Казиміръ Перье, правый республиканецъ, склонный къ расширенію президентской власти; управляло министерство Дюпюи, опиравшееся на умѣренное большинство. Но „умѣренными" уже въ ту пору считались тѣ, кто въ 70-е годы были на крайней лѣвой Національнаго Собранія; какъ разъ незадолго передъ тѣмъ — около 1890 г. — подъ вліяніемъ совѣтовъ папы Льва XIII, значительная часть французскихъ католиковъ перешла въ ряды республиканцевъ.

Въ Германіи, послѣ отставки Бисмарка, вліяніе Рейхстага значительно возросло; соціалъ-демократія, постепенно завоевывая всѣ большіе города, становилась самой крупной германской партіей. Консерваторы, со своей стороны, опираясь на прусскій ландтагъ, вели упорную борьбу съ экономической политикой Вильгельма II. За недостатокъ энергіи въ борьбѣ съ соціалистами канцлеръ Каприви въ октябрѣ 1894 г. былъ замѣненъ престарѣлымъ княземъ Гогенлоэ; но какой либо замѣтной перемѣны курса отъ этого не получилось.

Въ Англіи, въ 1894 г. на ирландскомъ вопросѣ потерпѣли пораженіе либералы , и у власти находилось „промежуточное" министерство лорда Розбери, которое скоро уступило мѣсто кабинету лорда Сольсбери, опиравшемуся на консерваторовъ и либераловъ-уніонистовъ (противниковъ ирландскаго самоуправленія). Эти уніонисты, во главѣ съ Чемберлэномъ, играли настолько видную роль въ правительственномъ большинствѣ, что вскорѣ имя уніонистовъ вообще лѣтъ на двадцать вытѣснило названіе консерваторовъ. Въ отличіе отъ Германіи, англійское рабочее движеніе еще не носило политическаго характера, и мощные трэдъ-юніоны, уже устраивавшіе весьма внушительныя забастовки, довольствовались пока экономическими и профессіональными достиженіями — встрѣчая въ этомъ больше поддержки у консерваторовъ, нежели у либераловъ. Этими соотношеніями объясняется фраза виднаго англійскаго дѣятеля того времени. „Всѣ мы теперь соціалисты"...

Въ Австріи и въ Венгріи парламентское правленіе было ярче выражено, чѣмъ въ Германіи: кабинеты, не имѣвшіе большинства, должны были уходить въ отставку. Съ другой стороны, самъ парламентъ противился расширенію избирательнаго права: господствующія партіи боялись утратить власть. Къ моменту кончины Императора Александра III въ Вѣнѣ правило недолговѣчное министерство кн. Виндишгрэца, опиравшееся на весьма разнородные элементы: на нѣмецкихъ либераловъ, на поляковъ, и на клерикаловъ.

Въ Италіи, послѣ періода господства лѣвыхъ съ Джолитти во главѣ, послѣ скандала съ назначеніемъ въ Сенатъ проворовавшагося директора банка Танлонго, въ началѣ 1894 г. пришелъ снова къ власти старый политическій дѣятель Криспи, одинъ изъ авторовъ Тройственнаго Союза, въ особыхъ итальянскихъ парламентскихъ условіяхъ игравшій роль консерватора.

Хотя II-й Интернаціоналъ былъ уже основанъ въ 1889 г. и соціалистическія идеи получали въ Европѣ все большее распространеніе, къ 1894 г. соціалисты еще не представляли собою серьезной политической силы ни въ одной странѣ, кромѣ Германіи (гдѣ въ 1893 г. они провели уже 44 депутата). Но парламентарный строй во многихъ малыхъ государствахъ — Бельгіи, Скандинавскихъ, Балканскихъ странахъ — получилъ еще болѣе прямолинейное примѣненіе, чѣмъ у великихъ державъ. Кромѣ Россіи, только Турція и Черногорія изъ европейскихъ странъ вовсе не имѣли въ то время парламентовъ.

Эпоха затишья была въ то же время эпохой вооруженнаго мира. Всѣ великія державы, а за ними и малыя, увеличивали и усовершенствовали свои вооруженія. Европа, какъ выразился В. О. Ключевскій, „для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ". Всеобщая воинская повинность была проведена во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы, кромѣ островной Англіи. Техника войны не отставала въ своемъ развитіи отъ техники мира.

Взаимное недовѣріе между государствами было велико. Тройственный Союзъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи казался наиболѣе мощнымъ сочетаніемъ державъ. Но и его участники не вполнѣ полагались другъ на друга. Германія до 1890 г. еще считала нужнымъ „перестраховаться" путемъ тайнаго договора съ Россіей, — и Бисмаркъ видѣлъ роковую ошибку въ томъ, что Императоръ Вильгельмъ II не возобновилъ этого договора —, а съ Италіей не разъ вступала въ переговоры Франція, стремясь оторвать ее отъ Тройственнаго Союза. Англія пребывала въ „великолѣпномъ одиночествѣ". Франція таила незажившую рану своего пораженія въ 1870—71 г. и готова была

примкнуть ко всякому противнику Германіи. Жажда реванша ярко проявилась въ концѣ 80-хъ годовъ успѣхами буланжизма.

Раздѣлъ Африки былъ въ общихъ чертахъ законченъ къ 1890-му году, по крайней мѣрѣ, на побережьи. Внутрь материка, гдѣ еще оставались неизслѣдованныя области, отовсюду стремились предпріимчивые колонизаторы, чтобы первыми поднять флагъ своей страны и закрѣпить за ней „ничьи земли". Только на среднемъ теченіи Нила путь англичанамъ еще преграждало государство махдистовъ, фанатиковъ-мусульманъ, въ 1885 г. одолѣвшихъ и убившихъ при взятіи Хартума англійскаго генерала Гордона. И горная Абиссинія, на которую начинали свой походъ итальянцы, готовила имъ неожиданно мощный отпоръ.

Все это были только островки — Африка, какъ раньше Австралія и Америка, становилась достояніемъ бѣлой расы. До конца XIX-го вѣка преобладало убѣжденіе, что и Азію постигнетъ та же участь. Англія и Россія уже слѣдили другъ за другомъ черезъ тонкій барьеръ слабыхъ еще самостоятельныхъ государствъ, Персіи, Афганистана, полунезависимаго Тибета. Ближе всего дошло до войны за все царствованіе Императора Александра III, когда въ 1885 г. генералъ Комаровъ подъ Кушкой разгромилъ афганцевъ: англичане зорко наблюдали за „воротами въ Индію!" Однако острый конфликтъ былъ разрѣшенъ соглашеніемъ 1887 г.

Но на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ еще въ 1850-хъ годахъ русскіе безъ борьбы заняли принадлежавшій Китаю Уссурійскій край, дремавшіе народы какъ разъ зашевелились. Когда умиралъ Императоръ Александръ III, на берегахъ Желтаго моря гремѣли пушки: маленькая Японія, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первыя побѣды надъ огромнымъ, но еще недвижнымъ Китаемъ.

Въ этомъ мірѣ Россійская Имперія, съ ея пространствомъ въ двадцать милліоновъ квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ въ 125 милліоновъ человѣкъ, занимала видное положеніе. Со времени Семилѣтней войны, а въ особенности съ 1812 года, военная мощь Россіи цѣнилась весьма высоко въ Западной Европѣ. Крымская война показала предѣлы этой мощи, но въ то же время и подтвердила ея прочность. Съ тѣхъ поръ — эпоха реформъ, въ томъ числѣ и въ военной сферѣ, создала новыя условія для развитія русской силы.

Россію за это время начали серьезно изучать. А. Леруа-Болье на французскомъ языкѣ, сэръ Д. Мэкензи-Уоллэсъ на англійскомъ, издали большія изслѣдованія о Россіи 1870—80-хъ годовъ. Строеніе

Россійской Имперіи весьма существенно отличалось отъ западно-европейскихъ условій, но иностранцы тогда уже начали понимать, что рѣчь идетъ о несходныхъ, а не объ „отсталыхъ“ государственныхъ формахъ.

„Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи законовъ, отъ Высочайшей власти исходящихъ. Императоръ есть монархъ самодержавный и неограниченный“ — гласили русскіе Основные Законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на всѣ существенные вопросы имѣлись точные отвѣты въ законахъ, которые подлежали исполненію, пока не было отмѣны. Въ области гражданскихъ правъ русская царская власть вообще избѣгала рѣзкой ломки, считалась съ правовыми навыками населенія и съ благопріобрѣтенными правами, и оставляла въ дѣйствіи на территоріи Имперіи и кодексъ Наполеона (въ Царствѣ Польскомъ), и Литовскій статутъ (въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ), и Магдебургское право (въ Прибалтійскомъ краѣ), и обычное право у крестьянъ, и всевозможные мѣстные законы и обычаи на Кавказѣ, въ Сибири, въ Средней Азіи.

Но право издавать законы нераздѣльно принадлежало Царю. Былъ Государственный Совѣтъ, изъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ туда Государемъ; онъ обсуждалъ проекты законовъ; но Царь могъ согласиться, по своему усмотрѣнію, и съ мнѣніемъ большинства, и съ мнѣніемъ меньшинства, — или отвергнуть и то, и другое. Обычно для проведенія важныхъ мѣропріятій образовывались особыя комиссіи и совѣщанія; но они имѣли, разумѣется, только подготовительное значеніе.

Въ области исполнительной — полнота Царской власти также была неограничена. Людовикъ XIV, послѣ смерти кардинала Мазарини, заявилъ, что хочетъ отнынѣ быть самъ своимъ первымъ министромъ. Но всѣ русскіе монархи были въ такомъ же положеніи. Россія не знала должности перваго министра. Званіе канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранныхъ дѣлъ (послѣднимъ канцлеромъ былъ свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, скончавшійся въ 1883 г.), давало ему чинъ 1-го класса по табели ранговъ, но не означало какого либо главенства надъ остальными министрами. Былъ Комитетъ Министровъ, у него имѣлся постоянный предсѣдатель (въ 1894 г. имъ еще состоялъ бывшій министръ финансовъ Н. Х. Бунге). Но этотъ Комитетъ былъ, въ сущности, только своего рода междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ.

Всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями имѣ-

ли у Государя свой самостоятельный докладъ. Государю были также непосредственно подчинены генералъ-губернаторы, а также градоначальники обѣихъ столицъ.

Это не значило, что Государь входилъ во всѣ детали управленія отдѣльными вѣдомствами (хотя напр. Императоръ Александръ III былъ „собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ", которому докладывались всѣ „входящія" и „исходящія"; Н. К. Гирсъ былъ какъ бы его „товарищемъ министра"). Отдѣльные министры имѣли иногда большую власть и возможность широкой инициативы. Но они имѣли ихъ, **поскольку** и **пока** имъ довѣрялъ Государь.

Для проведеднія въ жизнь предначертаній, идущихъ сверху, Россія имѣла также многочисленный штатъ чиновниковъ. Императоръ Николай I обронилъ когда-то ироническую фразу о томъ, что Россіей управляютъ 30.000 столоначальниковъ. Жалобы на „бюрократію", на „средостѣніе" были весьма распространены въ русскомъ обществѣ. Принято было бранить чиновниковъ, ворчать на нихъ. Заграницей существовало представленіе о чуть ли не поголовномъ взяточничествѣ русскихъ чиновниковъ. О немъ часто судили по сатирамъ Гоголя или Щедрина; но карикатура, даже удачная, не можетъ считаться портретомъ. Въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, — напр. въ полиціи, — низкіе оклады дѣйствительно способствовали довольно широкому распространенію взятки. Другія, какъ напр. министерство финансовъ или судебное вѣдомство послѣ реформы 1864 г., пользовались наоборотъ репутаціей высокой честности. Надо впрочемъ признать, что одной изъ чертъ, роднившихъ Россію съ восточными странами, было бытовое снисходительное отношеніе къ многимъ поступкамъ сомнительной честности; борьба съ этимъ явленіемъ была психологически не легка. Нѣкоторыя группы населенія, какъ напр. инженеры, пользовались еще худшей репутаціей, чѣмъ чиновники — весьма часто, разумѣется, незаслуженной.

Зато правительственные верхи были свободны отъ этого недуга. Случаи, когда къ злоупотребленіямъ оказывались причастны министры или другіе представители власти, были рѣдчайшими сенсаціонными исключеніями.

Какъ бы то ни было русская администрація, даже въ самыхъ несовершенныхъ своихъ частяхъ, выполняла, несмотря на трудныя условія, возложенную на нее задачу. Царская власть имѣла въ своемъ распоряженіи послушный и стройно организованный государственный аппаратъ, приложенный къ многообразнымъ потребностямъ Россій-

ской Имперіи. Этотъ аппаратъ создавался вѣками, — отъ московскихъ приказовъ — и во многомъ достигъ высокаго совершенства.

Но Русскій Царь былъ не только главой государства: онъ былъ въ то же время главою русской православной церкви, занимавшей первенствущее положеніе въ странѣ. Это, конечно, не означало, чтобы Царь былъ вправѣ касаться церковныхъ догматовъ; соборное устройство православной церкви исключало такое пониманіе правъ Царя. Но по предложенію Святѣйшаго Синода, высшей церковной коллегіи, назначеніе епископовъ производилось Царемъ; и отъ него же зависѣло (въ томъ же порядкѣ) пополненіе состава самого Синода. Связующимъ звеномъ между церковью и государствомъ былъ оберъ-прокуроръ Синода. Эта должность болѣе четверти вѣка занималась К. П. Побѣдоносцевымъ, человѣкомъ выдающагося ума и сильной воли, учителемъ двухъ Императоровъ — Александра III и Николая II.

За время правленія Императора Александра III проявились слѣдующія основныя тенденціи власти: не огульно-отрицательное, но во всякомъ случаѣ **критическое** отношеніе къ тому, что именовалось „прогрессомъ"; и стремленіе придать Россіи больше внутренняго единства, путемъ утвержденія первенства русскихъ элементовъ страны. Кромѣ того, одновременно проявлялись два теченія, далеко не сходныхъ, но какъ бы восполнявшихъ другъ друга. Одно, ставящее себѣ цѣлью защиту слабыхъ отъ сильныхъ, предпочитающее широкія народныя массы отдѣлившимся отъ нихъ верхамъ, съ нѣкоторыми уравнительными склонностями, — въ терминахъ нашего времени можно было бы назвать „демофильскимъ" или христіанско-соціальнымъ. Это — теченіе, представителями котораго были, наряду съ другими, министръ юстиціи Манасеинъ (ушедшій въ отставку въ 1894 г.) и К. П. Побѣдоносцевъ, писавшій, что „дворяне одинаково съ народомъ подлежатъ обузданію". Другое теченіе, нашедшее себѣ выразителя въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстомъ, стремилось къ укрѣпленію правящихъ сословій, къ установленію извѣстной іерархіи въ государствѣ. Первое теченіе, между прочимъ, горячо отстаивало крестьянскую общину, какъ своеобразную русскую форму рѣшенія соціальнаго вопроса.

Руссификаторская политика встрѣчала больше сочувствія у „демофильскаго" теченія. Наоборотъ, яркій представитель второго теченія, извѣстный писатель К. Н. Леонтьевъ выступилъ въ 1888 г. съ брошюрой „Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи" (въ послѣдующихъ изданіяхъ слово „національная" было замѣнено „племенная"), доказывая, что „движеніе современнаго политиче-

скаго націонализма есть не что иное, какъ видоизмѣненное только въ пріемахъ распространеніе космополитической демократизаціи"

Изъ видныхъ правыхъ публицистовъ того времени, къ первому теченію примыкалъ М. Н. Катковъ, ко второму — кн. В. П. Мещерскій.

Самъ Императоръ Александръ III, при его глубоко русскомъ складѣ ума, не сочувствовалъ руссификаторскимъ крайностямъ, и выразительно писалъ К. П. Побѣдоносцеву (въ 1886 г.): „Есть господа, которые думаютъ, что они одни Русскіе, и никто болѣе. Уже не воображаютъ ли они, что я Нѣмецъ или Чухонецъ? Легко имъ съ ихъ балаганнымъ патріотизмомъ, когда они ни за что не отвѣчаютъ. Не я дамъ въ обиду Россію"

Во внѣшней политикѣ, царствованіе Императора Александра III принесло большія перемѣны. Та близость съ Германіей, или вѣрнѣе съ Пруссіей, которая оставалась общей чертой русской политики съ Екатерины Великой и проходитъ красной нитью черезъ царствованія Александра I, Николая I и особенно Александра II, смѣнилась замѣтнымъ охлажденіемъ. Едва-ли было бы правильнымъ, какъ это иногда дѣлаютъ, приписывать это развитіе событій — антигерманскимъ настроеніямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, датской принцессы, вышедшей замужъ за русскаго Наслѣдника вскорѣ послѣ датско-прусской войны 1864 г.! Можно развѣ сказать, что политическія осложненія на этотъ разъ не смягчались, какъ въ предшествующія царствованія, личными добрыми отношеніями и семейными связями династій. Причины были, конечно, преимущественно политическія.

Хотя Бисмаркъ и считалъ возможнымъ совмѣщать Тройственный Союзъ съ дружественными отношеніями съ Россіей, австро-германо-итальянскій союзъ былъ, конечно, въ основѣ охлажденія между старыми друзьями. Берлинскій конгрессъ оставилъ горечь въ русскомъ общественномъ мнѣніи. На верхахъ начали звучать анти-германскія нотки. Извѣстна рѣзкая рѣчь ген. Скобелева противъ нѣмцевъ; Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" велъ противъ нихъ кампанію. Къ серединѣ 80-хъ годовъ напряженіе стало ощущаться сильнѣе; германскій семилѣтній военный бюджетъ („септеннатъ") былъ вызванъ ухудшеніемъ отношеній съ Россіей. Германское правительство закрыло берлинскій рынокъ для русскихъ цѣнныхъ бумагъ.

Императора Александра III, какъ и Бисмарка, это обостреніе серьезно тревожило, и въ 1887 г. былъ заключенъ — на трехлѣтній срокъ — т. н. договоръ о перестраховкѣ. Это было секретное русско-германское соглашеніе, по которому обѣ страны обѣщали другъ

другу благожелательный нейтралитетъ на случай нападенія какой-либо третьей страны на одну изъ нихъ. Соглашеніе это составляло существенную оговорку къ акту Тройственнаго Союза. Оно означало, что Германія не будетъ поддерживать какого-либо анти-русскаго выступленія Австріи. Юридически эти договоры были совмѣстимы, такъ какъ и Тройственный Союзъ предусматривалъ только поддержку въ томъ случаѣ, если кто-либо изъ его участниковъ **подвергнется нападенію** (что и дало Италіи возможность въ 1914 г. объявить нейтралитетъ, не нарушая союзнаго договора).

Но этотъ договоръ о перестраховкѣ не былъ возобновленъ въ 1890 г. Переговоры о немъ совпали съ моментомъ отставки Бисмарка. Его преемникъ, ген. Каприви, съ военной прямолинейностью, указалъ Вильгельму II, что этотъ договоръ представляется нелойяльнымъ въ отношеніи Австріи. Со своей стороны, Императоръ Александръ III, питавшій симпатіи къ Бисмарку, не стремился связываться съ новыми правителями Германіи.

Послѣ этого, въ 90-е годы, дѣло дошло до русско-германской таможенной войны, завершившейся торговымъ договоромъ 20 марта 1894 г., заключеннымъ при ближайшемъ участіи министра финансовъ С. Ю. Витте. Этотъ договоръ давалъ Россіи — на десятилѣтній срокъ — существенныя преимущества.

Отношеніямъ съ Австро-Венгріей нечего было и портиться: съ того времени, какъ Австрія, спасенная отъ венгерской революціи Императоромъ Николаемъ I, „удивила міръ неблагодарностью" во время Крымской войны, Россія и Австрія такъ же сталкивались на всемъ фронтѣ Балканъ, какъ Россія и Англія на всемъ фронтѣ Азіи.

Англія въ то время еще продолжала видѣть въ Россійской Имперіи своего главнаго врага и конкуррента, „огромный ледникъ, нависающій надъ Индіей", какъ выразился въ англійскомъ парламентѣ лордъ Биконсфильдъ (Дизраэли).

На Балканахъ Россія пережила за 80-е годы тягчайшія разочарованія. Освободительная война 1877—78 г., стоившая Россіи столько крови и такихъ финансовыхъ потрясеній, не принесла ей непосредственныхъ плодовъ. Австрія фактически завладѣла Босніей и Герцеговиной, и Россія вынуждена была это признать, чтобы избѣжать новой войны. Въ Сербіи находилась у власти династія Обреновичей, въ лицѣ короля Милана, явно тяготѣвшая къ Австріи. Про Болгарію — даже Бисмаркъ ѣдко отозвался въ своихъ мемуарахъ „освобожденные народы бываютъ не благодарны, а притязательны". Тамъ дѣло дошло до преслѣдованія руссофильскихъ элементовъ. Замѣна князя

Александра Баттенбергскаго, ставшаго во главѣ анти-русскихъ теченій, Фердинандомъ Кобургскимъ не улучшила русско-болгарскихъ отношеній. Только въ 1894 г., долженъ былъ уйти въ отставку Стамбуловъ, главный вдохновитель руссофобской политики. Единственной страной, съ которой Россія въ теченіе долгихъ лѣтъ даже не имѣла дипломатическихъ сношеній была Болгарія, такъ недавно воскрешенная русскимъ оружіемъ изъ долгаго государственнаго небытія!

Румынія находилась въ союзѣ съ Австріей и Германіей, обиженная тѣмъ, что въ 1878 г. Россія вернула себѣ небольшой отрѣзокъ Бессарабіи, отнятой у нея въ Крымскую войну *). Хотя Румынія получила при этомъ въ видѣ компенсаціи всю Добруджу съ портомъ Констанцей, — она предпочла сблизиться съ противниками русской политики на Балканахъ.

Когда Императоръ Александръ III провозгласилъ свой извѣстный тостъ за „единственнаго вѣрнаго друга Россіи, князя Николая Черногорскаго", — это въ сущности соотвѣтствовало дѣйствительности. Мощь Россіи была настолько велика, что она не чувствовала себя угрожаемой въ этомъ одиночествѣ. Но послѣ прекращенія договора о перестраховкѣ, во время рѣзкаго ухудшенія русско-германскихъ экономическихъ отношеній, Императоръ Александръ III предпринялъ опредѣленные шаги для сближенія съ Франціей.

Республиканскій строй, государственное безвѣріе и такія недавнія въ то время явленія, какъ Панамскій скандалъ, не могли располагать къ Франціи русскаго Царя, хранителя консервативныхъ и религіозныхъ началъ. Многіе считали поэтому франко-русское соглашеніе исключеннымъ. Торжественный пріемъ моряковъ французской эскадры въ Кронштадтѣ, когда русскій Царь съ непокрытой головой слушалъ „Марсельезу", показалъ, что симпатіи или антипатіи къ внутреннему строю Франціи не являются рѣшающими для Императора Александра III. Мало кто, однако, думалъ, что уже съ 1892 г. между Россіей и Франціей былъ заключенъ тайный оборонительный союзъ, дополненный военной конвенціей, указывающей, какое количество войскъ обѣ стороны обязуются выставить на случай войны съ Германіей. Договоръ этотъ былъ въ то время настолько секретнымъ, что о немъ не знали ни министры (конечно, кромѣ двухъ-трехъ высшихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ и военнаго вѣдомства), ни даже самъ Наслѣдникъ Престола.

---

*) Измаильскій уѣздъ, съ площадью въ 8.128 кв. верстъ, съ населеніемъ ок. 125.000 человѣкъ.

Французское общество давно жаждало оформленія этого союза, но Царь поставилъ условіемъ строжайшее сохраненіе тайны, опасаясь, что увѣренность въ русской поддержкѣ можетъ породить во Франціи воинственныя настроенія, оживить жажду реванша, и правительство, по особенностямъ демократическаго строя, не будетъ въ силахъ противиться напору общественнаго мнѣнія.

Россійская Имперія въ ту пору обладала самой многочисленной въ мірѣ арміей мирнаго времени. Ея 22 корпуса, не считая казаковъ и нерегулярныхъ частей, достигали численности до 900.000 человѣкъ. При четырехлѣтнемъ срокѣ военной службы, ежегодный призывъ новобранцевъ давалъ въ началѣ 90-хъ годовъ втрое больше людей, чѣмъ было нужно арміи. Это не только давало возможность производить строгій отборъ по физической годности, но и позволяло предоставлять широкія льготы по семейному положенію. Единственные сыновья, старшіе братья, на попеченіи коихъ находились младшіе, учителя, врачи, и т. д. освобождались отъ дѣйствительной военной службы и прямо зачислялись въ ратники ополченія второго разряда, до которыхъ мобилизація могла дойти лишь въ самую послѣднюю очередь. Въ Россіи зачислялся въ армію всего 31 процентъ призывныхъ каждаго года, тогда какъ во Франціи 76 процентовъ.

На вооруженіе арміи работали преимущественно **казенные** заводы; въ Россіи не было тѣхъ „торговцевъ пушками", которые пользуются столь нелестной репутаціей на западѣ.

Для подготовки офицерскаго состава имѣлось 37 среднихъ и 15 высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучалось 14—15.000 человѣкъ.

Всѣ нижніе чины, проходившіе службу въ рядахъ арміи, получали кромѣ того извѣстное образованіе. Неграмотныхъ обучали читать и писать, и всѣмъ давались нѣкоторыя основныя начала общаго образованія.

Русскій флотъ, находившійся въ упадкѣ со времени Крымской войны, въ царствованіе Императора Александра III ожилъ и отстроился. Было спущено на воду 114 новыхъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 17 броненосцевъ и 10 бронированныхъ крейсеровъ. Водоизмѣщеніе флота достигало 300.000 тоннъ — русскій флотъ занималъ третье мѣсто (послѣ Англіи и Франціи) въ ряду міровыхъ флотовъ. Слабой стороной его было, однако, то, что Черноморскій флотъ — около трети русскихъ морскихъ силъ — былъ запертъ въ Черномъ

морѣ по международнымъ договорамъ и не имѣлъ возможности принять участія въ борьбѣ, которая возникла бы въ иныхъ моряхъ.

Россія не имѣла имперскихъ представительныхъ учрежденій; Императоръ Александръ III, говоря словами К. П. Побѣдоносцева, вѣровалъ „въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи" и не допускалъ для нея „въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній". Но отъ предшествующаго царствованія въ наслѣдіе остались органы мѣстнаго самоуправленія, земства и города; и еще со временъ Екатерины II существовало сословное самоуправленіе въ лицѣ дворянскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ (мѣщанскія управы и другіе органы самоуправленія горожанъ утратили постепенно всякое реальное значеніе).

Земскія самоуправленія были введены (въ 1864 г.) въ 34 (изъ 50 *) губерній Европейской Россіи, то есть распространились болѣе нежели на половину населенія Имперіи. Они избирались тремя группами населенія: крестьянами, частными землевладѣльцами и горожанами; число мѣстъ распредѣлялось между группами соотвѣтственно суммъ платимыхъ ими налоговъ. Въ 1890 г. былъ изданъ законъ, усилившій роль дворянства въ земствахъ. Вообще частные владѣльцы, какъ болѣе образованный элементъ деревни, играли руководящую роль въ большинствѣ губерній; но были и земства преимущественно крестьянскія (Вятское, Пермское, напримѣръ). Русскія земства имѣли болѣе широкую сферу дѣятельности, чѣмъ сейчасъ имѣютъ органы мѣстнаго самоуправленія во Франціи. Медицинская и ветеринарная помощь, народное образованіе, содержаніе дорогъ, статистика, страховое дѣло, агрономія, кооперація, и т. д. — такова была сфера дѣятельности земствъ.

Городскія самоуправленія (думы) избирались домовладѣльцами. Думы избирали городскія управы, съ городскимъ головой во главѣ. Сфера ихъ компетенціи, въ предѣлахъ городовъ, была въ общихъ чертахъ та же, что у земствъ въ отношеніи деревни.

Наконецъ, и деревня имѣла свое крестьянское самоуправленіе, въ которомъ принимали участіе всѣ взрослые крестьяне и жены отсутствующихъ мужей. „Міромъ" рѣшались мѣстные вопросы и избирались уполномоченные на волостной сходъ. Старосты (предсѣда-

---

*) Земствъ не было: въ 12 западныхъ губерніяхъ, гдѣ среди землевладѣльцевъ преобладали не-русскіе элементы; въ рѣдко населенныхъ Архангельской и Астраханской губ.; въ Области войска Донского, и въ Оренбургской губ. съ ихъ казачьими учрежденіями.

тели) и при нихъ состоявшіе писаря (секретари) руководили этими первичными ячейками крестьянскаго самоуправленія.

Въ общемъ, къ концу царствованія Императора Александра III, при государственномъ бюджетѣ въ 1.200.000.000 рублей, мѣстные бюджеты, находившіеся въ вѣдѣніи выборныхъ учрежденій, достигали суммы около 200 милліоновъ, изъ которыхъ на земства и города приходилось примѣрно по 60 милл. въ годъ. Изъ этой суммы, земства тратили около трети на медицинскую помощь, и около одной шестой — на народное образованіе.

Дворянскія собранія, созданныя еще Екатериной Великой, состояли изъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ каждой губерніи (или уѣзда), причемъ участвовать въ собраніяхъ могли только тѣ дворяне, которые имѣли въ данной мѣстности земельную собственность*). Губернскія дворянскія собранія были, въ сущности, единственными общественными органами, въ которыхъ порою обсуждались, на законномъ основаніи, вопросы общей политики. Дворянскія собранія, въ видѣ адресовъ на Высочайшее имя, не разъ выступали съ политическими резолюціями. Кромѣ этого, сфера ихъ компетенціи была весьма ограничена, и они играли извѣстную роль только благодаря своей связи съ земствами (мѣстный предводитель дворянства являлся по должности предсѣдателемъ губернскаго или уѣзднаго земскаго собранія).

Значеніе дворянства въ странѣ въ то время уже замѣтно шло на убыль. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, вопреки распространеннымъ на Западѣ представленіямъ, въ 49 губ. Европейской Россіи изъ 381 милл. десятинъ земельной площади только 55 милліоновъ принадлежало дворянамъ, тогда какъ въ Сибири, Средней Азіи и на Кавказѣ дворянское землевладѣніе вообще почти отсутствовало (только въ губерніяхъ Царства Польскаго дворянству принадлежало 44 проц. земель).

Въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, какъ вездѣ гдѣ дѣйствуетъ выборное начало, были конечно свои группировки, свои правые и лѣвые. Были земства либеральныя и земства консервативныя. Но настоящихъ партій изъ этого не слагалось. Не было въ то время и сколько нибудь значительныхъ нелегальныхъ группировокъ, послѣ распада „Народной Воли", хотя заграницей и выходили кое-какія революціонныя изданія. Такъ Лондонскій фондъ нелегальной печати (С. Степ-

*) Дворянство въ Россіи не составляло замкнутой касты; права потомственнаго дворянства пріобрѣтались каждымъ, кто достигалъ чина VIII класса по табели о рангахъ (коллежскаго асессора, капитана, ротмистра).

някъ, Н. Чайковскій, Л. Шишко и др.) въ отчетѣ за 1893 г., сообщилъ, что за годъ имъ распространено 20.407 экземпляровъ нелегальныхъ брошюръ и книгъ, — изъ нихъ 2.360 въ Россіи, что составляетъ не большое количество на 125 милліоновъ населенія...

На особомъ положеніи находилось Великое Княжество Финляндское. Тамъ дѣйствовала конституція, дарованная еще Александромъ I. Финскій сеймъ, состоявшій изъ представителей четырехъ сословій (дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ) созывался каждые пять лѣтъ, и при Императорѣ Александрѣ III онъ даже получилъ (въ 1885 г.) право законодательной иниціативы. Мѣстнымъ правительствомъ былъ Сенатъ, назначавшійся Императоромъ, а связь съ общеимперскимъ управленіемъ обезпечивалась черезъ министра-статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи.

При отсутствіи представительныхъ учрежденій, организованной политической дѣятельности въ Россіи не было, и попытки создать партійныя группы немедленно пресѣкались полицейскими мѣрами. Печать находилась подъ зоркимъ наблюденіемъ власти. Нѣкоторыя большія газеты выходили, однако, безъ предварительной цензуры — чтобы ускорить выпускъ — и несли поэтому рискъ послѣдующихъ репрессій Обычно газетѣ дѣлалось два „предостереженія" и на третьемъ — ея выходъ въ свѣтъ пріостанавливался. Но при этомъ газеты оставались **независимыми:** въ извѣстныхъ рамкахъ, при условіи нѣкоторой внѣшней сдержанности, онѣ могли проводить, и зачастую проводили, взгляды, весьма враждебные правительству. Большинство большихъ газетъ и журналовъ было завѣдомо оппозиціоннымъ. Правительство только ставило внѣшнія преграды выраженію враждебныхъ ему воззрѣній, а не пыталось вліять на содержаніе печати.

Можно сказать, что русская власть не имѣла ни склонности, ни способности къ саморекламѣ. Ея достиженія и успѣхи нерѣдко оставались въ тѣни, тогда какъ неудачи и слабыя стороны старательно расписывались, съ мнимой объективностью, на страницахъ русской повременной печати, а заграницей распространялись русскими политическими эмигрантами, создавая во многомъ ложныя представленія о Россіи.

Въ отношеніи книгъ наиболѣе строгой была цензура церковная. Менѣе суровая, чѣмъ Ватиканъ, съ его „индексомъ", она въ то же время имѣла возможность не только заносить запрещенныя книги въ списки, но и пресѣкать на дѣлѣ ихъ распространеніе. Такъ, подъ запретомъ были антицерковныя писанія гр. Л. Н. Толстого, „Жизнь

Іисуса" Ренана; при переводахъ изъ Гейне, напр., исключались мѣста, содержащія глумленіе надъ религіей. Но въ общемъ — особенно если принять во вниманіе, что цензура въ разные періоды дѣйствовала съ различной степенью строгости, а книги, однажды допущенныя, рѣдко изымались затѣмъ изъ обращенія, — книги, запретныя для русскаго „легальнаго" читателя, составляли ничтожную долю міровой литературы. Изъ крупныхъ русскихъ писателей запрещенъ былъ только Герценъ.

Въ странѣ, которую заграницей считали „царствомъ кнута, цѣпей и ссылки въ Сибирь", дѣйствовали на самомъ дѣлѣ весьма мягкіе и гуманные законы. Россія была единственной страной, гдѣ смертная казнь вообще была отмѣнена (со временъ Императрицы Елисаветы Петровны) для всѣхъ преступленій, судимыхъ общими судами. Она оставалось только въ военныхъ судахъ и для высшихъ государственныхъ преступленій. За XIX-й вѣкъ число казненныхъ (если исключить оба польскихъ возстанія и нарушенія воинской дисциплины) **не составляло и ста человѣкъ за сто лѣтъ.** За царствованіе Императора Александра III-го, кромѣ участниковъ цареубійства 1 марта, казнены были только нѣсколько человѣкъ, покушавшихся убить Императора (одинъ изъ нихъ, между прочимъ, былъ какъ разъ А. Ульяновъ — братъ Ленина).

Административная ссылка, на основаніи закона о положеніи усиленной охраны, примѣнялась зато довольно широко ко всѣмъ видамъ противоправительственной агитаціи. Были разныя степени ссылки — въ Сибирь, въ сѣверныя губерніи („мѣста не столь отдаленныя", какъ это обычно называли), иногда просто въ провинціальные города. Высланнымъ, не имѣвшимъ собственныхъ средствъ, выдавалось казенное пособіе на жизнь. Въ мѣстахъ ссылки образовывались особыя колоніи людей, объединенныхъ общей судьбой; нерѣдко эти колоніи ссыльныхъ становились ячейками будущей революціонной работы, создавая связи и знакомства, содѣйствуя „закрѣпощенію" въ враждѣ къ существующему порядку. Тѣ же, кто считались наиболѣе опасными, помѣщались въ Шлиссельбургскую крѣпость на островѣ въ верхнемъ теченіи Невы.

Русскій судъ, основанный на судебныхъ уставахъ 1864 г., стоялъ съ того времени на большой высотѣ; „гоголевскіе типы" въ судейскомъ мірѣ отошли въ область преданій. Бережное отношеніе къ подсудимымъ, широчайшее обезпеченіе правъ защиты, отборный составъ судей, все это составляло предметъ справедливой гордости русскихъ людей и соотвѣтствовало настроеніямъ общества. Судебные

Уставы были однимъ изъ немногихъ законовъ, которые общество не только уважало, но и готово было ревниво защищать отъ власти, когда она считала необходимымъ вносить оговорки и поправки въ либеральный законъ для болѣе успѣшной борьбы съ преступленіями.

Труднѣе всего было бы опредѣлить культурный уровень русскаго народа. Если измѣрить его одними внѣшними признаками, числомъ учебныхъ заведеній, числомъ учащихся и ихъ соотношеніемъ съ общей численностью населенія, было безспорно, что большинство европейскихъ государствъ въ этомъ отношеніи опередило Россію. Къ 1894 г. въ девяти русскихъ университетахъ обучалось 14.327 студентовъ; вмѣстѣ со спеціальными высшими учебными заведеніями (техническими, военными, художественными и т. д.) оно достигало 25.—30.000 человѣкъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ихъ было около 900) обучалось 224.000 человѣкъ (изъ нихъ въ женскихъ 75.500). Въ низшихъ учебныхъ заведедніяхъ всѣхъ видовъ (около 72.000) обучалось 3.360.000 дѣтей. Учащіеся составляли, т. о., немного менѣе 3 проц. общей массы населенія *). Для азіатскихъ странъ такой процентъ учащихся, какъ въ Россіи, казался бы вообще огромнымъ. (Въ страчахъ всеобщаго обязательнаго обученія учащіеся составляютъ около 10 проц. населенія).

Въ Россіи выходило къ 1894 г. около 850 періодическихъ изданій всѣхъ видовъ; ежедневныхъ газетъ, не считая губернскихъ оффиціальныхъ изданій, имѣлось около ста. Во главѣ оппозиціонной печати были въ то время въ С.-Петербургѣ „Новости", въ Москвѣ — „Русскія Вѣдомости", тогда какъ наиболѣе распространенной умѣренной газетой было суворинское „Новое Время", а правыми органами были ‚Гражданинъ" кн. Мещерскаго и „Московскія Вѣдомости", имѣвшія однако меньшій вѣсъ послѣ смерти М. Н. Каткова. Изъ т. н. „толстыхъ журналовъ" только „Русскій Вѣстникъ" былъ органомъ консервативнымъ, тогда какъ „Вѣстникъ Европы" и „Русская Мысль" держались либеральнаго направленія, а въ „Русскомъ Богатствѣ" и „Мірѣ Божіемъ" пробивалась соціалистическая струя. Особо стоялъ „Сѣверный Вѣстникъ", проводившій взгляды враждебные плоскому матеріализму 60-хъ годовъ, но въ то же время политически весьма далекій отъ власти. Провинціальная печать была бѣднѣе и сѣрѣе сто-

*) Въ общемъ 3 проц. имѣлись въ земскихъ губерніяхъ и вообще въ Европейской Россіи; (выше — около 6 проц. — только въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ). Цифра эта рѣзко понижалась на Кавказѣ (1, 7) и особенно въ только недавно завоеванной Средней Азіи (0, 3).

личнои, но и тамъ — исключенiемъ былъ „Кiевлянинъ" проф. Д. И. Пихно — преобладали сдержанно-оппозицiонные тона. Именно въ провинцiи большевики упоминаютъ первые ростки „марксистской печати".

Въ Россiи въ 1894 г. имѣлось 1.315 типографiй. Книгъ и другихъ не-перiодическихъ изданiй выпущено было 16.541, въ томъ числѣ около 6.000 въ С.-Петербургѣ и около 2.500 въ Москвѣ. Тиражъ ихъ достигалъ нѣсколько десятковъ миллiоновъ экземпляровъ.

Число общественныхъ библiотекъ, подъ влiянiемъ дѣятельности земствъ въ этой области, быстро росло и приближалось къ четыремъ тысячамъ, во главѣ съ Императорской Публичной библiотекой, съ ея полутора миллiонами книгъ и 15.000 читателей въ годъ. Большiя библiотеки также имѣлись въ Академiи Наукъ, въ Румянцевскомъ музеѣ (Москва) и при всѣхъ университетахъ. Согласно закону, по одному экземпляру каждой книги, выходившей въ Россiи, должно было поступать въ библiотеку Академiи Наукъ и въ Публичную библiотеку.

Иностранные наблюдатели не разъ отмѣчали высокiй культурный уровень образованныхъ слоевъ русскаго общества, нашедшiй себѣ такое яркое выраженiе въ русской литературѣ XIX вѣка, сразу выдвинувшейся въ первые ряды мiровой литературы. Отмѣчалось также, что въ отличiе отъ Запада въ Россiи образованiе болѣе равномѣрно распространяется и на женщинъ, которыя въ Россiи вообще были гораздо ближе къ гражданскому и соцiальному равенству съ мужчинами, чѣмъ въ Западной Европѣ, особенно въ романскихъ странахъ. Проф. Legras, въ своихъ впечатлѣнiяхъ о пребыванiи въ Россiи въ 1892 г., писалъ: „Лицеи для дѣвицъ (гимназiи) буквально кишатъ въ Россiи... Серьезное развитiе женскаго образованiя въ Россiи имѣетъ и свои преимущества... Чувствуешь, что ихъ умъ прошелъ иную школу, чѣмъ у воспитанницъ нашихъ модныхъ монастырей... Русскiя дѣвушки менѣе сдержанны, но болѣе естественны, чѣмъ дѣвицы въ нашихъ пансiонатахъ". Этотъ отзывъ любопытенъ потому, что онъ исходитъ отъ человѣка, отзывающагося въ общемъ безъ сочувствiя объ Императорской Россiи.

Въ русской литературѣ начало 90-хъ годовъ было перiодомъ тусклымъ, промежуточнымъ. Большiе писатели второй половины вѣка сошли со сцены. Достоевскiй и Тургеневъ умерли, гр. Л. Н. Толстой отошелъ отъ художественнаго творчества и занимался проповѣдью своихъ ученiй. Въ 1892 г. скончался А. А. Фетъ, давшiй за послѣднiе годы жизни свои великолѣпные „Вечернiе Огни"; изъ меньшихъ умерли Гаршинъ, Гл. Успенскiй, раньше — Писемскiй; поэты Апухтинъ

и Надсонъ (такъ безмѣрно возвеличенный русской публикой того времени). Доживали послѣдніе годы А. Н. Майковъ († 1897 г.), Я. П. Подоискій († 1898), Н. С. Лѣсковъ († 1895). Изъ новыхъ писателей А. П. Чеховъ еще не получилъ общаго признанія; онъ пользовался меньшей извѣстностью, чѣмъ Короленко. Только вокругъ „Сѣвернаго Вѣстника" ощущалось нѣкоторое „движеніе воды", — возникало т. н. „декадентство" съ Мережковскимъ, Гиппіусъ, Минскимъ во главѣ. Свою первую книгу въ 1894 г. выпустилъ Бальмонтъ. Одиноко стоялъ талантливый поэтъ — алкоголикъ К. М. Фофановъ.

Изъ русскихъ писателей того времени наибольшей извѣстностью пользовался философъ Владиміръ Соловьевъ. К. Н. Леонтьевъ скончался въ 1892 г.; въ „Русскомъ Вѣстникѣ" о немъ помѣстилъ рядъ статей талантливый публицистъ В. В. Розановъ, получившій извѣстность своей небольшой книгой „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго".

Въ критикѣ господствовала политическая тенденція. Большимъ вліяніемъ пользовался Н. К. Михайловскій. Литературу разсматривали съ точки зрѣнія общественной пользы (весьма узко понимаемой), и на „Сѣверный Вѣстникъ", за его защиту чистаго искусства, сыпались громы почти всѣхъ другихъ органовъ печати.

Архитектура, какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ странахъ, находилась въ печальномъ упадкѣ. Утилитарный духъ вѣка, казалось, убилъ творчество въ этой области; строились въ огромныхъ количествахъ только безобразные, четырехъ и пяти-этажные жилые дома, чтобы вмѣстить быстро ростущее населеніе городовъ. Было не до церквей и не до дворцовъ...

Въ живописи наибольшей популярностью пользовались „передвижники", реалисты съ „общественно-полезной" тенденціей. Ихъ выставки, „передвигавшіяся" изъ города въ городъ, привлекали наибольшее число посѣтителей, — въ С.-Петербургѣ отъ 25.000 до 44.000 человѣкъ, въ Москвѣ — до 27.000, тогда какъ выставки Академіи Художествъ не достигали цифръ выше 18—20.000 посѣтителей. В. А. Сѣровъ былъ еще въ ту пору начинающимъ художникомъ; на первомъ планѣ были имена Крамского, Рѣпина, Сурикова и Верещагина; въ модѣ были также „марины" Айвазовскаго. Религіозную струю въ живопись вносили В. М. Васнецовъ и Нестеровъ, трогательно преданный поклонникъ Императора Александра III. Въ скульптурѣ первое мѣсто принадлежало Антокольскому.

Семь восьмыхъ населенія Россійской Имперіи жило въ деревнѣ,

и только одна восьмая — въ городахъ. Уже изъ этого явствуетъ преобладающее значеніе сельскаго хозяйства. Но именно эта отрасль народной экономической жизни находилась въ состояніи извѣстнаго застоя. Отмѣна крѣпостного права сильно подорвала частное землевладѣніе, и въ хозяйственномъ отношеніи весьма мало улучшила положеніе крестьянъ. Общинное землевладѣніе, препятствуя обезземеленію слабыхъ элементовъ деревни, въ то же время тормозило сильные, предпріимчивые элементы; получалось равненіе по худшимъ. Тѣмъ не менѣе, изъ крестьянства понемногу выдѣлялись болѣе зажиточныя единицы, шла перекупка земель у дворянъ (распродавшихъ за время съ 1861 г. по начало 90-хъ годовъ свыше четверти оставленныхъ имъ земель). Но этотъ процессъ, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ повышеніемъ уровня сельскохозяйственной техники, только-только уравновѣшивалъ быстрый приростъ населенія. Хлѣба хватало на большее число ртовъ, но количество хлѣба на каждаго почти не увеличивалось. Неурожаи поэтому тяжело отражались на всемъ хозяйствѣ страны. Исключительное по своимъ размѣрамъ — для того времени — бѣдствіе 1891 г. вызвало со стороны государства затрату около **полумилліарда** рублей на помощь пострадавшимъ, предоставленіе льготъ при уплатѣ налоговъ, пріостановку вывоза хлѣба за границу и отсрочку намѣчавшейся валютной реформы. Рождаемость въ Европ. Россіи упала со средней нормы въ 4,9 проц. за послѣдніе годы, до 4,5 въ 1892 г., тогда какъ смертность поднялась съ 3,4 проц. до 4 проц., и естественный приростъ населенія въ 1892 г. достигъ всего 600.000 человѣкъ, — около трети обычнаго числа. При этомъ, случаи непосредственной смерти отъ голода были рѣдки; ростъ смертности былъ вызванъ ослабленіемъ сопротивляемости противъ болѣзней.

Урожай зерновыхъ хлѣбовъ давалъ около 2 милліардовъ пудовъ въ годъ для Европ. Россіи. Заграницу вывозилось около одной пятой этого количества, и все-таки Россія была самымъ крупнымъ поставщикомъ хлѣба въ Европѣ.

По количеству лошадей (26 милліоновъ въ началѣ 90-хъ годовъ), Россія занимала первое мѣсто въ мірѣ, и это было естественно, такъ какъ обработка полей производилась почти исключительно конской тягой. Рогатаго скота числилось 33 милліона головъ; овецъ 64 милліона. На окраинахъ имѣли реальное хозяйственное значеніе олени (на сѣверѣ) и верблюды (въ Средней Азіи); и тѣхъ и другихъ было по полъ милліона. Сравнительно слабо было распространено свиноводство (11 милліоновъ головъ). Годовое потребленіе мяса опредѣлялось цифрой около 175 милліоновъ пудовъ.

Изъ побочныхъ культуръ изстари славился русскій ленъ. Больше чѣмъ половина всего льна въ мірѣ выростало на русскихъ поляхъ. Въ западныхъ губерніяхъ голубыя пространства льна чередовались съ золотыми нивами. Быстро увеличивались посѣвы сахарной свекловицы (въ 1894 г. около 300.000 десятинъ).

Рыбная ловля, въ отношеніи которой статистика весьма несовершенна, приносила ежегодно около 70 милліоновъ пудовъ рыбы.

Промышленность начинала развиваться быстрѣе. Число рабочихъ, занятыхъ въ ней, перевалило къ 1894 г. за полтора милліона. Стоимость выработанныхъ товаровъ въ томъ же году приближалась къ двумъ милліардамъ рублей. На первомъ мѣстѣ стояла текстильная промышленность, занимавшая болѣе трети общаго числа рабочихъ, въ значительной мѣрѣ удовлетворявшая потребности рынка, но — кромѣ льна — ввозившая свое сырье (хлопокъ, шерсть, шелкъ) преимущественно изъ-заграницы. Развитіе хлопководства подвигалось быстро впередъ *), но все же русскій хлопокъ удовлетворялъ только 30 проц. общей потребности. Немного менѣе трети рабочихъ приходилось на горное дѣло и металлургію. Старый горнозаводскій центръ, Уралъ съ его изумительнымъ разнообразіемъ всѣхъ видовъ полезныхъ ископаемыхъ, начиналъ отступать на второй планъ передъ Донецкимъ бассейномъ (уголь), Кривымъ Рогомъ (желѣзная руда), Баку (нефть). Даже въ отношеніи золота первенство перешло къ Восточной Сибири (Ленскіе пріиски), и только платина, естественная монополія которой принадлежала Россіи, составляла попрежнему привилегію Урала.

Уже существовали зачатки рабочаго законодательства: запрещеніе ночного труда женщинъ и дѣтей, ограниченіе труда малолѣтнихъ, регулировка условій найма, мѣры предотвращенія несчастныхъ случаевъ и учрежденіе фабричной инспекціи для контроля надъ выполненіемъ законовъ объ охранѣ труда.

До 80-хъ годовъ рабочіе были настолько малочисленны, что имъ не придавалось особаго значенія, какъ отдѣльной группѣ населенія. Къ тому же, многіе рабочіе сохраняли связь съ деревней: фабрика служила своего рода „отхожимъ промысломъ". Тѣмъ не менѣе, вокругъ нѣкоторыхъ крупныхъ заводовъ начали образовываться слои „наслѣдственныхъ пролетаріевъ". Быстрый ростъ промышленности къ 1894 г. чрезвычайно повысилъ значеніе рабочихъ въ общей экономикѣ страны.

*) Въ 1883 г. въ Средней Азіи 500 десятинъ подъ хлопкомъ, въ 1895 г. — 220.000 десятинъ.

Казенное хозяйство играло большую роль въ Россіи. Больше половины всей земельной площади въ Имперіи принадлежало казнѣ. Правда, въ это входили всѣ худшія земли — тундры, пустыни, болота, сибирская тайга. Земель удобныхъ для обработки у казны въ Европейской Россіи почти не оставалось послѣ освобожденія государственныхъ крестьянъ *). Зато огромнымъ богатствомъ казны были лѣсныя пространства русскаго сѣвера и Сибири. Даже при очень мало интенсивной разработкѣ, онѣ давали государству ежегодно нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Государство имѣло также свои казенные заводы, но они не разсматривались какъ доходная статья: это были въ первую очередь заводы военные.

Необыкновенное разнообразіе русскихъ условій, разница климата, почвы, племенного состава, создавали необходимость неустанной работы для того, чтобы **держать вмѣстѣ** Россійскую Имперію. Первостепенное значеніе для этой цѣли имѣли пути сообщенія. На нихъ было положено немало усилій. Къ концу 1894 г. въ Имперіи имѣлось 32.500 верстъ желѣзныхъ дорогъ, 150.000 верстъ телеграфныхъ проводовъ, 45.000 верстъ судоходныхъ рѣкъ (съ двумя тысячами рѣчныхъ пароходовъ) и 23.000 верстъ шоссейныхъ дорогъ.

Въ 1891 г. начата была постройка длиннѣйшей во всемъ мірѣ желѣзнодорожной линіи, Великаго Сибирскаго пути. Закладка пути на восточномъ его концѣ, во Владивостокѣ, была произведена Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ при его возвращеніи изъ путешествія по Азіи въ маѣ 1891 г. Сооруженіе Сибирскаго пути, конечно, объяснялось не столько хозяйственными выгодами, сколько рѣшимостью „ногою твердой стать" на Тихомъ океанѣ, играть активную роль въ судьбахъ Азіи и Дальняго Востока въ частности Наслѣдникъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета по сооруженію дороги и живо интересовался этимъ начинаніемъ.

Финансы Россіи послѣ пятнадцати лѣтъ мира оправились отъ потрясенія войны 1877—78 годовъ. Кредитный рубль держался въ теченіе ряда лѣтъ на высотѣ двухъ третей своего номинальнаго курса. Правительство, заключая заграничные займы въ золотѣ и тратя внутри страны кредитные рубли, накапливало значительный золотой запасъ для проведенія стабилизаціи рубля. Безъ повышенія налоговыхъ ставокъ, поступленіе налоговъ значительно возросло. Постъ министра финансовъ съ 1892 г. занималъ С. Ю. Витте.

---

*) Доходъ отъ государственныхъ земельныхъ угодій достигалъ всего 14 милл. рублей въ годъ.

Русское министерство финансовъ того времени было не только бюджетнымъ вѣдомствомъ. Это было подлинное министерство народнаго хозяйства. Оно вѣдало торговыми договорами, промышленностью и торговлей, торговымъ судоходствомъ и даже имѣло свои учебныя заведенія .

Около 1890 г. русскій бюджетъ перевалилъ за милліардъ рублей. Въ 1894 г. прямые налоги составляли менѣе 10 проц. доходной смѣты, косвенные налоги — около 50 проц. (питейные сборы превышали половину этой суммы), доходы отъ казенныхъ имуществъ (желѣзныя дороги, лѣса) около 15 проц., крестьянскіе выкупные платежи за землю, доставшуюся имъ при освобожденіи — около 8 проц.; остальное приходилось на гербовые сборы, почту и телеграфъ, погашеніе государственныхъ ссудъ и т. д. На душу населенія бремя государственныхъ расходовъ составляло въ среднемъ менѣе 10 рублей, — много ниже, чѣмъ въ другихъ великихъ державахъ. Конечно, при низкомъ уровнѣ благосостоянія населенія и эта сумма была ощутительной. Но все же утвержденіе соціалистическихъ „экономистовъ" того времени, вродѣ Николая-она (Даніельсона), писавшаго, что казна беретъ у крестьянъ 90 проц. ихъ дохода и что они отъ этого постепенно разоряются и распродаютъ свой инвентарь, были безмѣрнымъ преувеличеніемъ, фантастическимъ искаженіемъ дѣйствительности.

Въ міровомъ хозяйственномъ оборотѣ Россія участвовала уже лѣтъ двѣсти и завоевала себѣ прочное мѣсто на міровомъ рынкѣ. Годовой оборотъ внѣшней торговли превышалъ за послѣдніе десять лѣтъ милліардъ рублей (только въ 1892 г., вслѣдствіе запрещенія вывоза хлѣба, онъ спустился до 880 милл. рублей) и давалъ Россіи ежегодный активъ отъ 150 до 200 милліоновъ рублей. Лучшимъ кліентомъ Россіи въ то время была Англія, почти наравнѣ съ ней шла Германія. Сношенія съ этими двумя государствами составляли половину всего оборота русской внѣшней торговли. Франція, находившаяся на третьемъ мѣстѣ, давала только 7 проц. оборота. Русскій торговый балансъ былъ активнымъ въ сношеніяхъ со всѣми странами, за исключеніемъ Соед. Штатовъ и Египта (откуда ввозился хлопокъ) и Китая (чай). На первомъ мѣстѣ въ русскомъ вывозѣ былъ хлѣбъ (болѣе половины), затѣмъ ленъ, лѣсъ, (нефть — на шестомъ мѣстѣ), во ввозѣ — хлопокъ, металлы, машины, чай, шерсть.

Оборотъ судовъ въ русскихъ портахъ достигалъ около десяти милліоновъ тоннъ. Заграницу въ 1894 г. выѣхало (если исключить пограничное общеніе) 313.000 человѣкъ (изъ нихъ около трети рус-

скихъ подданныхъ), а въѣхало въ Россію 300.000 (русскихъ — менѣе трети) Перевѣсъ эмиграціи (гл. обр. въ Соед. Штаты) надъ возвращеніемъ составлялъ,для русскихъ подданныхъ, въ среднемъ около 40.000 человѣкъ въ годъ. Весьма значительную часть этой эмиграціи составляли евреи, изъ района черты осѣдлости уѣзжавшіе въ Америку. (Въ эту „черту" входило Царство Польское и 15 западныхъ губерній Бѣлоруссіи, Малороссіи и Новороссіи).

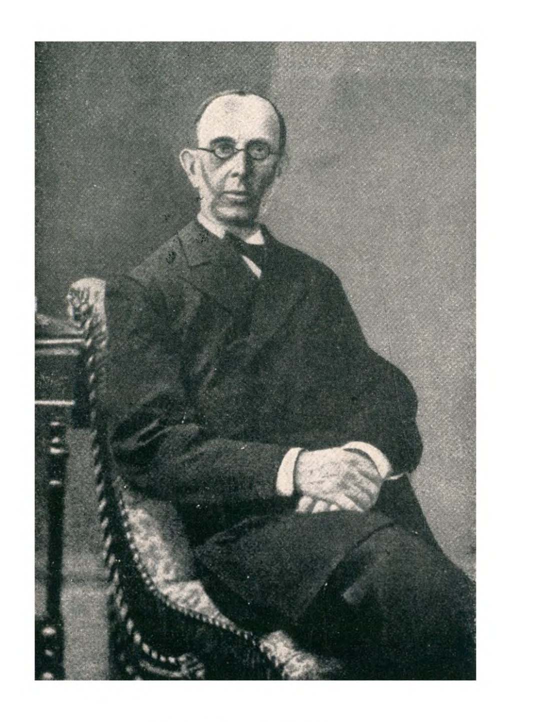
Если часть русскаго общества только старалась доказать, что крестьянство разоряется и идетъ къ гибели, другая часть интеллигенціи, исходя изъ такого же враждебнаго отношенія къ существующему строю, доказывала неизбѣжность экономическаго перерожденія Россіи по примѣру западныхъ странъ, а нѣкоторые даже привѣтствовали такую эволюцію, какъ шагъ впередъ.

„Вся современная духовная и матеріальная культура тѣсно связана съ капитализмомъ" — писалъ молодой экономистъ П. Б. Струве въ своей первой книгѣ, вышедшей легально въ 1894 г. — „Она выросла вмѣстѣ съ нимъ и на его почвѣ. Мы же, ослѣпленные какимъ-то непомѣрнымъ тщеславіемъ,мнимъ замѣнить трудную культурную работу цѣлыхъ поколѣній, суровую борьбу экономическихъ силъ и интересовъ настроеніями нашей собственной „критической мысли", которая открыла трогательное совпаденіе народно-бытовыхъ формъ съ собственными своими идеалами... Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму".

Конечно, много было недочетовъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, и западныя государства, съ ихъ маленькой площадью и густымъ населеніемъ, значительно опередили Россію въ количественномъ отношеніи по части развитія техники.

Но не въ хозяйственныхъ недочетахъ и не въ технической отсталости была заложена главная угроза Россійскому государству! Корень зла былъ въ глубокой розни между властью и значительной частью образованнаго общества. Русская интеллигенція относилась къ власти съ опредѣленной враждебностью, которая порой принимала болѣе откровенныя формы, порой загонялось вглубь, съ тѣмъ, чтобы снова проявиться съ удвоенной силой.

Въ первой половинѣ XIX вѣка лучшіе русскіе писатели еще понимали значеніе Царской власти. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій, не говоря уже о Карамзинѣ, оставили не мало страницъ, ярко о томъ свидѣтельствующихъ. Но русская интеллигенція уже и тогда была не съ ними. Бѣлинскій, гнѣвнымъ обличеніемъ отвѣчающій на „Переписку

К. П. Побѣдоносцевъ.

С. Ю. Витте.

съ друзьями", для нее гораздо типичнѣе самого Гоголя. Среди писаній Пушкина замалчивались произведенія его зрѣлаго возраста, гдѣ онъ говорилъ объ Императорѣ Николаѣ I, и списывались и распространялись его юношескіе выпады противъ власти.

Возстаніе декабристовъ внесло этотъ расколъ на самые верхи общества, подорвало довѣріе Царя къ военному дворянству, и этимъ увеличило значеніе зависящаго отъ власти служилаго сословія.

Эпоха великихъ реформъ сперва кое-что улучшила въ этомъ отношеніи; она открыла новыя поприща для работы, суды, земства, посредническую дѣятельность въ деревнѣ. Но крайнія теченія быстро отравили и тутъ сотрудничество между интеллигенціей и властью Реформы только вызывали требованія дальнѣйшихъ реформъ; новыя возможности дѣйствія использовались для пропаганды противъ правительства. Черезъ пять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, уже произошло первое покушеніе на Царя-Освободителя.

И опять таки: лучшіе писатели того времени были скорѣе съ властью, чѣмъ съ интеллигенціей. Графъ Л. Н. Толстой до конца 70-хъ годовъ печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова. Достоевскій, въ молодости примкнувшій къ соціалистическому кружку и за это жестоко пострадавшій, въ „Бѣсахъ" съ непревзойденной яркостью изобразилъ духъ русской революціи и въ „Дневникѣ Писателя" отстаивалъ значеніе Царской власти для Россіи. Къ консервативному лагерю принадлежали и Фетъ, и Тютчевъ, и Майковъ, и по существу даже гр. А. К. Толстой („двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный"). Опредѣленнымъ противникомъ интеллигентскаго радикализма былъ Лѣсковъ. Писемскій въ „Взбаломученномъ морѣ" далъ неприглядный очеркъ „шестидесятниковъ"; и даже западникъ Тургеневъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ", „Дымѣ" и „Нови" изобразилъ такъ называемыхъ „нигилистовъ" въ мало привлекательномъ свѣтѣ...

Но тонъ задавали не они! „Властителями думъ" были радикальные критики, проповѣдники матеріализма, непримиримые обличители существующаго. Уже раздавались требованія не только политическихъ, но и коренныхъ соціальныхъ преобразованій, какъ будто отмѣна крѣпостного права не была сама по себѣ огромной соціальной реформой. Интеллигенція перенимала отъ Запада непремѣнно самыя крайнія ученія. Началось „хожденіе въ народъ" съ цѣлью распространенія этихъ ученій въ крестьянской средѣ, съ надеждой на революцію по образцамъ Пугачева и „атамана Степана", какъ называли Стеньку Разина въ модномъ тогда романсѣ „Утесъ".

Народная масса тогда не поддалась на эти увѣщанія и посулы;

она встрѣтила съ недовѣріемъ чуждыхъ ей людей; хожденіе въ народъ окончилось полнымъ проваломъ и тогда возникла партизанская вооруженная атака на власть, руководившаяся пресловутой „партіей Народной Воли".

Восполняя дерзостью и предпріимчивостью недостатокъ своей численности, революціонеры въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумѣли создать гипнозъ мощнаго движенія противъ власти; они смутили правителей, они производили впечатлѣніе заграницей. Жизнь Царя-Освободителя подвергалась ежечасной угрозѣ: то взрывали рельсы передъ Царскимъ поѣздомъ, то — даже покои Зимняго Дворца. Александръ II рѣшилъ попытаться привлечь на сторону власти колеблющіеся образованные слои, съ извѣстнымъ злорадствомъ наблюдавшіе за борьбой между правительствомъ и „нигилистами", но не успѣлъ принять никакихъ реальныхъ мѣръ въ этомъ направленіи: 1 марта 1881 г. свершилось цареубійство.

Страшная вѣсть всколыхнула Россію, многихъ отрезвила, создала пустоту вокругъ дѣятелей „Народной Воли". Императоръ Александръ III, считавшій положеніе крайне опаснымъ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ дать врагамъ мужественный отпоръ — и вдругъ натискъ „нигилистовъ" разсѣялся какъ навожденіе.

Но произошли-ли за царствованіе Императора Александра III дѣйствительныя перемѣны въ настроеніяхъ образованныхъ классовъ? Интеллигенція притихла, смолкла, враждебность исчезла съ поверхности, но тѣмъ не менѣе она осталась. Всѣ мѣры царствованія встрѣчали глухую, по внѣшности сдержанную, но непримиримую критику. Болѣзнь оказалась только загнанной вглубь.

Грозная черта этихъ лѣтъ: новые писатели уже не отдѣлялись отъ интеллигенціи въ своемъ отношеніи къ существующему строю. Тѣ изъ нихъ, которымъ было душно въ радикальной казармѣ, просто уходили въ область чистаго искусства, оставаясь въ сторонѣ отъ общественной жизни. Изъ ученій гр. Л. Н. Толстого, рѣзко измѣнившагося за эти годы, его „непротивленіе злу" и раціоналистическое христіанство пользовались гораздо меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ его отрицаніе всего современнаго государства.

Пассивное сопротивленіе интеллигенціи создавало для власти большія затрудненія, особенно въ области народнаго образованія. Студенчество, несмотря на рядъ новыхъ законовъ, вводившихъ университетскую жизнь въ строгія рамки (ношеніе формы, обязательное посѣщеніе лекцій и т. д.), или отчасти благодаря этимъ законамъ, оставалось разсадникомъ революціонныхъ теченій. Власть поэтому

питала недовѣріе къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ женскіе медицинскіе курсы, были закрыты; на С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы на три года былъ запрещенъ пріемъ. Правительству приходилось лавировать между Сциллой отсталости въ ученіи и Харибдой взращиванія своихъ враговъ. Насколько велика была нетерпимость этихъ враговъ, показываетъ характерный случай: проф. В. О. Ключевскій, извѣстный историкъ, пользовавшійся огромной популярностью въ студенчествѣ, вызвалъ съ его стороны враждебныя выходки своей (приведенной выше) рѣчью памяти Императора Александра III, и не скоро вернулъ себѣ былой престижъ. Сдѣлать такъ, чтобы увеличить число школъ, не создавая въ деревнѣ очаговъ противоправительственной пропаганды, было при такихъ условіяхъ весьма нелегко. Строить и совершенствовать огромнѣйшее государство при враждебномъ отношеніи значительной части образованныхъ слоевъ — было задачей исключительной трудности!

Попытки увеличить удѣльный вѣсъ дворянства въ государствѣ, созданіе Дворянскаго банка, учрежденіе земскихъ начальниковъ были вызваны потребностью въ нѣкоемъ правящемъ слоѣ, изъ котораго можно было бы пополнить ряды носителей власти. Но К. Н. Леонтьевъ еще въ 70-хъ годахъ писалъ: „Молодость наша, говорю я съ горькимъ чувствомъ, сомнительна". „Мы прожили много, сотворили духомъ мало, и стоимъ у какого то страшнаго предѣла...

„На Западѣ вообще бури и взрывы были громче, величавѣе; Западъ имѣетъ болѣе плутоническій характеръ; но какая-то особенная, болѣе мирная или глубокая подвижность всей почвы и всего строя у насъ въ Россіи стоитъ западныхъ громовъ и взрывовъ.

„Духъ охраненія на Западѣ былъ сильнѣе въ высшихъ слояхъ общества, и потому и взрывы были сильнѣе; у насъ духъ охраненія слабъ. Наше общество вообще расположено итти по теченію за другими... Кто знаетъ? Не быстрѣе ли другихъ? Дай Богъ, чтобы я ошибался!".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Личность Государя. — Взгляды К. П. Побѣдоносцева на современную государственность.

Похороны Императора Александра III. — Первые пріемы министровъ. — Бракосочетаніе Государя. — Земскіе адреса и рѣчь Государя 17 января 1895 г. — Выступленіе трехъ державъ противъ Симоносекскаго мира. — Тенденція къ примиренію Франціи съ Германіей. — Забота о просвѣщеніи. — Отзывъ „Британской Энциклопедіи".

Государя Императора Николая Александровича мало знали въ Россіи ко времени Его восшествія на престолъ. Мощная фигура Императора Александра III какъ бы заслоняла Наслѣдника Цесаревича отъ глазъ внѣшняго міра. Конечно, всѣ знали, что Ему 26 лѣтъ, что по своему росту и сложенію Онъ скорѣе въ свою мать, Императрицу Марію Өеодоровну; что Онъ имѣетъ чинъ полковника русской арміи, что Онъ совершилъ необычное по тому времени путешествіе вокругъ Азіи и подвергся въ Японіи покушенію азіатскаго фанатика. Знали также, что Онъ помолвленъ съ принцессой Алисой Гессенской, внучкой Королевы Викторіи, что Его невѣста прибыла въ Ливадію передъ самой кончиной Императора Александра III. Но обликъ новаго Монарха оставался обществу неяснымъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ также состоялъ Предсѣдателемъ Комитета по сооруженію Великаго Сибирскаго пути, возглавлялъ Комитетъ по борьбѣ съ голодомъ 1891—92 г., засѣдалъ въ Государст-

венномъ Совѣтѣ, но эта сторона Его дѣятельности не привлекала до того времени особаго вниманія.

„Рѣдко народъ имѣлъ при восхожденіи на престолъ его монарха такое неясное представленіе объ его личности и свойствахъ характера, какъ русскій народъ въ наши дни" — докладывалъ своему правительству германскій повѣренный въ дѣлахъ графъ Рексъ. „Данныя, по которымъ можно судить объ его свойствахъ и воззрѣніяхъ, чрезвычайно скудны. По личному впечатлѣнію и на основаніи сужденія высокопоставленныхъ лицъ русскаго двора, я считаю Императора Николая человѣкомъ духовно одареннымъ, благороднаго образа мыслей, осмотрительнымъ и тактичнымъ; его манеры настолько скромны, и онъ такъ мало проявляетъ внѣшней рѣшимости, что легко придти къ выводу объ отсутствіи у него сильной воли; но люди его окружающіе завѣряютъ, что у него весьма опредѣленная воля, которую онъ умѣетъ проводить въ жизнь самымъ спокойнымъ образомъ".

Государь Императоръ Николай II родился 6 мая 1868 г. — въ день св. Іова Многострадальнаго, какъ Онъ самъ иногда любилъ отмѣчать. Старшій сынъ Наслѣдника Престола, Онъ съ дѣтства былъ „обрученъ Царству" и это наложило особый отпечатокъ на все Его воспитаніе. Образованіе Онъ получилъ весьма тщательное. Съ дѣтства Его обучали иностраннымъ языкамъ, которыми Онъ овладѣлъ въ совершенствѣ. Послѣ общеобразовательнаго курса, пройденнаго подъ общимъ руководствомъ ген. Данилевича, Наслѣдникъ получилъ высшее юридическое и высшее военное образованіе, причемъ Его преподавателями были выдающіеся профессора высшихъ учебныхъ заведеній: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. Х. Бунге, М. Н. Капустинъ, Е. Е. Замысловскій, генералъ Г. А. Лееръ и М. И. Драгомировъ. По окончаніи теоретической подготовки, Наслѣдникъ ознакомился съ практикой военнаго дѣла, состоя въ рядахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и л.-гв. Конной Артиллеріи, и два лѣта проведя въ составѣ л.-гв. Гусарскаго полка, и началъ пріобщаться къ государственнымъ дѣламъ, предсѣдательствуя въ комитетахъ, засѣдая въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ.

Эта тщательная и планомѣрная подготовка къ исполненію обязанностей Монарха не была доведена до конца вслѣдствіе ранней смерти Императора Александра III, который не думалъ, что ему не суждено дожить и до 50 лѣтъ. Наслѣдникъ еще не былъ введенъ въ курсъ высшихъ государственныхъ дѣлъ; многое Ему пришлось уже послѣ восшествія на престолъ узнать изъ доклада своихъ министровъ.

Но характеръ Государя и Его міровоззрѣніе, конечно, опре-

дѣлились еще до восшествія на престолъ; только ихъ почти никто не зналъ. Общеніе съ молодымъ Царемъ оказалось для многихъ неожиданнымъ откровеніемъ.

Вѣра въ Бога и въ свой долгъ Царскаго служенія были основой всѣхъ взглядовъ Императора Николая II. Онъ считалъ, что отвѣтственность за судьбы Россіи лежитъ на Немъ, что Онъ отвѣчаетъ за нихъ передъ престоломъ Всевышняго. Другіе могутъ совѣтовать, другіе могутъ Ему мѣшать, но отвѣтъ за Россію передъ Богомъ лежитъ на Немъ. Изъ этого вытекало и отношеніе къ ограниченію власти — которое Онъ считалъ переложеніемъ отвѣтственности на другихъ, не призванныхъ, и къ отдѣльнымъ министрамъ, претендовавшимъ, по Его мнѣнію, на слишкомъ большое вліяніе въ государствѣ. „Они напортятъ — а отвѣчать Мнѣ", таково было, въ упрощенной формѣ, разсужденіе Государя.

Императоръ Николай II обладалъ живымъ умомъ, быстро схватывающимъ существо докладываемыхъ Ему вопросовъ — всѣ, кто имѣлъ съ Нимъ дѣловое общеніе, въ одинъ голосъ объ этомъ свидѣтельствуютъ. У Него была исключительная память, въ частности на лица. Государь имѣлъ также упорную и неутомимую волю въ осуществленіи своихъ плановъ. Онъ не забывалъ ихъ, постоянно къ нимъ возвращался, и зачастую въ концѣ концовъ добивался своего.

Иное мнѣніе было широко распространено потому, что у Государя, поверхъ желѣзной руки, была бархатная перчатка. Воля Его была подобна не громовому удару, она проявлялась не взрывами и не бурными столкновеніями; она скорѣе напоминала неуклонный бѣгъ ручья съ горной высоты къ равнинѣ океана: онъ огибаетъ препятствія, отклоняется въ сторону, но въ концѣ концовъ, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, близится къ своей цѣли.

Министры, съ которыми Государю довелось разстаться, зачастую говорили, что на Него „нельзя положиться". Но что это значило? Въ проведеніи плановъ, одобренныхъ Имъ **по существу,** Государь, по свидѣтельству тѣхъ же министровъ, напр. Витте, умѣлъ проявлять спокойную стойкость при самой неблагопріятной обстановкѣ. Только въ отношеніи своей личной карьеры министры дѣйствительно не могли „положиться" на Государя: Онъ всегда ставилъ дѣло выше лицъ, а при несогласіи съ дѣйствіями своихъ министровъ отстранялъ ихъ, независимо отъ ихъ прошлыхъ заслугъ. При этомъ Онъ старался „позолотить пилюлю"; отставка обычно сопровождалась внѣшними знаками милости и назначеніемъ высокихъ пенсій. Онъ также не любилъ — и это, быть можетъ, являлось нѣкоторымъ недостаткомъ —

говорить другимъ непріятныя для нихъ вещи **прямо въ лицо,** особенно если рѣчь шла о людяхъ, съ которыми Онъ долго сотрудничалъ, которымъ былъ благодаренъ за многое въ прошломъ. Но это былъ вопросъ формы, а не существо дѣла; тутъ не было „коварства", какъ утверждали Его враги. Коварство предполагаетъ умыселъ, расчетъ; а какая выгода могла для Царя быть въ томъ, что министръ, послѣ милостиваго пріема, узнаетъ вечеромъ о своей отставкѣ изъ Высочайшаго рескрипта? Милостивый пріемъ только подчеркивалъ отсутствіе **личнаго** нерасположенія, а отставка свидѣтельствовала о **дѣловомъ** расхожденіи.

До восшествія на престолъ, Императоръ Николай II имѣлъ только одинъ серьезный случай показать свою волю. Русскій государственный строй не допускалъ проявленія политическихъ разногласій въ Царской семьѣ; не могло случиться при Императорѣ Александрѣ III, чтобы Наслѣдникъ публично рукоплескалъ рѣчи, направленной противъ правительства Его Отца (какъ это дѣлалъ германскій кронпринцъ въ рейхстагѣ въ 1911 г.). Свою волю Наслѣдникъ Цесаревичъ проявилъ только въ вопросѣ, лично Его касавшемся. Онъ въ ранней молодости полюбилъ маленькую принцессу Алису Гессенскую, младшую сестру Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, супруги Его дяди, и въ теченіе десяти лѣтъ неизмѣнно сохранялъ о ней память. Императоръ Александръ III, Императрица Марія Ѳеодоровна были противъ этого брака. Они не хотѣли женитьбы на нѣмецкой принцессѣ; возникали предположенія о бракѣ русскаго Наслѣдника съ принцессой Еленой Орлеанской, изъ семьи претендента на французскій престолъ. Но Наслѣдникъ съ тихимъ упорствомъ отклонялъ эти планы и хранилъ въ душѣ образъ принцессы Алисы. Въ концѣ концовъ, родители уступили и весной 1894 г. наконецъ состоялась помолвка. Въ этой борьбѣ, длившейся нѣсколько лѣтъ, Наслѣдникъ оказался сильнѣе.

Императоръ Николай II — это признаютъ и Его враги — обладалъ совершенно исключительнымъ личнымъ обаяніемъ. Онъ не любилъ торжествъ, громкихъ рѣчей; этикетъ Ему былъ въ тягость. Ему было не по душѣ все показное, искусственное, всякая широковѣщательная реклама (это также могло почитаться нѣкоторымъ недостаткомъ въ нашъ вѣкъ!). Въ тѣсномъ кругу, въ разговорѣ съ глазу на глазъ, Онъ зато умѣлъ обворожить своихъ собесѣдниковъ, будь то высшіе сановники или рабочіе посѣщаемой Имъ мастерской. Его большіе сѣрые лучистые глаза дополняли рѣчь, глядѣли прямо въ душу. Эти природныя данныя еще болѣе подчеркивались тщатель-

нымъ воспитаніемъ. „Я въ своей жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нынѣ царствующій Императоръ Николай II", писалъ графъ Витте уже въ ту пору, когда онъ по существу являлся личнымъ врагомъ Государя...

Самодержавные Монархи рѣдко имѣютъ время излагать свои воззрѣнія въ пространныхъ писаніяхъ. Екатерина II была въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Ни Людовикъ XIV, ни Марія Терезія этимъ не занимались, отъ Петра Великаго въ этомъ отношеніи дошло только нѣсколько крылатыхъ фразъ. Монархи дѣйствуютъ на основѣ своего міровоззрѣнія; они проповѣдуютъ дѣйствіемъ, предоставляя другимъ теоретическое обоснованіе этихъ дѣйствій.

Не будетъ, однако, далекимъ отъ истины утвержденіе, что основныя мысли „Московскаго Сборника" К. П. Побѣдоносцева, изданнаго въ самомъ началѣ новаго царствованія (въ 1896 г.), были тождественны съ исходными взглядами Царя; и въ этомъ отношеніи права была французская газета, слѣдующими словами рекомендовавшая своимъ читателямъ французскій переводъ „Московскаго Сборника : „Книгу эту надо прочесть, во-первыхъ потому, что г. Побѣдоносцевъ думаетъ глубоко, во-вторыхъ, потому что онъ думаетъ иначе чѣмъ мы, и въ третьихъ, потому что Императоръ Николай II и его народъ думаютъ какъ онъ".

Теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, своеобразно злободневными кажутся многія положенія этой примѣчательной книги. Необходимо, хотя бы вкратцѣ, на нихъ остановиться, чтобы понять многое въ царствованіи Императора Николая II.

Многіе говорили и тогда: Россія **не созрѣла** для демократіи, Россія **не созрѣла** для соціализма, Россія **не созрѣла** для той или другой изъ реформъ, диктуемыхъ современнымъ пониманіемъ прогресса. Но тѣ, кто стояли во главѣ Россійской Имперіи въ 1894 г., вовсе не считали, что политическія формы, воспреобладавшія на западѣ, были шагомъ впередъ, свидѣтельствомъ большей зрѣлости. Они относились къ нимъ критически **по существу.**

Парламентское правленіе — „**великая ложь нашего времени**", писалъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Исторія свидѣтельствуетъ, что самыя существенныя, плодотворныя для народа и прочныя мѣры и преобразованія исходили отъ центральной воли государственныхъ людей, или отъ меньшинства, просвѣтленнаго высокой идеей и глубокимъ знаніемъ; напротивъ того, съ расширеніемъ выборнаго начала про-

исходило приниженіе государственной мысли и вульгаризація мнѣнія въ массѣ избирателей". (стр. 27).

Въ парламентарныхъ государствахъ царитъ фактическая безотвѣтственность и законодательной, и исполнительной власти. „Ошибки, злоупотребленія, произвольныя дѣйствія — ежедневное явленіе въ министерскомъ управленіи, а часто ли мы слышимъ о серьезной отвѣтственности министра? Развѣ можетъ быть разъ въ пятьдесятъ лѣтъ приходится слышать, что надъ министромъ судъ, и всего чаще результатъ суда выходитъ ничтожный сравнительно съ шумомъ торжественнаго производства". (Слова эти, быть можетъ навѣянныя Панамскимъ скандаломъ, не менѣе были бы приложимы ко многимъ современнымъ случаямъ).

Зло парламентскаго правленія К. П. Побѣдоносцевъ видитъ въ томъ что на выборахъ получается не отборъ лучшихъ, а только „наиболѣе честолюбивыхъ и нахальныхъ". Особенно опасна избирательная борьба въ государствахъ многоплеменныхъ: „Монархія неограниченная успѣвала устранять или примирять всѣ подобные требованія и порывы — и не одною только силой, а уравненіемъ правъ и отношеній подъ одной властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться, а инстинкты націонализма служатъ для нея разъѣдающимъ элементомъ: каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племенного раздраженія, племенной ненависти — и къ господствующему племени, и къ другимъ племенамъ, и къ связующему всѣ части государства учрежденію" (стр. 47). Въ видѣ примѣра приводится австрійскій парламентъ.

„Вмѣсто неограниченной власти монарха мы получаемъ неограниченную власть парламента, съ тою разницей, что въ лицѣ монарха можно представить себѣ единство разумной воли; а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности, такъ какъ воля парламента опредѣляется большинствомъ... Такое состояніе неотразимо ведетъ къ анархіи, отъ которой общество спасается одною лишь диктатурою, т. е. возстановленіемъ единой воли и единой власти въ правленіи". (стр. 48, 49).

„Тамъ, гдѣ парламентская машина издавна дѣйствуетъ, — ослабѣваетъ вѣра въ нее; еще славитъ ее либеральная интеллигенція, но народъ стонетъ подъ игомъ этой машины и распознаетъ скрытую въ ней ложь. **Едва ли дождемся мы — но дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся сверженія этого идола,** которому современный разумъ продолжаетъ еще въ самообольщеніи поклоняться". (47).

Еще болѣе рѣзкой и ѣдкой критикѣ К. П. Побѣдоносцевъ подвергаетъ періодическую печать:

„Кто же эти представители страшной власти, именующей себя общественнымъ мнѣніемъ? Кто далъ имъ право и полномочіе — во имя цѣлаго общества — править, ниспровергать существующія учрежденія, выставлять новые идеалы нравственнаго и положительнаго закона?

„Любой уличный проходимецъ, любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта можетъ, имѣя свои или доставъ для наживы и спекуляціи чужія деньги, основать газету, хотя бы большую. Ежедневный опытъ показываетъ, что тотъ же рынокъ привлекаетъ за деньги какіе угодно таланты, если они есть на рынкѣ — и таланты пишутъ что угодно редактору. Опытъ показываетъ, что самые ничтожные люди, — какой нибудь бывшій ростовщикъ, жидъ факторъ, газетный разносчикъ, участникъ банды червонныхъ валетовъ, могутъ основать газету, привлечь талантливыхъ сотрудниковъ, и пустить свое изданіе на рынокъ въ качествѣ органа общественнаго мнѣнія"...

И опять таки, какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати царитъ та же безотвѣтственность: „мало ли было легкомысленныхъ и безсовѣстныхъ журналистовъ, по милости коихъ подготовлялись революціи, закипало раздраженіе до ненависти между сословіями и народами, переходившее въ опустошительную войну? Иной монархъ за дѣйствія этого рода потерялъ бы престолъ свой; министръ подвергся бы позору, уголовному преслѣдованію и суду; но журналистъ выходитъ сухъ изъ воды, изо всей заведенной имъ смуты, изо всякаго погрома и общественнаго бѣдствія, коего былъ причиной; выходитъ съ торжествомъ улыбаясь и бодро принимаясь снова за свою разрушительную работу".

Понятіе прогресса, требованіе неустанныхъ преобразованій вызываетъ слѣдующую отповѣдь:

„Есть въ человѣчествѣ сила, земляная сила инерціи, имѣющая великое значеніе. Ею, какъ судно балластомъ, держится человѣчество въ судьбахъ своей исторіи, — и сила эта столь необходима, что безъ нея поступательное движеніе впередъ становится немыслимымъ. Сила эта, которую близорукіе мыслители новой школы безразлично смѣшиваютъ съ невѣжествомъ и глупостью, — безусловна необходима для благосостоянія общества. Разрушить ее — значило бы лишить общество той устойчивости, безъ которой негдѣ найти и точку опоры

для дальнѣйшаго движенія. Въ пренебреженіи или забвеніи этой силы — вотъ въ чемъ главный порокъ новѣйшаго прогресса". (стр 72)

„Общая и господствующая болѣзнь у всѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ людей — честолюбіе или желаніе прославиться. Жизнь течетъ въ наше время съ непомѣрной быстротой, государственные дѣятели часто мѣняются, и потому каждый, покуда у мѣста, горитъ нетерпѣніемъ прославиться поскорѣе, пока еще есть время и пока въ рукахъ кормило. И всякому хочется передѣлать все свое дѣло заново, поставить его на новомъ основаніи... Нравится именно высшій пріемъ творчества — **творить изъ ничего,** и возбужденное воображеніе подсказываетъ на всѣ возраженія извѣстные отвѣты: „учрежденіе само поддержитъ себя, учрежденіе создастъ людей, люди явятся" и т. п. (стр. 117).

„Слово **преобразованіе** такъ часто повторяется въ наше время, что его уже привыкли смѣшивать со словомъ **улучшеніе...** Кредитомъ пользуется съ перваго слова тотъ, кто выставляетъ себя представителемъ новыхъ началъ, поборникомъ преобразованій, и ходитъ съ чертежами въ рукахъ для возведенія новыхъ зданій. Поприще государственной дѣятельности наполняется все **архитекторами,** и всякій, кто хочетъ быть работникомъ, или хозяиномъ, или жильцомъ — долженъ выставить себя архитекторомъ"... Мудрено ли, что лучшіе дѣятели отходятъ, или, что еще хуже, и что слишкомъ часто случается, — не покидая мѣста, становятся равнодушными къ дѣлу и стерегутъ только видъ его и форму, ради своего прибытка и благосостоянія... Вотъ каковы бываютъ плоды преобразовательной горячки, когда она свыше мѣры длится... (стр. 121). „Не расширяй судьбы своей! — было вѣщаніе древняго оракула: — не стремись брать на себя больше, чѣмъ на тебя положено". Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни — въ сосредоточеніи силы и мысли, все зло — въ ея разсѣяніи" (стр. 123). Эти слова, отчасти отражающія критическое отношеніе К. П. Побѣдоносцева къ эпохѣ Александра II, должны были служить въ то же время предостереженіемъ современнымъ ему государственнымъ людямъ.

„Московскій Сборникъ" касается также вопроса о народномъ образованіи; дѣло не такъ просто, говорится въ немъ, не всякое механическое накопленіе знаній можно считать благомъ.

„Нѣтъ спора, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, но въ примѣненіи этого правила необходимо знать мѣру и руководствоваться здравымъ смысломъ... Сколько надѣлало вреда смѣшеніе понятія о **знаніи** съ понятіемъ объ **умѣніи.** Увлекшись мечтательной задачей

всеобщаго просвѣщенія, мы назвали просвѣщеніемъ извѣстную сумму знаній... Мы забыли или не хотѣли сознать, что масса дѣтей, которыхъ мы просвѣщаемъ, должна жить насущнымъ хлѣбомъ, для пріобрѣтенія коего требуется не сумма голыхъ знаній, а умѣніе дѣлать извѣстное дѣло"...

„Понятіе о народной школѣ есть истинное понятіе, но къ несчастью его перемудрили повсюду новой школой. По народному понятію, школа учитъ читать, писать и считать; но въ нераздѣльной связи съ этимъ учитъ знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей" (стр. 70).

Въ болѣе заостренной формѣ другой русскій мыслитель писалъ о томъ же: „Настроить школъ и посадить въ нихъ учителями озлобленныхъ невѣждъ — значитъ дать камень вмѣсто хлѣба".

Всѣ эти мысли были съ молодости хорошо знакомы и близки Государю. Онѣ вошли составной частью въ Его міровоззрѣніе. Государь въ то же время глубоко вѣрилъ, что для стомилліоннаго русскаго народа Царская власть по-прежнему остается священной. Представленіе о добромъ народѣ, противопоставляемомъ враждебной интеллигенціи, жило въ Немъ всегда. Онъ былъ также вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ Православной Церкви. Онъ вѣрилъ въ величіе Россіи, и въ частности придавалъ большое значеніе ея роли въ Азіи.

Но Онъ также ощущалъ, что живетъ въ сложную эпоху; Онъ чувствовалъ, что наростающаго во всемъ мірѣ зла не побѣдить простымъ его отрицаніемъ. Было вѣрно, что Государь былъ ученикомъ К. П. Побѣдоносцева; но также не безъ основанія писалъ на второмъ мѣсяцѣ Его царствованія германскій дипломатъ графъ Рексъ: „По моему, эра Побѣдоносцева миновала, хотя онъ вѣроятно и останется на своемъ посту". („Въ первые годы меня изрѣдка спрашивали... А затѣмъ меня уже и не спрашивали", отмѣчаетъ черезъ десять лѣтъ К. П. Побѣдоносцевъ *). „Московскій Сборникъ" былъ исходной точкой, но не „закономъ и пророками" для Императора Николая II.

Скажутъ, можетъ быть, что это только догадки? Онѣ подтверждаются всѣмъ ходомъ Его царствованія. Болѣе прямыхъ доказательствъ этому нѣтъ, такъ какъ Государь съ молодости отличался большой замкнутостью, мало кому довѣрялъ даже малую долю своихъ плановъ, своихъ задушевныхъ думъ. Развѣ только Императрица Александра Ѳеодоровна дѣйствительно знала Государя до конца.

---

*) Въ письмахъ къ С. Ю. Витте отъ 24 марта 1905 г.

Императоръ Александръ III скончался въ Крыму, и перевезенiе его праха въ столицу, похоронныя торжества, вплоть до водворенiя гроба въ усыпальницѣ Петропавловскаго Собора, заслонили дней на десять все остальное. Улицы С.-Петербурга были убраны траурными, черными съ бѣлымъ флагами. Огромныя толпы провожали въ могилу безвременно скончавшагося Царя.

Только въ первыхъ числахъ ноября министры впервые явились со своими докладами къ новому монарху. Они должны были, одновременно съ разрѣшенiемъ очередныхъ вопросовъ, посвящать Его въ общiй ходъ государственной машины. И тутъ выяснилось, что Государь былъ въ курсѣ всѣхъ существенныхъ дѣлъ, кромѣ наиболѣе секретныхъ вопросовъ внѣшней политики. Онъ задавалъ Витте вопросы, свидѣтельствующiе о томъ, что, и въ бытность Наслѣдникомъ, Онъ ко всему внимательно присматривался.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирсъ, — который, какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ гр. Ламздорфъ, „былъ въ восторгѣ отъ Его Величества", — одинъ сообщилъ ему существенную новость — о весьма далеко зашедшемъ секретномъ соглашенiи съ Францiей. Государь тутъ же почувствовалъ, что въ этомъ сближенiи таятся не только выгоды, но и угрозы въ будущемъ: если оно уменьшаетъ опасность въ случаѣ войны съ Германiей, оно въ то же время увеличиваетъ шансы такой войны, создавая новыя плоскости тренiя. Онъ сознавалъ, что только превращенiе франко-русскаго союза въ соглашенiе великихъ державъ европейскаго материка можетъ дѣйствительно обезпечить миръ въ Европѣ и поддержанiе мiрового первенства христiанскихъ европейскихъ государствъ.

Въ первой циркулярной депешѣ, разосланной министерствомъ 28 октября 1894 г., говорилось: „Россiя пребудетъ неизмѣнно вѣрна своимъ преданiямъ: она приложитъ старанiя къ поддержанiю дружественныхъ отношенiй ко всѣмъ державамъ, и по-прежнему въ уваженiи къ праву и законному порядку будетъ видѣть вѣрный залогъ безопасности государства".

Но этими завѣренiями дѣло не ограничилось. Когда черезъ два-три мѣсяца былъ поднятъ вопросъ объ участiи всѣхъ державъ въ торжественномъ открытiи Кильскаго канала, Государь заявилъ завѣдующему Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: „Весьма жаль, если Францiя не приметъ участiя. Мнѣ кажется, что французы напрасно затрудняются отвѣтомъ. Разъ всѣ державы приглашены, участiе Францiи необходимо на ряду съ ними".

„Какое намъ въ сущности до этого дѣло", заноситъ по этому

поводу въ свой дневникъ гр. Ламздорфъ. Но Государь считалъ, что Россіи весьма большое дѣло до предотвращенія новой войны въ Европѣ...

Первымъ событіемъ царствованія было бракосочетаніе Императора съ принцессой Алисой Гессенской, имѣвшее мѣсто 14 ноября. Въ виду траура, свадебныя торжества носили скромный характеръ. При проѣздѣ Царской четы изъ Зимняго въ Аничковъ дворецъ, Государь распорядился убрать съ улицъ шпалеры войскъ на пути ихъ слѣдованія, и народъ, толпившійся на улицѣ, тѣснился вокругъ Царскихъ саней, впервые послѣ долгаго времени видя вблизи своего Государя. „Это былъ красивый и смѣлый жестъ", писалъ „Journal des Débats", отмѣчавшій, что новый монархъ вообще свободнѣе показывается народу нежели Александръ III, жившій подъ впечатлѣніемъ трагической кончины Своего отца.

Принцесса Алиса Гессенская, которая стала русской Императрицей черезъ три недѣли по восшествіи Государя на престолъ, была за всю жизнь лучшимъ другомъ и вѣрной спутницей Императора Николая II и въ свѣтлые, и въ темные дни. Бракъ ихъ былъ исключительно дружнымъ и счастливымъ и семейная жизнь Государя омрачалась порою только болѣзнями дѣтей. Государыня, всецѣло раздѣлявшая міровоззрѣніе своего супруга, мало касалась государственныхъ дѣлъ до послѣднихъ тяжелыхъ годовъ Его царствованія.

Императоръ Николай II глубоко уважалъ своего отца и не сталъ на первыхъ порахъ мѣнять его сотрудниковъ. Онъ разставался съ ними только постепенно, по мѣрѣ возникновенія дѣловыхъ расхожденій. Въ первыя недѣли, еще въ 1894 г., произошли только двѣ существенныхъ перемѣны на верхахъ: былъ уволенъ генералъ І. В. Гурко съ поста генералъ-губернатора Царства Польскаго и смѣщенъ министръ путей сообщенія Кривошеинъ *). Если вѣрить Витте, отставка ген. Гурко объяснялась тѣмъ, что онъ поставилъ передъ Государемъ „министерскій вопросъ": исполните то, что я прошу или увольте меня въ отставку. Вѣрно-ли это въ данномъ случаѣ, провѣрить трудно, но несомнѣнно, что Государь не любилъ такого прямого давленія; онъ считалъ, что министры (и высшіе чины государства) не имѣютъ права „ставить монарху ультиматумы". — Увольненіе министра путей сообщенія произошло изъ-за того, что создалось впечатлѣніе, будто онъ пользуется своимъ служебнымъ положеніемъ для личнаго обога-

*) Не смѣшивать съ извѣстнымъ министромъ земледѣлія во вторую половину царствованія!

щенія. Хоть онъ при этомъ не дѣлалъ ничего противозаконнаго въ точномъ смыслѣ слова, Государь счелъ, что и недостатокъ осторожности въ денежныхъ дѣлахъ недопустимъ для царскаго министра *).

Увольненіе ген. Гурко, совпавшее съ милостивымъ пріемомъ делегаціи польскаго дворянства, тотчасъ же породило толки объ ослабленіи „руссификаторскихъ" тенденцій. Въ Варшавѣ это вызвало нескрываемую радость. Никакой принципіальной и рѣзкой перемѣны курса при этомъ, однако, не было.

Въ русскомъ обществѣ восшествіе на престолъ новаго Государя породило прежде всего смутную надежду на перемѣны. Въ русской печати стали помѣщаться привѣтственныя статьи по адресу молодой Императрицы, въ которыхъ мимоходомъ высказывалось предположеніе, что она внесетъ и въ русскую жизнь тѣ начала, среди которыхъ была воспитана. Интеллигенція считала преимущества западныхъ государственныхъ формъ совершенно безспорными и очевидными и была увѣрена, что жить при парламентарномъ строѣ — значитъ цѣнить его и любить...

На нѣкоторыхъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ звучали рѣчи, смолкшія въ царствованіе Императора Александра III. Требованіе народнаго представительства, которое въ эпоху Императора Александра II именовалось „увѣнчаніемъ зданія", выдвигалось снова.

И не только раздавались отдѣльныя рѣчи; были приняты всеподданнѣйшіе адреса, выдвигавшіе это требованіе въ осторожныхъ выраженіяхъ. Болѣе радикальные земскіе элементы пошли рука объ руку съ умѣренными, чтобы добиться возможно большаго единодушія. Земскія собранія выступали какъ бы ходатаями отъ значительнаго большинства русскаго общества. Конечно, тотъ шагъ, о которомъ говорилось въ земскихъ адресахъ, казался ничтожнымъ большинству интеллигенціи. Вѣдь ее не удовлетворяли и западныя кон-

*) Ген. В. І. Гурко, хорошо знакомый съ условіями увольненія министра путей сообщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ къ рукописи этой книги далъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ возможно короткихъ словахъ дѣло было такъ: занявъ постъ министра, онъ по недостатку времени заниматься имѣніемъ жены, передалъ его завѣдываніе своему шурину А. П. Струкову; безъ вѣдома послѣдняго старшій управитель имѣнія взялъ съ торговъ подрядъ на поставку шпалъ для строившейся и проходившей черезъ названное имѣніе Бологое-Сѣдлецкой жел. дороги. Недовольные конкуренты, предлагавшіе однако менѣе для казны выгодныя условія, въ нѣсколько извращенномъ видѣ сообщили объ этомъ въ газеты либеральнаго направленія. Кривошеинъ узналъ обо всемъ этомъ изъ газетъ.

Зимній дворецъ въ С. Петербургѣ.

Царскосельскій Александровскій дворецъ.

Торжественный въѣздъ Государя Императора въ Москву
9 Мая 1896 г.

Государь Императоръ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ
23 Мая 1896 г.

ституціи — достаточно для этого приглядѣться къ изображенію иностранной жизни въ русскихъ оппозиціонныхъ газетахъ и „толстыхъ журналахъ“. Но — лиха бѣда начать; расчитывали, что послѣ перваго шага быстро послѣдуютъ дальнѣйшіе.

Императоръ Николай II былъ, такимъ образомъ, поставленъ въ необходимость публично исповѣдывать свое политическое міровоззрѣніе. Если бы Онъ отвѣтилъ общими, неопредѣленными привѣтственными словами на пожеланіе о привлеченіи выборныхъ земскихъ людей къ обсужденію государственныхъ дѣлъ, это было бы тотчасъ истолковано, какъ **согласіе.** Послѣ этого, либо пришлось бы приступить къ политическимъ преобразованіямъ, которыхъ Государь не желалъ, либо общество, съ извѣстнымъ основаніемъ, сочло бы себя обманутымъ.

Говорить „нѣтъ“ въ отвѣтъ на вѣрноподданническіе адреса всегда нелегко. Если бы та внѣшняя черта характера Государя, которая такъ раздражала министровъ, — неопредѣленный отвѣтъ, за которымъ слѣдуетъ заочный отказъ — была дѣйствительно Его непреоборимымъ свойствомъ, Онъ вѣроятно отвѣтилъ бы и тутъ общими мѣстами на адреса съ конституціонными пожеланіями. Но Государь не захотѣлъ вводить общество въ заблужденіе. Какъ ни оцѣнивать отказъ по существу, — прямое заявленіе о немъ было со стороны монарха только актомъ политической честности.

Въ своей рѣчи 17 января 1895 г. къ земскимъ депутаціямъ, Государь сказалъ: „Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой покойный незабвенный Родитель“.

Слово „**безпочвенныя**“ мечтанія (которое, какъ утверждаютъ, имѣлось въ первоначальномъ текстѣ рѣчи) лучше выражало мысль Царя, и оговорка была, конечно, досадной; но дѣло было не въ формѣ, а въ существѣ. Какъ изъ манифеста 29 апрѣля 1881 г. Россія узнала, что преемникъ умерщвленнаго монарха рѣшилъ твердо оберегать, самодержавную власть, такъ изъ этой рѣчи молодого Государя сразу стало извѣстно, что Онъ въ этомъ вопросѣ не намѣренъ отступать отъ пути своего отца.

Среди разнорѣчиваго хора иностранной печати выдѣляется

передовая статья вліятельнѣйшей англійской газеты „Times“ *): „О русскихъ учрежденіяхъ не слѣдуетъ судить съ западной точки зрѣнія, и было бы ничѣмъ инымъ, какъ дерзостью, — осуждать ихъ за несоотвѣтствіе идеямъ, возникшимъ изъ совершенно иныхъ обстоятельствъ и изъ совершенно несходной исторіи. Судя по всѣмъ обычнымъ признакамъ національнаго преуспѣянія, самодержавная власть Царя весьма подходитъ Россіи; и не иностранцамъ, во всякомъ случаѣ, подобаетъ утверждать, что ей лучше подошло бы что-нибудь другое. Тотъ образъ правленія, о которомъ только что Царь высказалъ свою рѣшимость сохранить его, можетъ во всякомъ случаѣ развернуть исторію такихъ достиженій въ государственномъ строительствѣ, съ которыми его соперники не могутъ и претендовать сравняться. Въ Россіи во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть въ настоящее время призна́нъ, какъ основоположный фактъ“.

Русское образованное общество, въ своемъ большинствѣ, приняло эту рѣчь, какъ вызовъ себѣ. Русская печать изъ-за цензуры, конечно, не могла этого явно выразить. Характерны, однако, для этой эпохи „внутреннія обозрѣнія“ толстыхъ журналовъ. „Сѣверный Вѣстникъ“ (отъ 1 февраля того же года) въ оглавленіи отмѣчаетъ на первомъ мѣстѣ рѣчь Государя къ земскимъ делегаціямъ, затѣмъ рядъ мелкихъ событій. Въ текстѣ — приведена рѣчь Государя: ни слова комментарія; обозрѣніе прямо переходитъ къ очереднымъ мелочамъ. „Цензурнаго сказать нечего“ — ясно говорила редакція читателямъ...

Въ то время, какъ умѣренно-либеральная „Русская Мысль“ огорченно умалчивала объ этой рѣчи, соціалистическое „Русское Богатство“ писало съ явнымъ злорадствомъ: „Съ неопредѣленностью въ душѣ, съ тревогами, опасеніями и надеждами встрѣтило наше общество 1895-й годъ. Первый же мѣсяцъ новаго года принесъ разрѣшеніе всѣхъ этихъ неопредѣленностей. Высочайшая рѣчь 17 января... была этимъ историческихъ событіемъ, положившимъ конецъ всякой неопредѣленности и всѣмъ сомнѣніямъ... Царствованіе Императора Николая Александровича начинается въ видѣ прямого продолженія прошлаго царствованія“ **).

По поводу этой рѣчи 17 января тотчасъ же стали слагаться легенды. Ея рѣшительное содержаніе мало соотвѣтствовало общимъ представленіямъ о Государѣ. Поэтому начали утверждать, что эта рѣчь Ему кѣмъ то продиктована. Начали искать, „кто за этимъ скры-

*) 30/18 января 1895 г.

**) „Русское Богатство“, 1895 г. февраль.

вается“. Гадали на Побѣдоносцева, на министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново.

Германскій посолъ фонъ Вердеръ отмѣчаетъ со своей стороны (15/3 февраля): „Въ началѣ царствованія имъ (Императоромъ) увлекались, превозносили всѣ его дѣйствія и его рѣчи до небесъ. Какъ теперь все измѣнилось! Начало перемѣнѣ положила неожиданно рѣзкая рѣчь Императора къ депутаціямъ. Она составлена была не министромъ Дурново, какъ сначала думали; тотъ узналъ только отъ военнаго министра, что Императоръ хочетъ говорить. Императоръ собственноручно написалъ эту рѣчь и положилъ ее въ свою фуражку. По всей Россіи она рѣзко критикуется .

Рѣчь 17 января разсѣяла надежды интеллигенціи на возможность конституціонныхъ преобразованіи сверху. Въ этомъ отношеніи она послужила исходной точкой для новаго роста революціонной агитаціи, на которую снова стали находить средства.

На четвертомъ мѣсяцѣ новаго царствованія скончался министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Тирсь. Вокругъ освободившагося поста началась закулисная борьба, сторонники тѣснаго союза съ Франціей боялись перемѣнъ. Государь назначилъ министромъ князя Лобанова-Ростовскаго, русскаго посла въ Вѣнѣ, только что назначеннаго въ Берлинъ. Человѣкъ уже немолодой, новый министръ былъ представителемъ старой аристократической культуры, знатокомъ-любителемъ старинныхъ книгъ. Наиболѣе горячіе сторонники союза съ Франціей при дворѣ отнеслись безъ сочувствія къ этому назначенію.

Положеніе на Дальнемъ Востокѣ къ тому времени сильно осложнилось. Японія, послѣ зимней задержки военныхъ операцій, разгромила остатки китайскаго флота у Вей-Ха-Вея, заняла Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ и Южную Манчжурію. Весною она легко могла захватить Пекинъ. Китай вынужденъ былъ просить мира.

Для Россіи, для другихъ европейскихъ государствъ, фактъ быстраго усиленія Японіи свидѣтельствовалъ о пробужденіи азіатскихъ народовъ. „Недвижный Китай“ и еще болѣе слабая Корея были, конечно, много болѣе пріятными сосѣдями, чѣмъ возродившаяся воинственная Японская имперія, усвоившая въ совершенствѣ западную военную технику. Поэтому Россія взяла на себя иниціативу попытки противопоставить японскимъ завоеваніямъ единый фронтъ европейскихъ державъ. На участіе Англіи расчитывали мало, и она дѣйствительно тотчасъ же отказалась отъ предложеннаго вмѣшательства въ японо-китайскіе переговоры. Зато и Германія, и Франція присоединились къ этому выступленію. Миръ въ Симоносеки былъ подписанъ

17(5) апрѣля: Китай уступалъ Японіи Формозу, Пескадорскіе о-ва и Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ, отказался отъ своихъ правъ въ Кореѣ и долженъ былъ уплатить контрибуцію. Занятіе Ляодунскаго полуострова давало Японіи опорную точку на материкѣ и ключъ къ Печилійскому заливу, подступамъ съ моря къ китайской столицѣ. Европейскія державы рѣшили потребовать у Японіи отказа отъ захвата территоріи на материкѣ Азіи, предоставляя ей въ видѣ компенсаціи увеличенную контрибуцію.

23 апрѣля выступленіе трехъ державъ въ Токіо состоялось. Посланники Россіи, Германіи и Франціи предъявили свои требованія министру иностранныхъ дѣлъ Аоки. „Сопротивленіе тремъ великимъ державамъ было бы безполезно", подчеркнулъ при этомъ германскій посланникъ. Князь Лобановъ-Ростовскій уже снесся съ другими участниками выступленія, чтобы въ случаѣ отказа соединенный флотъ трехъ державъ прервалъ сообщеніе между Японіей и ее войсками, находившимися на материкѣ. Англія не сочувствовала этому шагу, но и не возражала противъ него. Японія уступила послѣ долгихъ колебаній: она все же сохраняла большую часть пріобрѣтеннаго, и для „сохраненія лица" ей было дано право обьявить Симоносекскій договоръ дѣйствительнымъ, но затѣмъ, въ видѣ „великодушнаго жеста", вернуть Китаю Ляодунскій полуостровъ по полученіи первыхъ взносовъ повышенной контрибуціи. Покровительствуя слабому Китаю противъ сильной Японіи, Россія, Германія и Франція въ данномъ случаѣ защищали общіе интересы европейскихъ державъ. Объединеніе массивнаго Китая съ технически сильной Японіей перемѣнило бы соотношеніе силъ не только въ Азіи, но и во всемъ мірѣ. Но Франція въ этомъ участвовала только ради союза съ Россіей. Французскому правительству въ этомъ вопросѣ приходилось выдерживать сильный внутренній натискъ.

По настоянію Государя, Франція согласилась принять участіе въ международномъ торжествѣ открытія Кильскаго канала. Къ этому времени уже президентъ Казиміръ Перье ушелъ, горько жалуясь на связанность президентской власти; его смѣнилъ Феликсъ Форъ· а вмѣсто кабинета Дюпюи правилъ кабинетъ А. Рибо, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганото *). Радикалы вели ожесточенную борьбу противъ этого кабинета, и, по обыкновенію, не преминули воспользоваться патріотическими доводами.

---

*) Такъ въ Россіи было принято писать эту фамилію, которая, конечно, по-французски произносилась Аното.

Въ парламентѣ и въ печати начались протесты противъ отправки въ Германію французской эскадры; а когда еще Франція оказалась вмѣстѣ съ Германіей при выступленіи противъ Симоносекскаго мира, и стало извѣстно, что теоретически допускалась возможность совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій флотовъ трехъ державъ, — всѣ блюстители идеи реванша во главѣ съ Дерулэдомъ забили тревогу. По соображеніямъ внутренней политики, имъ вторили радикалы. Идея примиренія съ Германіей не встрѣчала сочувствія въ руководящихъ политическихъ кругахъ. Правительство, считаясь съ волей Россіи, въ извѣстной мѣрѣ къ этому шло, но и то — не особенно охотно.

10 іюня въ Палатѣ Депутатовъ состоялась настоящая атака на кабинетъ. Что даетъ намъ дружба съ Россіей? — говорили ораторы оппозиціи. Каковы наши отношенія съ ней? Рибо и Ганото въ отвѣтъ впервые рѣшились произнести слово „союзъ". „Нашъ флотъ въ Килѣ будетъ на своемъ мѣстѣ — бокъ-о-бокъ съ флотомъ нашихъ **союзниковъ"**, заявилъ Рибо. Это произвело сильное впечатлѣніе, и довѣріе кабинету было выражено огромнымъ большинствомъ.

Видный французскій журналъ *) писалъ о выступленіяхъ оппозиціи: „Они говорятъ — къ чему намъ союзъ, который не начинается съ возвращенія Эльзаса и Лотарингіи?... — Каковы бы ни были добрыя намѣренія С.-Петербургскаго правительства въ отношеніи насъ, оно съ перваго же слова порвало бы переговоры, которые бы завѣдомо имѣли подобную цѣль". Тутъ вскрылось внутреннее противорѣчіе франко-русскаго союза: тогда какъ Россія имѣла въ виду сохраненіе европейскаго мира, во Франціи союзомъ интересовались главнымъ образомъ съ точки зрѣнія возможности возвращенія Эльзаса, — на что едва ли можно было расчитывать безъ новой большой войны.

Чтобы облегчить французское участіе въ Кильскихъ торжествахъ, русское правительство согласилось на слѣдующій маневръ: русская и французская эскадры встрѣтились въ датскихъ водахъ и вмѣстѣ прибыли въ Киль. Торжества сошли благополучно. Германія со своей стороны любезно приняла гостей и даже убрала подальше съ ихъ глазъ свои военныя суда „Вейссенбургъ" и „Вёртъ", напоминавшія о французскихъ пораженіяхъ 1870 г.

Германское правительство въ то время было настолько увѣрено въ невозможности союза самодержавной Россіи съ республиканской Франціей, что германскій посолъ въ Парижѣ, гр. Мюнстеръ, писалъ по поводу выступленій Рибо въ Палатѣ: „Все равно, говорятъ

*) „Revue des deux Mondes", 15-VI-1895.

ли „согласіе" или „союзъ": это все еще незаконное сожительство, лишенное формальной санкціи Императора... Большинство французовъ удовлетворяются выраженіемъ „союзъ" и русско-французской комедіей при въѣздѣ въ Кильскую гавань". Это писалъ германскій посолъ въ Парижѣ черезъ три года послѣ подписанія франко-русскаго союза: хорошо въ то время хранились дипломатическія тайны!

Но когда пріѣздъ ген. М. И. Драгомирова на французскіе осенніе маневры совпалъ съ пребываніемъ въ Парижѣ кн. Лобанова-Ростовскаго, и это явилось поводомъ для новыхъ манифестацій въ честь франко-русской дружбы, — въ Германіи забезпокоились. Графъ Эйленбургъ, принимая въ своемъ имѣніи возвращавшагося изъ Парижа кн. Лобанова-Ростовскаго, всячески сѣтовалъ на дружбу Россіи съ „республиканцами". Русскій министръ въ отвѣтъ говорилъ о миролюбивомъ настроеніи Франціи и высказалъ мнѣніе, что Россіи слѣдуетъ поддерживать нынѣшнее умѣренное правительство, разъ возстановленіе монархіи, все равно, невозможно. — Этотъ разговоръ происходилъ въ началѣ октября, а уже въ концѣ того же мѣсяца кабинетъ Рибо былъ свергнутъ и къ власти пришло радикальное министерство Леона Буржуа.

Изъ другихъ фактовъ внѣшней политики, въ первый годъ царствованія Государя, заслуживаетъ вниманіе пріѣздъ болгарской делегаціи. Россія не имѣла съ Болгаріей дипломатическихъ сношеній и не признавала ея правительства законнымъ. Со времени сверженія Стамбулова, болгары всячески старались снова завязать сношенія съ Россіей. Лѣтомъ 1895 г., въ С.-Петербургъ пріѣхала болгарская делегація, съ Митрополитомъ Климентомъ во главѣ, встрѣтившая у Государя милостивый пріемъ. Правда, тутъ же было объявлено, что пріемъ этотъ оказывается болгарскому народу, въ чувствахъ котораго Россія никогда не сомнѣвалась, а не „группѣ людей, именующей себя болгарскимъ правительствомъ". Тѣмъ не менѣе ледъ былъ пробитъ: признаніе состоялось въ слѣдующемъ году.

Во внутренней жизни Россіи крупныхъ новыхъ фактовъ не было. Продолжались начинанія прошлаго царствованія. Съ января 1895 г. вступили въ силу: новый желѣзнодорожный тарифъ, — исключительно дешевый для ѣдущихъ на дальнія разстоянія, — и русско-германскій торговый договоръ. Началъ проводиться, сперва только въ четырехъ губерніяхъ, законъ о винной монополіи. Усиленно продолжалась постройка Великаго Сибирскаго пути; вообще 1895-й годъ былъ снова рекорднымъ въ желѣзнодорожномъ строительствѣ *).

*) За годъ открыто 1.886 верстъ ж.-д. пути — цифра до того не достигавшаяся.

Намѣтились, однако, и нѣкоторыя новыя черты. Государь проявилъ интересъ къ женскому образованію; на докладѣ тульскаго губернатора о желательности болѣе широкаго привлеченія дѣвочекъ въ народныя школы, Онъ поставилъ помѣтку: „Совершенно согласенъ съ этимъ. Вопросъ этотъ чрезвычайной важности". Было утверждено положеніе о Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ (въ началѣ царствованія Императора Александра III женскіе медицинскіе курсы были закрыты за царившій на нихъ революціонный духъ). Кредиты на церковно-приходскіе школы были значительно увеличены (почти вдвое).

Весною въ С.-Петербургѣ. въ Соляномъ Городкѣ, состоялась первая всероссійская выставка печатнаго дѣла, въ которой приняли участіе всѣ періодическія изданія и всѣ книгоиздательства.

Въ литературѣ этотъ годъ ознаменовался первыми выступленіями московскихъ „декадентовъ" съ Валеріемъ Брюсовымъ во главѣ, жестоко осмѣянныхъ всей печатью. Въ толстыхъ журналахъ разгоралась полемика между „народниками" и „марксистами" относительно значенія капитализма для Россіи. 21 февраля умеръ Н. С. Лѣсковъ, и радикальный „Міръ Божій" по этому поводу написалъ: „Мы считаемъ за лучшее не высказывать своего мнѣнія, слѣдуя правилу: о мертвыхъ или хорошо, или ничего". Но даже и „Русская Мысль" въ которой Н. С. Лѣсковъ сотрудничалъ, только рѣшилась написать, что „для всесторонней и безпристрастной оцѣнки не наступило еще благопріятнаго времени". Такова была въ тѣ дни сила интеллигентскаго остракизма!

Въ экономической области, гдѣ Государь оставилъ распоряжаться С. Ю. Витте, были сдѣланы первые шаги для проведенія валютной реформы. Были разрѣшены сдѣлки на золото по курсу дня, иными словами было оффиціально признано расхожденіе между кредитнымъ и золотымъ рублемъ (монету въ 10 рублей разрѣшалось продавать за 15). Опубликованъ былъ законъ о производствѣ первой всенародной переписи (на 1 января 1897 г.).

Истолковывая русскую внутреннюю политику для иностраннаго общественнаго мнѣнія, А. А. Башмаковъ писалъ во вліятельномъ французскомъ журналѣ *):

„Строй этотъ содержитъ идеалъ... Этотъ идеалъ, несмотря на многія противорѣчія и безчисленные недочеты, — это представленіе о сильномъ неограниченномъ Царѣ, справедливомъ какъ Богъ, доступномъ каждому, не принадлежащемъ ни къ какой партіи, обузды-

---

*) Revue politique et parlamentaire. 1895.

вающемъ аппетиты сильныхъ, высшемъ источникѣ власти, который судитъ и караетъ и исцѣляетъ соціальную несправедливость".

„Люди наиболѣе преданные благу страны сейчасъ проникнуты величайшимъ скептицизмомъ въ отношеніи этихъ спасительныхъ лекарствъ, этихъ всемірныхъ панацей, которыми во всѣхъ странахъ полагаютъ исцѣлить всѣ недуги и покончить со всѣми затрудненіями. Въ сущности весьма мало интересуются вопросомъ о парламентаризмѣ и въ особенности не довѣряютъ красивымъ словамъ".

Эти слова, конечно, характеризуютъ умонастроеніе власти, а не большинства общества. Но и въ нѣкоторыхъ слояхъ интеллигенціи стало замѣчаться извѣстное смягченіе вражды. „Русская Мысль" сочла нужнымъ слѣдующими словами отмѣтить годовщину восшествія Государя на престолъ: „Императоръ Николай II отмѣтилъ первый годъ своего царствованія особенною заботой о нуждахъ просвѣщенія. Въ этотъ же годъ Высочайшее повелѣніе вновь создало у насъ и высшее женское образованіе. Каждый монархъ, въ особенности у насъ, вноситъ въ управленіе нѣчто новое, соотвѣтствующее духу самого Государя, и русское общество исполняется надеждой, что царствованіе Императора Николая II будетъ животворить нашу школу и нашу общественную самодѣятельность".

Въ Британской Энциклопедіи *) сэръ Д. Мэкензи Уоллэсъ, авторъ извѣстной книги о Россіи, такъ характеризуетъ первые шаги царствованія Императора: „Безшумно совершилась большая перемѣна въ способахъ проведенія законовъ и министерскихъ циркуляровъ. Походя на своего отца во многихъ чертахъ характера, молодой Царь имѣлъ болѣе мягкія, гуманныя наклонности, и былъ въ меньшей степени доктринеромъ. Сочувствуя стремленіямъ своего отца — созданію изъ святой Руси однородной имперіи — онъ не одобрялъ основывавшихся на этомъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, сектантовъ и раскольниковъ, и онъ далъ понять, безъ формальнаго приказанія, что примѣнявшіяся дотолѣ суровыя мѣры не встрѣтятъ его одобренія".

Если Императоръ Николай II желалъ сохранить въ своихъ рукахъ всю полноту самодержавной власти, если Онъ глубоко уважалъ и цѣнилъ своего отца, это еще не значило, что Его правленіе должно было явиться только „прямымъ продолженіемъ прошлаго царствованія".

---

*) Въ изданіи 1911 г. Оцѣнка прошлаго въ Британской Энциклопедіи, увы, иногда мѣняется отъ перемѣнъ въ политической обстановкѣ. Въ новомъ изданіи этихъ строкъ уже нѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1896 г. — Признаніе болгарскаго правительства. — Коронація. — Ходынская катастрофа. — Нижегородская выставка. — Торгово-промышленный съѣздъ.

Освященіе Владимірскаго собора въ Кіевѣ. — Поѣздка Государя заграницу. — Его пребываніе во Франціи. — Инцидентъ съ „Гражданиномъ". — Проектъ занятія Босфора. — Забастовка на текстильныхъ мануфактурахъ въ Петербургѣ. — Студенческіе безпорядки въ Москвѣ.

1896-й годъ ознаменовался тремя замѣтными событіями: коронаціей, всероссійской выставкой въ Нижнемъ-Новгородѣ, и поѣздкой Государя заграницу.

Произошедшая въ самомъ концѣ 1895 г. замѣна И. Н. Дурново на посту министра внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ лишь въ слабой степени могла считаться измѣненіемъ политическаго курса: И. Л. Горемыкинъ, сочетавшій государственную службу съ дѣятельностью земскаго гласнаго Новгородской губерніи, въ ту пору считался умѣреннымъ либераломъ; но у него не было своей ярко выраженной программы и онъ всегда оставался глубоко лойяльнымъ, но нѣсколько пассивнымъ исполнителемъ воли монарха.

Первые мѣсяцы 1896 г. были заполнены подготовкой коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, и „смотра русскаго хозяйства" — Нижегородской выставки. Въ остальныхъ отношеніяхъ продолжалась

очередная работа. Винная монополія, введенная съ 1895 г. въ четырехъ губерніяхъ, была распространена еще на двѣнадцать. Былъ созданъ государственный фондъ, изъ котораго на оказаніе помощи нуждающимся литераторамъ отпускалось по 50.000 руб. въ годъ. Въ печати и въ И. Вольно-Экономическомъ Обществѣ начиналось обсужденіе денежной реформы.

Примиреніе между Россіей и Болгаріей, намѣтившееся уже во время пріѣзда въ С.-Петербургъ болгарской делегаціи, во главѣ съ митрополитомъ Климентомъ, состоялось, наконецъ, по случаю перехода въ православіе малолѣтняго наслѣдника болгарскаго престола, князя Бориса (3/15 февраля 1896 г.). Крестнымъ отцомъ королевича былъ самъ Государь. Русскій представитель, гр. Голенищевъ-Кутузовъ, оффиціально присутствовалъ на крестинахъ, и былъ встрѣченъ восторженными привѣтствіями болгарскаго населенія, а князь Фердинандъ воскликнулъ передъ народной толпой: „Да здравствуетъ Императоръ Николай II, покровитель болгаръ! Окончательное признаніе состоялось немного позднѣе — князь Фердинандъ пріѣзжалъ для этого въ С.-Петербургъ въ началѣ апрѣля.

За эти мѣсяцы японское вліяніе въ Кореѣ понесло тяжкій ущербъ — корейскій король бѣжалъ подъ защиту русской миссіи въ Сеулѣ. Итальянцы потерпѣли полный разгромъ подъ Адуей, въ Абиссиніи. Во Франціи Сенатъ свергъ радикальный кабинетъ Леона Буржуа, и снова образовалось умѣренное правительство, во главѣ съ Мелиномъ, причемъ, къ большому удовольствію русскихъ дипломатическихъ круговъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ опять Ганото. „Оглядка на Россію сыграла не послѣднюю роль въ такомъ разрѣшеніи французскаго министерскаго кризиса.

Вѣнчаніе на царство — важное событіе въ жизни монарха, въ особенности, когда Онъ проникнутъ такою глубокою вѣрою въ свое призваніе, какъ Императоръ Николай II. Коронація — праздникъ восшествія на престолъ, когда по окончаніи траура по усопшемъ монархѣ, новый царь впервые является народу среди пышнаго блеска церковныхъ и государственныхъ торжествъ.

Задолго до назначеннаго дня въ Москву, древнюю столицу, стали собираться гости со всѣхъ концовъ. Къ пріѣзду Государя, — дню Его рожденія, 6 мая — вся Москва украсилась флагами и цвѣтными фонариками. 9 мая состоялся торжественный въѣздъ въ столицу, изъ Петровскаго подмосковскаго дворца. Каждый день приносилъ новыя зрѣлища: то прибывали чрезвычайныя иностранныя по-

сольства; то происходили военные парады. 13 мая Императорская чета переѣхала въ Кремль. Русскіе коронаціонныя торжества 1896 г. были, между прочимъ, первымъ большимъ государственнымъ празднествомъ, которое осталось запечатлѣннымъ на кинематографической лентѣ *). Газеты перечисляли высокопоставленныхъ гостей: прибыла Королева Эллиновъ Ольга Константиновна; принцъ Генрихъ Прусскій, братъ Вильгельма II; герцогъ Коннаутскій, сынъ англійской королевы; итальянскій наслѣдный принцъ Викторъ Эммануилъ; князь Фердинандъ Болгарскій; князь Николай Черногорскій; наслѣдный принцъ греческій Константинъ; наслѣдный принцъ румынскій Фердинандъ; германскіе великіе герцоги и принцы. По словамъ „Новаго Времени" на коронаціи присутствовали: одна королева, три великихъ герцога, два владѣтельныхъ князя, двѣнадцать наслѣдныхъ принцевъ, шестнадцать принцевъ и принцессъ... Не послѣднее мѣсто занимала на торжествѣ и чрезвычайная китайская делегація, во главѣ съ Ли-Хунъ-Чаномъ.

14 мая, въ день коронаціи, въ караулѣ былъ Преображенскій полкъ. Къ 9 ч. утра въ Успенскомъ соборѣ собрались почетные гости. Отъ крыльца Большого дворца къ паперти собора были постланы ковры. На паперти Государя встрѣтило духовенство и московскій митрополитъ Сергій обратился къ нему со словами:

„Благочестивый Государь! Настоящее твое шествіе, соединенное съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, имѣетъ цѣль необычной важности. Ты вступаешь въ это древнее святилище, чтобы возложить здѣсь на себя Царскій вѣнецъ и воспріять священное мνропомазаніе. Твой прародительскій вѣнецъ принадлежитъ Тебѣ Единому, какъ Царю Единодержавному, но мνропомазанія сподобляются всѣ православные христіане, и оно не повторяемо. Если же предлежитъ Тебѣ воспріять новыхъ впечатлѣній этого таинства, то сему причина та, что какъ нѣтъ выше, такъ нѣтъ и труднѣе на землѣ Царской власти, нѣтъ бремени тяжелѣе Царскаго служенія. Чрезъ помазаніе видимое да подастся Тебѣ невидимая сила свыше дѣйствующая, къ возвышенію Твоихъ царскихъ доблестей озаряющая Твою самодержавную дѣятельность ко благу и счастью Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ".

Въ соборѣ Государь и Государыня заняли мѣста на тронѣ подъ балдахиномъ напротивъ алтаря; отдѣльный тронъ былъ воздвигнутъ для Вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны. Митрополитъ

---

*) Въ апрѣлѣ 1897 г. въ „Соляномъ Городкѣ" въ С. Петербургѣ впервые показывали „живую фотографію" (кинематографъ Люмьера): московскія коронаціонныя торжества (19 картинъ).

С.-Петербургскій Палладій, взойдя на верхнюю площадку трона, предложилъ Государю прочесть Символъ Вѣры.

Императоръ Николай II громкимъ, отчетливымъ голосомъ повторилъ слова Символа Вѣры. Облачившись въ порфиру и вѣнецъ, взявъ въ руки державу и скипетръ, Онъ затѣмъ прочелъ коронаціонную молитву начинающуюся словами: „Боже Отцовъ и Господи милости, Ты избралъ мя еси Царя и Судію людямъ Твоимъ"...

Послѣ этого молитву отъ лица всего народа огласилъ митрополитъ Палладій: „Умудри убо и поставь проходити великое къ Тебѣ служеніе, даруй Ему разумъ и премудрость, во еже судити людямъ Твоимъ во правду, и Твое достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранити, покажи Его врагомъ Побѣдительна, злодѣемъ Страшна, добрымъ Милостива и Благонадежна, согрѣй Его сердце къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, къ заступленію нападствуемыхъ. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и отъ лицепріятія и мздопріимства отражая, и вся отъ Тебе державы Его врученныя люди въ нелицемѣрной содержи вѣрности, сотвори Его отца о чадахъ веселящагося, и удивиши милости Твоя отъ насъ... Не отврати лица Твоего отъ насъ и не посрами насъ отъ чаянія нашего"...

Хоръ грянулъ „Тебѣ Бога хвалимъ".

Послѣ литургіи, которую Государь выслушалъ стоя, снявъ съ себя вѣнецъ, Онъ воспріялъ мvропомазаніе. Въ этотъ мигъ колокольный звонъ и салютъ изъ 101 выстрѣла возвѣстили городу, что таинство совершилось. Митрополитъ Палладій ввелъ Государя въ алтарь черезъ царскія врата, и тамъ Онъ пріобщился святыхъ Таинъ „по царскому чину" подъ обоими видами.

Съ этой минуты, исключительной и высоко торжественной для Государя, Онъ почувствовалъ себя подлиннымъ помазанникомъ Божіимъ; чинъ коронованія, такой чудный и непонятный для большинства русской интеллигенціи, былъ для Него полонъ глубокаго смысла. Съ дѣтства обрученный Россіи, Онъ въ этотъ день какъ бы повѣнчался съ ней.

Послѣдующія празднества — на тринадцатый день коронаціонныхъ торжествъ, 18 мая — омрачены были катастрофой на Ходынскомъ полѣ. На этомъ обширномъ пространствѣ, служившемъ для парадовъ и ученія войскъ, собралась толпа свыше полумилліона человѣкъ, съ вечера ждавшая назначенной на утро раздачи подарковъ — кружекъ съ гербами и гостинцевъ. Ночь прошла спокойно; толпа все прибывала и прибывала. Но около 6 ч. утра — по словамъ очевид-

ца — „толпа вскочила вдругъ какъ одинъ человѣкъ и бросилась впередъ съ такой стремительностью, какъ если бы за нею гнался огонь... Задніе ряды напирали на передніе, кто падалъ того топтали, потерявъ способность ощущать, что ходятъ по живымъ еще тѣламъ, какъ по камнямъ или бревнамъ. Катастрофа продолжалась всего 10—15 минутъ. Когда толпа опомнилась, было уже поздно".

Погибшихъ на мѣстѣ и умершихъ въ ближайшіе дни оказалось 1.282 человѣка; раненыхъ — нѣсколько сотъ.

Въ день несчастія былъ назначенъ пріемъ у французскаго посла и Государь (по представленію министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго) не отмѣнилъ своего посѣщенія, чтобы не вызывать политическихъ кривотолковъ. Но на слѣдующее утро Государь и Государыня были на панихидѣ по погибшимъ, и позже еще нѣсколько разъ посѣщали раненыхъ въ больницахъ. Было выдано по 1000 р. на семью погибшихъ или пострадавшихъ, для дѣтей ихъ былъ созданъ особый пріютъ; похороны приняты были на государственный счетъ. Не было сдѣлано какой-либо попытки скрыть или пріуменьшить случившееся — сообщеніе о катастрофѣ появилось въ газетахъ уже на слѣдующій день 19 мая, къ великому удивленію китайскаго посла Ли-Хунъ-Чана, сказавшаго Витте, что такія печальныя вѣсти не то, что публиковать, но и Государю докладывать не слѣдовало!.. Печать оживленно обсуждала причины катастрофы; общественное мнѣніе стало искать ея виновниковъ. Лѣвые органы печати кивали на „общія условія", писали, между прочимъ, что если бы у народа было больше разумныхъ развлеченій, онъ не рвался бы такъ жадно къ „гостинцамъ"... Было назначено слѣдствіе, установившее отсутствіе какой-либо злой воли; указомъ 15 іюля за непредусмотрительность и несогласованность дѣйствій, имѣвшія столь трагическія послѣдствія, былъ уволенъ завѣдывавшій въ тотъ день порядкомъ и. о. московскаго оберъ-полицмейстера, и понесли различныя взысканія нѣкоторые подчиненные ему чины.

Печаль о погибшихъ не могла, однако, остановить теченіе государственной жизни и уже 21 мая, на томъ же Ходынскомъ плацу, дефилировали стройные ряды войскъ. Коронаціонныя торжества закончились 26 мая. Они сопровождались, по традиціи, изданіемъ манифеста со всевозможными льготами — пониженіемъ налоговъ и выкупныхъ платежей, а также прощеніемъ недоимокъ на общую сумму до 100 милл. р., смягченіемъ наказаній, различными пожертвованіями (въ томъ числѣ 300.000 р. на студенческое общежитіе), и рядомъ милостивыхъ Высочайшихъ рескриптовъ, обращенныхъ къ ста-

рѣйшимъ заслуженнымъ духовнымъ и государственнымъ дѣятелямъ — всѣмъ тремъ митрополитамъ, фельдмаршалу І. В. Гурко, ген. Ванновскому и другимъ.

Французскій кабинетъ Мелина-Ганото, стремившійся всячески подчеркнуть свою связь съ Россіей, отпустилъ на день коронаціи русскаго Царя учениковъ всѣхъ школъ; президентъ Феликсъ Форъ и члены правительства явились на торжественное богослуженіе въ русской церкви на улицѣ Дарю. Парижъ былъ украшенъ русскими и французскими флагами. Солдатамъ дали добавочную порцію вина, сложили съ нихъ многія взысканія... Германскій посолъ недовольно писалъ о „культѣ Россіи", „насаждаемомъ сверху" французскимъ правительствомъ.

Въ манифестѣ 26 мая, Государь выразилъ удовлетвореніе по поводу пріема въ Первопрестольной. „Народныя чувства, — говорилось въ немъ — „съ особенной силой выразились въ день народнаго праздника, и послужили Намъ трогательнымъ утѣшеніемъ въ опечалившемъ Насъ, посреди свѣтлыхъ дней, несчастіи, постигшемъ многихъ изъ участниковъ празднества".

На второй день по окончаніи коронаціонныхъ торжествъ, 28 мая, въ Нижнемъ Новгородѣ открылась Всероссійская выставка. Намѣченная еще при Императорѣ Александрѣ III, подготовленная, главнымъ образомъ, министерствомъ финансовъ, эта выставка должна была показать достиженія русскаго хозяйства за послѣднія четырнадцать лѣтъ.

Выставка занимала обширное пространство — около 60 десятинъ — на лѣвомъ берегу Оки, близъ территоріи ежегодной ярмарки. Къ ея началу были готовы еще не всѣ павильоны. На открытіе съѣхалось большинство министровъ и кое-кто изъ коронаціонныхъ гостей (въ томъ числѣ Ли-Хунъ-Чанъ). С. Ю. Витте произнесъ рѣчь, объясняя выборъ Нижняго — „Средоточія нашей внутренней торговли, расположеннаго недалеко отъ Первопрестольной столицы, на главнѣйшей рѣкѣ русскаго государства и на историческомъ пути въ азіатскія страны".

Наша задача — говорилъ министръ финансовъ — наглядно представить Россіи и всему міру итоги того духовнаго и хозяйственнаго роста, котораго достигло нынѣ наше отечество со времени Московской выставки 1882 г... Послѣдніе годы отмѣчены чрезвычайнымъ ростомъ нашего отечества. Передъ лицомъ этой правды, на-

глядно показанной здѣсь, на песчинкѣ обширной русской земли, не можетъ не охватывать патріотическая радость.

Витте въ заключеніе подчеркнулъ „глубокую государственную мудрость" системы промышленнаго протекціонизма.

Плата за входъ на выставку была установлена въ 30 коп., а для фабричныхъ рабочихъ и для учащихся входъ былъ безплатный; имъ кромѣ того предоставлялся даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ до Нижняго и обратно.

Несмотря на тщательную подготовку цѣлаго ряда отдѣловъ, въ частности — Русскаго Сѣвера, или художественнаго отдѣла, которымъ завѣдовалъ художникъ А. Н. Бенуа, — выставка сначала привлекала мало публики — за первыя пять недѣль число посѣтителей въ среднемъ составляло 5.000 человѣкъ въ день; при обширности выставки, она казалась почти пустой, и критики изъ „толстыхъ журналовъ" злорадно писали „посѣтителей сотни, а разсчитывали на тысячи и милліоны"...

Съ другой стороны, выставка производила внушительное впечатлѣніе: „Обойдя витрины отдѣловъ, говорилъ предсѣдатель Нижегородскаго ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовъ, вы невольно убѣждаетесь, что Россія быстрыми шагами идетъ впередъ, что цѣлыя отрасли промышленности у насъ могутъ съ успѣхомъ замѣнить иностранцевъ. Вы чувствуете совершенно невольно приливъ силъ, энергіи, пріобрѣтаете сознаніе, что время даромъ не ушло, не потеряно"...

Но газеты, и не только лѣвыя, въ одинъ голосъ отмѣчали отсутствіе увеселительной стороны. Такой поклонникъ развитія промышленности, какъ всемірно извѣстный ученый Д. И. Менделѣевъ, писалъ въ „Новомъ Времени" 5 іюля 1896 г., сравнивая Нижегородскую выставку съ происходившей одновременно въ Лондонѣ индійской выставкой, которую онъ называлъ „балаганомъ": „Въ Нижнемъ все взято съ серьезной, даже м. б. черезчуръ серьезной стороны, безъ расчета на средніе вкусы и нравы, чѣмъ объясняется малое число посѣтителей. Смотрѣть нашу выставку значитъ узнавать, учиться, мыслить, а не просто „гулять"... Д. И. Менделѣевъ въ то же время подчеркивалъ, что выставка показала (съ 1882 г.) ростъ желѣзныхъ дорогъ съ 22.500 до 40.000 в., добычи каменнаго угля съ 230 до 500 милліоновъ пудовъ, нефти съ 50 до 350 милл., выплавки чугуна съ 28 до 75 милл., и т. д.

С. Ю. Витте, въ своей рѣчи 16 іюля при открытіи ярмарки (происходившей параллельно съ выставкой), заявилъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ: „Мнѣ предлагали оживить выставку публикой, падкой

до развлеченій, ресторановъ и кафе-шантановъ. Но десять человѣкъ, которые чему-нибудь научились, важнѣе двадцати тысячъ прогуливающихся. О важности многихъ дѣлъ судятъ напрасно по числу голосовъ „за“ и „противъ“, тогда какъ настоящее дѣло дѣлаетъ не масса, а отдѣльныя лица“. Однако, на увеселительную сторону было впослѣдствіи обращено вниманіе: въ Нижнемъ открылись театры, появился балетъ, начали устраиваться народныя увеселенія.

Государь и Государыня пріѣзжали въ Нижній-Новгородъ 17—20 іюля. Въ самый моментъ ихъ пріѣзда на выставку пошелъ сильнѣйшій градъ, выбившій стекла во многихъ отдѣлахъ; люди суевѣрные увидѣли въ этомъ плохое предзнаменованіе. Государь остался доволенъ выставкой, дававшей яркое и наглядное представленіе о производительныхъ силахъ Его страны.

Въ іюлѣ посѣщаемость поднялась уже до 8.000 въ день, а въ августѣ, въ самый разгаръ „сезона“, достигла 15.000.

Съ 4 по 17 августа засѣдалъ въ Нижнемъ такъ называемый торгово-промышленный съѣздъ, вокругъ котораго возгорѣлась борьба между купеческими и промышленными кругами, съ одной стороны, „интеллигенціей“ и сельско-хозяйственными кругами, съ другой.

Нижегородская газета „Волгарь“ выступила (6 іюля) съ необычной по русскимъ условіямъ статьей: „Купечество наиболѣее всѣхъ другихъ сословій сохранило въ себѣ самобытный русскій духъ (стояло въ ней) и національныя чувства нигдѣ не проявляются съ такой силой, увѣренностью и широтою, какъ въ этомъ сословіи. Оно единственно сильное въ наше время и своей зажиточностью. — **„Оно все можетъ“**, заявлялъ нижегородскій органъ, напоминая дворянамъ, что „многія сословія, въ виду измѣнившихся соціальныхъ условій, не могутъ, какъ во время былой старины, проявлять свою силу“...

Эта статья вызвала рѣзкую отповѣдь столичной печати, какъ лѣвой, такъ и правой. На „торгово-промышленномъ“ съѣздѣ, включившемъ въ свой составъ также профессоровъ техническихъ учебныхъ заведеній, представителей ученыхъ и техническихъ обществъ, и просто „лицъ, извѣстныхъ своими трудами на пользу промышленности и торговли“, неожиданно сложилось большинство, отрицательно относившееся не только къ стремленію промышленниковъ добиться усиленія государственной поддержки, но и ко всей протекціонистской политикѣ С. Ю. Витте.

Сначала въ секціи, потомъ въ общемъ собраніи съѣзда, по вопросу о пошлинахъ на сельскохозяйственныя орудія была вынесена

Священное Мvропомазаніе Государя Императора.

Государь Императоръ возлагаетъ Корону
на Государыню Императрицу Александру Θеодоровну.

Нижегородская выставка 1896 г. Общій видъ на павильонъ и паркъ Главнаго Управленія Удѣловъ.

Торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ въ Вѣну 15 Августа 1896 г.

резолюція, требующая пониженія таможеннаго тарифа. Д. И. Менделѣевъ отстаивалъ хотя бы сохраненіе этихъ пошлинъ, при широкомъ развитіи кредита на покупку сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ; но съѣздъ, большинствомъ 140 противъ 63 голосовъ, принялъ резолюцію проф. Ходскаго о желательности сниженія.

Предсѣдатель съѣзда, сенаторъ Д. Ф. Кобеко, въ заключительной рѣчи (17 августа), мотивировалъ это рѣшеніе интересами сельскаго хозяйства: „Уже въ Новороссіи, на Волыни, въ Прибалтійскомъ краѣ надвигается волна иностранной колонизаціи", говорилъ онъ. „Хорошо, чтобы землю вспахивалъ русскій плугъ, но еще важнѣе, чтобы на ней работалъ русскій человѣкъ"... Отвѣчая на доводъ — пусть идутъ въ городъ — Д. Ф. Кобеко продолжалъ: „Земледѣлецъ, помѣщикъ или крестьянинъ, это безразлично — не можетъ разстаться съ легкимъ сердцемъ съ землей, потому что въ этой землѣ сложены кости его предковъ, что эта земля была его колыбелью, что съ владѣніемъ ею связаны лучшія минуты его жизни... Духовная связь съ землей составляетъ великую силу русскаго населенія, которая заслуживаетъ глубокаго уваженія и требуетъ мѣръ охраны и поддержки"...

Торгово-промышленные круги, крайне недовольные оборотомъ дѣла, хотѣли использовать ярмарочный комитетъ въ противовѣсъ рѣшеніямъ съѣзда, но С. Ю. Витте ихъ успокоилъ. С. Т. Морозовъ на банкетѣ при закрытіи ярмарки обратился къ министру финансовъ съ рѣчью: „Съѣздъ, говорилъ онъ, не имѣетъ особаго кредита. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чѣмъ рискнемъ кому-нибудь оказать кредитъ".

С. Ю. Витте подтвердилъ, что его позиція неизмѣнна: „Какое же это было бы правительство, если бы за указаніемъ путей оно обратилось къ съѣзду?.. Десять человѣкъ могутъ сказать умное, а тысячи — неразумное. Первое будетъ принято, второе нѣтъ... Пока съ насъ, извините за выраженіе, дерутъ шкуру, о сложеніи пошлинъ нельзя думать... Можно было бы подумать, что это говорили люди, присланные изъ за границы!". Министръ финансовъ рѣшительно заявилъ, что пониженіе пошлинъ возможно только при одновременной перемѣнѣ таможенной политики во всѣхъ странахъ, — „если бы всѣ народы сказали — зачѣмъ мы душимъ другъ друга?".

Выставка продолжалась еще до 1 октября, но ея посѣщаемость въ сентябрѣ снова упала до 5—6.000. Всего ее посѣтило 991.000 человѣкъ: изъ нихъ 282.000 по безплатнымъ билетамъ — рабочихъ и

учащихся. Эта послѣдняя цифра весьма значительна: Нижегородская выставка несомнѣнно сыграла свою роль въ **самопознаніи Россіи.**

Вскорѣ послѣ посѣщенія Нижегородской выставки, Государь предпринялъ свою первую поѣздку заграницу со времени восшествія на престолъ. Эта поѣздка существенно отличалась отъ всѣхъ предшествуюшихъ. Основнымъ вопросомъ было — посѣщеніе республиканской Франціи.

Со времени всемірной выставки 1867 г., бывшей еще при Наполеонѣ III, Парижъ не принималъ въ своихъ стѣнахъ коронованныхъ гостей. Провозглашеніе республики, совпавшее съ пораженіемъ во франко-прусской войнѣ, внѣшнимъ образомъ изолировало Францію въ тогда еще монархической Европѣ. Именно поэтому французское правительство придавало особенное значеніе пріѣзду Государя. Отказаться посѣтить страну, съ которой Россія уже четыре года была связана союзомъ, хотя еще и тайнымъ, — навѣстить въ то же время тѣхъ, кого Франція считала своими врагами — значило бы рѣзко повернуть руль, порвать со внѣшней политикой Императора Александра III.

Государь, съ первыхъ дней своего царствованія стремившійся прерратить франко-русскій союзъ изъ орудія „реванша" въ орудіе европейскаго замиренія, рѣшилъ обставить свою поѣздку рядомъ условій, смягчавшихъ ея политическій характеръ. Въ частности, Онъ потребовалъ полнаго воздержанія отъ какихъ-либо антигерманскихъ выпадовъ и предварительнаго просмотра Имъ всѣхъ рѣчей, съ которыми къ Нему будутъ обращаться. Французское правительство дало всѣ нужныя завѣренія.

Первый визитъ (15—17 августа) старѣйшему изъ правителей сосѣднихъ державъ, австрійскому императору Францу-Іосифу, былъ краткъ и лишенъ политическаго значенія. При возвращеніи изъ Вѣны въ Кіевъ въ дорогѣ скоропостижно скончался, сопровождавшій Государя, министръ иностранныхъ дѣлъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Преемникъ ему былъ назначенъ только черезъ съ лишкомъ четыре мѣсяца; въ дальнѣйшемъ пути Государя сопровождалъ тов. министра, Н. П. Шишкинъ.

Въ Кіевѣ Государь присутствовалъ при освященіи Владимірскаго собора, наиболѣе замѣчательнаго памятника русскаго церковнаго искусства въ концѣ XIX в., — въ росписи собора участвовали такіе художники, какъ В. Васнецовъ и Нестеровъ, — и при открытіи памятника Императору Николаю I. „Соборъ св. Владиміра — цѣлая

эпоха въ исторіи русской религіозной живописи", писалъ о немъ художественный журналъ „Міръ и Искусство". „Русскіе художники, получившіе высшее художественное образованіе, обыкновенно игнорировали нашу старинную иконопись... Съ появленіемъ Васнецова и Нестерова все перемѣнилось. Эти художники поняли народный духъ религіи, прониклись ею, и благодаря этому создали такія произведенія, которыя близки народу... Оба эти художника отвѣтили на запросы религіознаго чувства и заслуга ихъ никогда не будетъ забыта. Васнецовъ выдвигаетъ пышный, строгій, византійскій характеръ православія, Нестеровъ его блаженную, наивную сторону".

Изъ „матери городовъ русскихъ", Государь прослѣдовалъ въ Бреславль и въ Герлицъ, гдѣ происходили маневры германской арміи. Первая встрѣча съ Вильгельмомъ II послѣ вступленія Государя на престолъ прошла въ дружественныхъ тонахъ; но приходилось „лавировать между Сциллой и Харибдой": надо было, съ одной стороны, успокоить германскія опасенія по поводу поѣздки въ Парижъ, съ другой — не сдѣлать жеста, задѣвающаго чувства французовъ. Государь вышелъ изъ положенія со свойственнымъ Ему тактомъ, предоставивъ говорить Императору Вильгельму, и ограничиваясь, въ своихъ тостахъ, ссылкой на традиціонныя чувства дружбы — одушевлявшія и Его отца.

Вильгельмъ II пытался внушить Государю идею таможеннаго союза Европы противъ Америки; канцлеръ князь Гогенлоэ „позондировалъ" Его чувства насчетъ Англіи, предсказывая, что она можетъ лишиться Индіи. „Императоръ при этомъ засмѣялся, — пишетъ кн. Гогенлоэ, — и спросилъ, почему же Англія станетъ терять Индію? Кто ее возьметъ у нея? Мы не такъ глупы ,чтобы пускаться въ подобное предпріятіе". Въ то же время, Государь указалъ на значеніе Сибирской дороги для Его дальневосточной политики, и замѣтилъ, что когда дорога будетъ готова, придется очевидно потягаться съ японцами. Онъ уже тогда придавалъ большое значеніе усиленному вооруженію Японіи.

Десятидневное пребываніе въ Даніи и двѣ недѣли, проведенныхъ въ шотландскомъ замкѣ Бальмораль, у королевы Викторіи, бабки Императрицы, имѣли характеръ семейныхъ визитовъ. Между тѣмъ Франція лихорадочно готовилась къ встрѣчѣ.

Раймонъ Пуанкарэ, молодой блестящій политикъ (такъ его называлъ „Temps"), произнося рѣчь въ Коммерси, сказалъ: „предстоящій пріѣздъ могущественнаго монарха, миролюбиваго союзника Франціи, будетъ видимымъ увѣнчаніемъ усилій нашей мудрости и нашей на-

стойчивости; онъ покажетъ Европѣ, что Францiя вышла изъ своей долгой изолированности, и что она достойна дружбы и уваженiя".

„Этотъ первый визитъ, такой парадоксальный въ своей новизнѣ, такой естественный по своимъ побужденiямъ, визитъ самаго мощнаго, самаго абсолютнаго монарха на землѣ — самой молодой изъ республикъ", — какъ писалъ въ передовой статьѣ „Temps", — занималъ въ теченiе двухъ мѣсяцевъ французское общество. Къ празднествамъ подготовлялись задолго. Для прiѣзда въ Парижъ на дни торжества давалась скидка въ 75 проц. проѣздной платы; начало школьныхъ занятiй было отсрочено на недѣлю. На всемъ пути слѣдованiя отъ вокзала въ Пасси (куда долженъ былъ прибыть царскiй поѣздъ) до русскаго посольства на улицѣ Гренелль, внаймы сдавались окна, причемъ цѣна доходила до 5.000 фр. за одно окно.

23 сентября (5 октября) Государь, Государыня и Великая Княжна Ольга Николаевна (ей было десять мѣсяцевъ) прибыли въ Шербургъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ президентъ Феликсъ Форъ, — и началась „русская недѣля", закончившаяся 27 сентября шалонскимъ парадомъ.

Парижъ былъ переполненъ. Къ двумъ миллiонамъ его населенiя прибавилось 930.000 прiѣзжихъ. На улицахъ было сплошное народное гулянiе. Все стало русскимъ или псевдо-русскимъ: мыло „Le Tsar", конфекты съ русскимъ гербомъ или флагомъ, посуда съ царскими портретами, игрушки, изобра̀жавшiя русскаго медвѣдя, а также Государя, Государыню и даже Великую Княжну Ольгу; Царя изображали масленичные „прыгающiе чертики", извѣстная игрушка „мужикъ и медвѣдь" превратилась въ Царя и Феликса Фора; модой воспользовалась реклама, и „пилюли Пинкъ" рекомендовались, чтобы сохранить здоровье для дней прiѣзда Царя; а на оборотахъ Его портретовъ, раздававшихся даромъ на улицѣ, печатались объявленiя сапожниковъ и перчаточниковъ. „Подарокъ Царя" — можно было прочесть на магазинахъ готоваго платья, рекламировавшихъ дешевую распродажу костюмовъ... Появился и „франко-русскiй" голландскiй сыръ... Во всемъ этомъ было не мало безвкусицы, но увлеченiе было несомнѣнно искреннимъ.

Это же увлеченiе сказывалось въ потокѣ привѣтственныхъ писемъ и открытокъ въ русское посольство, во всевозможныхъ проектахъ различныхъ газетъ. Такой серьезный органъ, какъ „Журналь де Деба", выступилъ съ предложенiемъ дать имя Ольги дѣвочкамъ, родившимся въ октябрѣ 1896 г., въ честь дочери Царя. Другiе предлагали выкупить дома противъ русской церкви, снести ихъ и создать передъ нею площадь съ цвѣтникомъ. Было и предложенiе — подне-

сти имѣніе русскому послу, барону Моренгейму, много потрудившемуся для пріѣзда Царя... всего не перечесть... Во всякомъ случаѣ безспорно одно: парижское населеніе было охвачено подлиннымъ восторгомъ. Любовь къ зрѣлищамъ соединялась живущими въ массахъ монархическими наклонностями, съ чувствомъ возросшей безопасности, съ надеждами на реваншъ, и только немногіе французы не поддались въ эти дни искреннему увлеченію Государемъ и Россіей. Въ то же время условіе Государя было выполнено: ни въ рѣчахъ, ни въ манифестаціяхъ не сквозило анти-германскихъ нотокъ, если не считать молчаливаго возложенія вѣнковъ у статуи Страсбурга Лигой Патріотовъ, и только каррикатуры иностранныхъ газетъ всячески подчеркивали эту сторону франко-русскихъ отношеній, на всѣ лады склоняя слово „реваншъ".

Въ Парижѣ Государь прослѣдовалъ отъ вокзала въ посольство черезъ шпалеры войскъ, за которыми тѣснилась милліонная толпа, подъ немолчные клики „Да здравствуетъ Царь! Да здравствуетъ Царица!", небывалые со стороны **иностранной** толпы. („Напоминаетъ Москву... Нашъ гимнъ распѣвали французскіе солдаты на улицахъ... его даже игралъ органъ въ Нотръ-Дамъ" съ неудовольствіемъ отмѣчаетъ радикальный обозрѣватель русскаго „толстаго журнала").

Изъ посольства, ставшаго на эти дни императорскимъ дворцомъ, Государь первымъ дѣломъ проѣхалъ въ русскій храмъ на ул. Дарю, а уже оттуда — въ Елисейскій дворецъ, къ президенту.

Французская печать особенно подчеркивала визиты Государя къ предсѣдателямъ обѣихъ Палатъ — Лубэ и Бриссону, обезоруживше даже послѣдняго — стараго радикала и ревностнаго хранителя республиканскихъ традицій. Послѣ пріема дипломатическаго корпуса, у президента Фора былъ банкетъ, на которомъ Государь, упомянувъ о „цѣнныхъ узахъ", въ особенности подчеркивалъ значеніе Парижа, какъ „источника вкуса, таланта, свѣта". — Какъ можно меньше политики! — звучало въ этой рѣчи...

И дѣйствительно, парижскіе дни Государя были заняты не политическими переговорами, а осмотромъ французской столицы. Первый вечеръ въ Большой оперѣ. На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ президентомъ, Императорская чета посѣтила соборъ Нотръ Дамъ, гдѣ ее встрѣтилъ кардиналъ Ришаръ, старинную Sainte Chapelle, гдѣ Государю показывали древнее славянское Евангеліе Анны Ярославны, Пантеонъ, могилу Наполеона въ церкви Инвалидовъ.

За завтракомъ въ посольствѣ собрались представители Бурбоновъ (герц. Омальскій, герц. Шартрскій), Бонапартовъ (принцесса

Матильда, двоюродная сестра Наполеона III) и цвѣтъ французской аристократіи.

Днемъ, подъ звуки „Боже, Царя храни", состоялась въ присутствіи Государя закладка моста Императора Александра III (о чемъ и теперь можно прочесть на мраморной доскѣ на правомъ берегу Сены). Артистъ Мунэ произнесъ при этомъ стихи извѣстнаго поэта Ж.—М. Эредіа... „Пусть будущее навсегда укрѣпитъ за тобою — славное прозваніе твоего предка Петра", говорилось въ нихъ.

Мимо монетнаго двора, гдѣ Государю вручили медаль въ честь Его пребыванія въ столицѣ Франціи, Императорская чета прослѣдовала во Французскую Академію и присутствовала на засѣданіи. Привѣтствуя гостей, предсѣдательствующій, академикъ Легувэ, напомнилъ о пріѣздѣ въ Парижъ Петра Великаго 5 мая 1717 г. (другіе пріѣзды русскихъ монарховъ не были связаны съ „пріятными воспоминаніями": — пріѣздъ Александра I — со взятіемъ Парижа русскими войсками, пріѣздъ Александра II — съ покушеніемъ поляка Березовскаго). „Позвольте, сказалъ Легувэ, заранѣе отпраздновать сегодня двухсотлѣтіе сердечной дружбы между Франціей и Россіей". Прочитаны были также стихи Франсуа Коппэ, обращенные къ „славному сыну великодушнаго Царя Александра Справедливаго".

Всѣ перемѣщенія Государя были извѣстны заранѣе, и всюду Его окружали огромныя толпы. „Это не улицы, это гостиныя!" замѣтилъ Онъ своимъ спутникамъ. Изъ Французской Академіи, высокіе гости направились въ парижскую городскую думу. Площадь передъ нею была сплошь покрыта народомъ: городъ Парижъ чествовалъ русскаго Императора. Второй день закончился спектаклемъ-попурри въ „Комеди Франсезъ"; особенные восторги вызвали стихи Жюля Кларети: „И нынѣ съ Сѣвера нисходитъ къ намъ надежда"...

На третій день Государь и Государыня утромъ осматривали музеи Лувра. По выраженному ими желанію, ихъ провели въ галлерею итальянскихъ примитивовъ, причемъ Императрицѣ особенно понравилось „Увѣнчаніе Богоматери" Фра Анжелико. — „Я здѣсь въ первый разъ, но не въ послѣдній разъ", сказалъ Государь, уходя. Этому пожеланію не суждено было сбыться...

Мимо Севрской мануфактуры, черезъ паркъ Сенъ-Клу, гдѣ били всѣ фонтаны, Императорская чета на полъ дня проѣхала затѣмъ въ Версаль. „Когда Государь вошелъ въ Галлерею Зеркалъ — описывалъ „Temps" — передъ Нимъ открылась поразительная картина: всѣ фонтаны, отъ верхней террасы до Большого Канала, искрились

на солнцѣ, а всѣ площадки, дорожки, все пространство между деревьями было покрыто пестрой толпой народа"...

День закончился представленіемъ въ Салонѣ Геркулеса. Сара Бернаръ декламировала стихи Сюлли Прюдомма — бесѣду версальской нимфы съ тѣнью Людовика XIV, который въ заключеніе говорилъ о Государѣ: „Мнѣ нечему его учить — чтобы поступать правильно, онъ только долженъ слѣдовать примѣру своего отца". Такія постоянныя ссылки на примѣръ Императора Александра III въ устахъ французскихъ республиканцевъ были для Государя особенно „пикантными" при сравненіи съ отношеніемъ русскихъ, даже умѣренно-либеральныхъ, отнюдь не республиканскихъ круговъ, къ политикѣ предшествовавшаго царствованія. Онѣ ярко свидѣтельствовали объ относительности, — о своекорыстіи политическихъ оцѣнокъ...

Послѣдній день пребыванія Государя во Франціи былъ единственнымъ „политическимъ" днемъ. Государь зналъ, что нельзя было побывать въ гостяхъ у союзниковъ, ничѣмъ не отмѣтивъ близости; но свои слова онъ приберегъ на послѣдній день, чтобы избѣжать манифестацій, развитіе которыхъ не всегда поддается предвидѣнію. Покинувъ Парижъ, Онъ отправился на большой парадъ французской арміи подъ Шалономъ. На завтракѣ, въ военной обстановкѣ Шалонскаго лагеря, Государь сказалъ: „Франція можетъ гордиться своей арміей... Наши страны связаны несокрушимой дружбой. Существуетъ также между нашими арміями **глубокое чувство братства по оружію**".

Это было все, — но это было много. Слова эти мгновенно разнеслись по войскамъ; у многихъ офицеровъ — отмѣчали газеты — были слезы на глазахъ. „Мы переживаемъ историческій моментъ", говорили они. Въ тотъ же день Императорская чета со свитой отбыла въ Германію, гдѣ провела три недѣли въ Дармштадтѣ, у родныхъ Государыни.

Во Франціи удовлетвореніе было всеобщимъ. Пріѣздъ Государя „пробилъ ледъ"; Франція „возстановила свой рангъ среди державъ", какъ писали „Нейесте Нахрихтенъ". Она стряхнула съ себя подавленность пораженія, тяготѣвшую на ней двадцать пять лѣтъ, почувствовала себя полноправной великой державой. Пріѣздъ Царя былъ знаменательнымъ этапомъ въ жизни французской республики. Это отразилось въ извѣстной мѣрѣ и на ея внутренней политикѣ. Престижъ умѣреннаго правительства Мелина—Ганото возросъ и укрѣпился; оно продержалось сравнительно долго — 26 мѣсяцевъ — и пало только среди бурь дѣла Дрейфуса, въ 1898 г. Французы были даже склонны, въ извѣстной степени, учиться у русскаго Царя. Га-

зеть обратили вниманіе, что Государь постоянно спрашивалъ „какъ долго вы были министромъ?“ — „какъ давно вы предсѣдателемъ?“. — „Три года, это долго!“, замѣтилъ Онъ Констану. — „Не содержится ли въ этомъ невольное предостереженіе по нашему адресу?“ спрашивалъ „Temps“. „Не были ли бы мы сильнѣе, если бы у насъ было больше устойчивости и послѣдовательности?“.

Въ Россіи крайніе лѣвые круги были возмущены тѣмъ пріемомъ, который „свободная страна“ оказала „деспоту“; это проявлялось косвенно въ краткихъ, полуироническихъ описаніяхъ торжествъ („5 октября началось сердцебіеніе Франціи... Истратили 8 милліоновъ франковъ, выпили 10 милліоновъ литровъ вина“... кратко писалъ „Сѣверный Вѣстникъ“). Либеральные и умѣренные круги были довольны, тогда какъ справа дѣлались тоже нѣкоторыя оговорки.

Французская печать шумно возликовала по поводу инцидента съ „Гражданиномъ“. 7/19 октября министръ внутреннихъ дѣлъ пріостановилъ на мѣсяцъ изданіе еженедѣльника кн. В. П. Мещерскаго за нарушеніе циркуляра „о соблюденіи приличій относительно правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіей сношеніяхъ“. „Temps‘ писалъ, что кн. Мещерскій — противникъ франко-русскаго союза, что по мнѣнію князя этотъ союзъ сулитъ Россіи войну и разореніе ради возвращенія Франціи Эльзаса и Лотарингіи, а также усиливаетъ либеральныя и конституціонныя тенденціи въ русской жизни; его запрещеніе, поэтому, весьма знаменательно.

Инцидентъ, однако, не имѣлъ столь сенсаціоннаго характера: „Гражданинъ“ былъ закрытъ не за принципіальную критику франко-русскаго союза, а за помѣщеніе „сатирическихъ замѣтокъ насчетъ президента Фора“, какъ разъяснилъ кн. Мещерскій, бывшій въ Парижѣ одновременно съ Государемъ. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ предлагалъ вообще „воздерживаться отъ непріязненныхъ сужденій по адресу тѣхъ главъ правительствъ, гостемъ которыхъ будетъ Государь“. Черезъ три недѣли изданіе „Гражданина“ возобновилось, причемъ въ видѣ особой льготы съ него были сложены предшествующія взысканія.

Въ общемъ, однако, несомнѣнно, что несмотря на всѣ попытки смягчить и затушевать факты, главнымъ послѣдствіемъ поѣздки Государя было „всенародное оповѣщеніе о франко-русскомъ союзѣ“, тогда какъ раньше (по словамъ русскаго лѣваго обозрѣвателя) „иные не смѣли надѣяться, другіе боялись вѣрить“.

„Хотя слово союзъ не сказано, хотя его обходили, — тѣмъ не

менѣе онъ все же существуетъ, и мы должны съ этимъ считаться" доносилъ на слѣдующій день послѣ смотра въ Шалонѣ германскій посолъ гр. Мюнстеръ, и ему вторилъ германскій военный аташэ Шварцкоппенъ: „Непосредственной опасности нѣтъ... Но пока Франція и Россія держатся вмѣстѣ такъ, какъ при царскомъ посѣщеніи, мы никоимъ образомъ не можемъ разсчитывать на благожелательное къ намъ отношеніе одного изъ этихъ государствъ".

Когда Государь, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія за границей, возвратился въ Россію, Ему вскорѣ пришлось принять отвѣтственное рѣшеніе по важному, притомъ уже старому вопросу. Многимъ въ 1896 г. начинало казаться, что агонія „больного человѣка" — Оттоманской имперіи — приходитъ къ концу. На Критѣ шло усиленное броженіе, готовилось отдѣленіе острова отъ Турціи, — и въ другихъ частяхъ имперіи происходили снова рѣзни армянскаго населенія, — даже въ Константинополѣ, на глазахъ у правительства и пословъ! Основнымъ новымъ фактомъ положенія было, однако, то, что Англія, такъ долго и упорно защищавшая Турцію, готова была въ ней отчаяться и въ дипломатическихъ разговорахъ ставила открыто вопросъ объ ея раздѣлѣ.

Россія издавна считала Константинополь и проливы одной изъ своихъ цѣлей; со времени войны 1877—78 г. и особенно послѣ разрыва съ Болгаріей она какъ бы „ушла съ Балканъ", но никогда не отказывалась по существу отъ своихъ плановъ. Теперь связь съ Болгаріей была возстановлена; распадъ Турціи допускался даже Англіей. Россіи предоставлялась возможность опредѣлить моментъ этого раздѣла.

Русскій посолъ въ Константинополѣ, Нелидовъ, считалъ данный моментъ для этого подходящимъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и 23 ноября состоялось у Государя совѣщаніе по турецкому вопросу. Начальникъ штаба, ген. Обручевъ, горячо поддерживалъ Нелидова, завѣдующій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Шишкинъ не возражалъ; намѣчалось, что какъ только въ Константинополѣ возникнутъ новые инциденты — а ихъ можно было ждать въ любой день — русскій флотъ войдетъ въ Босфоръ и русскія войска займутъ сѣверную часть пролива. Въ дальнѣйшемъ ожидалось, что султанъ отдастся подъ суверенитетъ Россіи или будетъ низложенъ, и начнутся переговоры съ другими державами о „компенсаціяхъ". Противъ этого проекта возражалъ только Витте. Государь выслушалъ всѣхъ, но оставилъ окончательное рѣшеніе за собой.

Были предприняты нѣкоторые предварительные шаги, пока-

завшіе на возможность перемѣны политики въ турецкомъ вопросѣ: Россія отказалась принять участіе въ международной комиссіи по оттоманскому долгу. Ганото, встревоженный, бесѣдовалъ объ этомъ съ русскимъ посломъ въ Парижѣ. „Взвѣсили-ли вы всѣ трудности?" говорилъ онъ, доказывая, что занятіе Босфора и Константинополя русскими привело бы къ захвату Дарданеллъ англичанами и итальянцами.

Въ итогѣ, Государь **не отдалъ** приказа о занятіи Босфора. Хотя обстановка и была сравнительно благопріятна, оставалось явное несочувствіе Франціи, въ то время не видѣвшей для себя подходящихъ компенсацій, традиціонно заинтересованной Ближнимъ Востокомъ и бывшей крупнымъ кредиторомъ турецкаго правительства; оставалось возможность протеста со стороны Тройственнаго союза. Государь не пожелалъ нанести ударъ, который рикошетомъ могъ привести къ большому европейскому столкновенію. Онъ кромѣ того не желалъ „разбрасываться", Онъ видѣлъ въ будущемъ почти неизбѣжное столкновеніе въ Азіи, и если Константинополь еще не падалъ, какъ зрѣлый плодъ, если эта операція требовала усилій — Онъ предпочиталъ отъ нея воздержаться.

Внутри Россіи, между тѣмъ, начинали организовываться силы, враждебныя государственной власти. Еще въ концѣ 1895 г. возникъ соціалистическій „Союзъ Борьбы за освобожденіе Рабочаго Класса", обращавшій главное вниманіе на пропаганду среди рабочихъ. Это были непримиримые противники существующаго строя, стремившіеся использовать всякое частичное недовольство въ своихъ цѣляхъ, — сторонники не реформъ, а революціи. Въ ихъ числѣ были В. Ульяновъ (Ленинъ), недавно вернувшійся изъ заграницы, куда онъ ѣздилъ для установленія связи съ эмигрантами, Цедербаумъ (Мартовъ), Нахамкесъ (Стекловъ), Крупская, Елизаровъ (мужъ сестры Ульянова) и другіе, впослѣдствіи хорошо извѣстныя лица.

Въ 1896 г., Ульяновъ-Ленинъ, арестованный въ концѣ декабря предшествующаго года за составленіе прокламацій (въ томъ числѣ издѣвательской листовки по поводу рожденія В. К. Ольги Николаевны) сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи. „Брудеръ чувствовалъ себя отлично", писалъ про него Елизаровъ. Свой „невольный досугъ" Ленинъ использовалъ для составленія книги „Развитіе капитализма въ Россіи". Но другіе его сотрудники продолжали дѣйствовать. Именно въ этомъ году они перешли отъ „кружковщины" — „просвѣтительныхъ" кружковъ среди рабочихъ для внушенія имъ своихъ идей — къ дѣйствіямъ въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Поводомъ для этого выступленія послужили забастовки на петербургскихъ текстильныхъ фабрикахъ. Со стороны заводской администраціи были допущены безтактности, возимѣвшія серьезныя послѣдствія. Всѣ фабрики были закрыты — что было естественно — на три дня коронаціонныхъ торжествъ (14—16 мая); но платить фабриканты хотѣли только за одинъ день. Въ теченіе недѣли шли переговоры; работы продолжались. 23 мая рабочіе на Россійской бумагопрядильной мануфактурѣ явились въ контору и потребовали уплаты за коронаціонные дни; но хотя это требованіе было выполнено, они предъявили и другія условія, въ томъ числѣ — сокращеніе рабочаго времени — и, не получивъ отвѣта, забастовали. Движеніе тотчасъ же перекинулось на другія мануфактуры, и въ теченіе какой-нибудь недѣли стали всѣ текстильныя предпріятія въ С.-Петербургѣ, подъ общимъ лозунгомъ сокращенія рабочаго дня на $2^1/_2$ часа. (Въ 90-е годы рабочее время было вездѣ — не только въ Россіи — значительно дольше, чѣмъ теперь. Въ С.-Петербургѣ оно достигало 13 часовъ — съ 6 ч. до 8 ч. съ часовымъ перерывомъ; рабочіе требовали $10^1/_2$ часовъ — съ 7 ч. до 7 ч., съ полуторачасовымъ перерывомъ).

Число бастующихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, достигло около 15.000 человѣкъ (сами они утверждали, что ихъ вдвое больше). Почти съ самаго начала дѣятельное участіе въ забастовкѣ принялъ „Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса", издавшій за мѣсяцъ 25 различныхъ листовокъ, которыя распространялись и на другихъ заводахъ, — даже въ Москвѣ. Въ своихъ воззваніяхъ Союзъ сулилъ денежную помощь отъ иностранныхъ рабочихъ. Тактика революціонныхъ круговъ была довольно проста: пользуясь недовольствомъ рабочихъ по конкретнымъ поводамъ, толкать ихъ на предъявленіе возможно болѣе высокихъ требованій, такъ какъ и неудачная забастовка, увеличивая нужду рабочихъ, способствовала росту недовольства въ ихъ средѣ.

С.-Петербургскія забастовки встревожили правительство своимъ быстрымъ развитіемъ и своей организованностью, показывавшей планомѣрное руководство. Градоначальникъ Клейгельсъ не только издалъ воззваніе къ рабочимъ, но ѣздилъ на фабрики и велъ бесѣды съ бастующими. Министръ финансовъ Витте, въ вѣдѣніи котораго была промышленность, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ изъ Нижняго, съ выставки; онъ упрекалъ полицейскія власти въ непринятіи своевременныхъ мѣръ. Но забастовка сама уже шла на убыль, и продержалась дольше только на тѣхъ мануфактурахъ, гдѣ условія труда были лучше, и гдѣ рабочіе обладали болѣе крупными сбереженіями.

„Помощь отъ германскихъ рабочихъ" такъ и не пришла. Все движеніе длилось немного меньше мѣсяца, но правительство сочло необходимымъ опубликовать о немъ подробное сообщеніе.

Петербургскія забастовки показали несомнѣнную опасность. Онѣ проистекали изъ двухъ причинъ: дѣйствительно тяжелыхъ условій фабричнаго труда и революціонной воли организованной соціалистической группы. Власть приступила прежде всего къ борьбѣ съ этой группой; лѣтомъ и осенью произведено было много арестовъ, — свыше тысячи — „у насъ большія эпидеміи" сообщали петербургскіе члены Союза своимъ заграничнымъ товарищамъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Была создана особая комиссія по изученію болѣе глубокихъ причинъ успѣха забастовочнаго движенія, а министръ финансовъ, собравъ представителей текстильной промышленности, обратился къ нимъ — 6 іюля — съ гнѣвной рѣчью: „Вы врядъ ли можете себѣ представить, говорилъ С. Ю. Витте, правительство болѣе благосклонное къ промышленности, чѣмъ настоящее... Но вы ошибаетесь, г.г., если воображаете, что это дѣлается для васъ, для того, чтобы облегчить вамъ наибольшую прибыль; правительство главнымъ образомъ имѣетъ въ виду рабочихъ; этого вы, г.г., кажется не поняли, иначе послѣдняя стачка бы не случилась. Доказательство этому, что стачка пощадила тѣ заводы, которыхъ владѣльцы сумѣли установить отношенія между рабочими и хозяевами приличнѣе и гуманнѣе"... И попытки возражать Витте рѣзко оборвалъ: „То, что вы собираетесь сказать, не ново; я собралъ васъ не чтобы выслушать и научиться, а чтобы сказать вамъ свое мнѣніе".

Врагъ Витте, правый публицистъ Ціонъ, издававшій въ Парижѣ брошюру за брошюрой противъ министра финансовъ, по этому поводу не преминулъ написать: „Во французской республикѣ осудили Жореса и редакторовъ газетъ за призывы къ стачкѣ. А въ самодержавной Россіи министръ своими рѣчами можетъ безнаказанно поощрять рабочихъ къ новой стачкѣ!". Между тѣмъ трудно было обвинять Витте въ пренебреженіи интересами промышленности; онъ, однако, считалъ, что власть должна быть не стороной, а арбитромъ въ этомъ спорѣ, хотя и держался мнѣнія, что **во время** забастовокъ, да еще съ политической „подоплекой", никакія уступки недопустимы съ государственной точки зрѣнія.

Умѣренно-либеральный „Вѣстникъ Европы" писалъ: „Агитаторы выступили на сцену лишь тогда, когда стачки были уже совершившимся фактомъ... Ключъ къ забастовкамъ слѣдуетъ искать въ положеніи рабочихъ" и высказывался за сокращеніе рабочаго времени,

указывая, что оно на петербургскихъ бумагопрядильняхъ „достигаетъ 13 часовъ, т. е. превышаетъ обычный для большинства русскихъ фабрикъ 12-ти часовой рабочій день, продолжительность котораго почти всѣми признается чрезмѣрной“.

„Сѣверный Вѣстникъ“ приводилъ таблицу прибылей бумажныхъ фабрикантовъ — будто бы отъ 16 до 45 проц. въ годъ — не указывая, однако, источника, изъ котораго почерпнуты эти свѣдѣнія.

Революціонные круги воспользовались также и Ходынской катастрофой, какъ поводомъ для своей агитаціи. Казалось бы, полицейская неисправность не связана по существу съ самодержавнымъ строемъ; но тѣмъ не менѣе, когда осенью возобновились занятія въ университетѣ, со стороны лѣвыхъ круговъ была пущена въ ходъ идея демонстраціи на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ полугодовой день катастрофы, 18 ноября.

Въ правительственномъ сообщеніи 5 декабря было указано, что въ студенческой средѣ въ Москвѣ существуетъ нѣкій „союзный совѣтъ“, объединяющій 45 „землячествъ“; этотъ „совѣтъ“, между прочимъ, выражалъ еще во время тулонскихъ празднествъ французскимъ студентамъ „свое негодованіе по поводу раболѣпства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима“. Этотъ „совѣтъ“ былъ арестованъ въ началѣ 1895 г., но возобновилъ свою дѣятельность въ новомъ составѣ, пытаясь осенью этого года начать волненія — по какому угодно поводу. 21 октября союзный совѣтъ принялъ постановленіе, гласящее, что „главной цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ для политической дѣятельности“, что „организованный активный протестъ въ эпоху усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе“, и что необходима борьба „противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія государственной политики“... „Борясь противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закаляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ“.

Выпущено было воззваніе, призывающее къ устройству панихиды по погибшимъ на Ходынкѣ, чтобы выразить „протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ“. Человѣкъ 500 студентовъ двинулось 18 ноября на Ваганьково кладбище; ихъ туда не пропустили, и они прошли по улицамъ города. За отказъ разойтись, участниковъ демонстраціи переписали, и 36, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ, арестовали. Въ

университетѣ послѣ этого три дня происходили сходки; каждый разъ ихъ участники арестовывались. Въ общемъ, было задержано 711 человѣкъ. Изъ нихъ было выдѣлено 49 „зачинщиковъ"; а остальные были исключены на годъ изъ университета (201 — съ правомъ поступленія съ будущаго учебнаго года въ другой университетъ, и 461 — въ тотъ же). Подъ стражей студенты оставались 3—4 дня.

Движеніе не ограничилось Московскимъ университетомъ: „Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — говорилось въ правительственномъ сообщеніи — собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки, но подъ вліяніемъ увѣщаній учебнаго начальства сходки эти расходились, не вызывая необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи".

Отношеніе печати къ этимъ волненіямъ, не вызваннымъ никакими реальными причинами (нельзя считать „непреодолимой потребностью" устройство демонстраціи на Ваганьковскомъ кладбищѣ!), было весьма характерно. „Московскія Вѣдомости" указали, что освѣдомленность правительства объ агитаціи въ студенчествѣ была „на высотѣ", но никакихъ энергичныхъ мѣръ оно принять не сумѣло. „Новое Время", устами А. С. Суворина, замѣчало: „Во всѣхъ этихъ волненіяхъ, давно приготовлявшихся, есть вещи, ясно говорящія о невниманіи взрослыхъ къ явленіямъ жизни или непониманіи ими нѣкоторыхъ вещей... Правительство отнеслось гуманно — какъ къ учащейся молодежи, а не какъ бунтующимъ заговорщикамъ". „С. Петербургскія Вѣдомости", органъ кн. Э. Э. Ухтомскаго, писали „Однѣ репрессивныя „хирургическія" мѣры не могутъ устранить это печальное явленіе" и высказывали предположеніе, что главная причина волненій — въ скукѣ, такъ какъ „въ этомъ громадномъ губернскомъ городѣ жизнь общественная, литературная и даже научная отличается вялостью и безцвѣтностью". Болѣе лѣвые органы по большей части молчали.

Въ пассивномъ сочувствіи значительнаго большинства русскаго образованнаго общества была главная сила студенческихъ волненій. Студенты могли выступать нелѣпо, по ничтожнымъ поводамъ — это не имѣло, въ глазахъ общества, никакого значенія. По своему, интеллигенція была послѣдовательна: студенческіе безпорядки 1896 г. — и въ этомъ ихъ огромное различіе съ забастовками того же года — были чисто политическимъ выступленіемъ, направленнымъ противъ всего существующаго строя, они не вызывались никакими особыми нуждами и тяготами. Это было одно изъ періодическихъ проявленій общаго политическаго недовольства русской интеллигенціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутреннія преобразованія: винная монополія. — Перепись 1897 г. — Денежная реформа. — Споръ о значеніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ. — Законъ 2 іюня 1897 г. о рабочемъ днѣ. — Поѣздка Государя въ Варшаву.

Австро-русское соглашеніе 1897 г. — Визиты германскаго императора и французскаго президента. — Морское строительство. — Государь объ англо-германскихъ переговорахъ.

Нота 12/24 августа 1898 г. о сокращеніи вооруженій. — Отношеніе державъ. — Нота 30 декабря и программа конференціи. — Гаагская конференція 1899 г.; ея итоги и историческое значеніе.

Императоръ Николай II не задавался предвзятой цѣлью перемѣнить сверху до низу строеніе русскаго государства, Онъ не стремился — примѣняя выраженіе „Московскаго Сборника" — быть „архитекторомъ" во что бы то ни стало, и считалъ, что мѣнять стоитъ на **безспорно лучшее.** Но этотъ разумный консерватизмъ никогда не удерживалъ Его отъ тѣхъ преобразованій, которыя представлялись Ему цѣлесообразными или необходимыми по общему ходу государственной жизни.

Онъ продолжалъ реформы, начатыя при Его отцѣ, а также приступилъ къ завершенію нѣкоторыхъ учрежденій, созданныхъ еще при Императорѣ Александрѣ II. Винная монополія съ каждымъ годомъ распространялась на большее число губерній; Судебные Уставы 1864 г.

были введены въ Сибири и въ Архангельской губ. въ 1896 г., а за ближайшіе годы и въ остальныхъ частяхъ имперіи.

Винная монополія, какъ впрочемъ всѣ мѣропріятія русской власти, подвергалась жестокой критикѣ со стороны весьма широкихъ круговъ русскаго общества. Говорили, что правительство „спаиваетъ народъ". Между тѣмъ, монополія не имѣла непосредственнаго отношенія ни къ развитію, ни къ уменьшенію пьянства. И старая „откупная" система, и взиманіе акциза со спиртныхъ напитковъ — система, существовавшая въ Россіи до введенія монополіи — создавали особый классъ людей, заинтересованныхъ въ увеличеніи сбыта крѣпкихъ напитковъ. Государственная монополія продажи водки не пыталась ограничить ея потребленія, но и не занималась искусственнымъ увеличеніемъ спроса путемъ рекламы, торговли въ кредитъ, и т. д. Въ то же время — и въ этомъ была главная цѣль реформы — монополія давала государству болѣе значительный. доходъ, чѣмъ прежнія системы обложенія, — не за счетъ увеличенія пьянства, а путемъ присвоенія себѣ той доли, которая раньше составляла барышъ „посредниковъ". Этотъ косвенный налогъ — существующій во всѣхъ странахъ въ томъ или иномъ видѣ — шелъ полностью въ государственную казну. Конечно, это было нѣкоторымъ стѣсненіемъ сферы частной предпріимчивости — но это стѣсненіе было оправдано не только интересами казны, но также и устраненіемъ наиболѣе безобразныхъ формъ „распивочной" продажи водки, и основанной на нихъ эксплоатаціи потребителей. Въ то же время, государству при этой системѣ было гораздо легче, буде оно этого пожелало бы, провести ограниченіе или даже запрещеніе спиртныхъ напитковъ, чѣмъ при системѣ частной торговли.

28 января 1897 г., была произведена **первая всероссійсская перепись населенія.** Раньше, — еще въ періодъ крѣпостного права, — бывали только весьма несовершенныя „ревизіи" (послѣдняя въ 1858 г.). Оказалось, впрочемъ, что приближенный статистическій учетъ населенія правительственными органами лишь немного отставалъ отъ дѣйствительности: „оффиціально" считали около 120 милліоновъ населенія, оказалось 126,4 милл. (не считая двухъ съ половиной милліоновъ жителей Великаго Княжества Финляндскаго). Перепись дала огромный матеріалъ о вѣроисповѣдномъ и племенномъ составѣ населенія, о его занятіяхъ, о распространеніи грамотности и т. д. Разработка этихъ матеріаловъ растянулась затѣмъ на долгіе годы.

Наружный видъ.

Внутренній видъ.

Владимірскій Соборъ въ Кіевѣ.

Государь Императоръ заграницею.

Императорскій кортежъ у Тріумфальной арки въ Парижѣ.
26 Сентября 1896 г.

Торжественный въѣздъ въ Бальмораль (Шотландія) въ 1896 г.

За введеніемъ казенной монополіи, министръ финансовъ С. Ю Витте приступилъ къ проведенію въ жизнь задолго подготовлявша гося плана **денежной реформы.** Россія уже давно не имѣла устойчивой валюты. Размѣнъ бумажныхъ денегъ на золото и серебро былъ пріостановленъ еще со временъ Крымской кампаніи; курсъ кредитнаго рубля (на золото) снова сильно упалъ во время войны 1877—78 г.г.; онъ подвергался за 80-е годы значительнымъ колебаніямъ, спускаясь до 50 коп. и въ рѣдкіе моменты поднимаясь до 80 коп. за рубль. Россія отвыкла отъ металлическаго обращенія; счетъ велся обычно на кредитные рубли, къ которымъ „приспособилась" и размѣнная монета (мѣдь и неполноцѣнное серебро). Не только золота, но и полноцѣннаго серебра почти не было въ обращеніи. Только таможенныя пошлины исчислялись въ золотыхъ рубляхъ.

Въ концѣ XIX вѣка, при широкомъ развитіи международнаго обмѣна товарами и капиталами, неустойчивая валюта, не имѣвшая точнаго соотношенія съ валютами другихъ странъ, представляла значительныя неудобства. За иностранные товары и капиталы приходилось дороже платить, такъ какъ прибавлялась къ нормальной цѣнѣ еще премія на рискъ. Въ то же время, колебанія курса создавали осложненія и для русскаго вывоза: отъ цѣны кредитнаго рубля на иностранныхъ биржахъ могли зависить прибыльность или убыточность сдѣлокъ по продажѣ русскаго хлѣба и другихъ товаровъ. На этомъ нѣкоторые, болѣе умѣлые, выигрывали; но въ общемъ неустойчивость валюты служила тормазомъ для развитія торговли и промышленности.

Еще при предшественникѣ С. Ю. Витте, А. Н. Вышнеградскомъ, началось накопленіе золотого запаса, предназначеннаго для стабилизаціи рубля. Витте усиленно продолжалъ это накопленіе, используя для этого золото заграничныхъ займовъ.

Чтобы прекратить игру на курсѣ рубля, министерство финансовъ прибѣгло, въ началѣ 1895 г., къ слѣдующему пріему: оно закупило на Берлинской биржѣ предлагавшіеся тамъ на срокъ кредитные рубли (по курсу въ 219 м. за 100 р.), запретило вывозъ кредитныхъ рублей изъ Россіи, указавъ мѣстнымъ банкамъ, что вывозъ кредитокъ въ данный моментъ будетъ сочтенъ участіемъ въ спекуляціи противъ рубля. Берлинскіе биржевики, запродавшіе большое количество рублей, оказались не въ состояніи ихъ добыть „въ натурѣ" и, чтобы избѣжать несостоятельности, они вынуждены были обратиться къ тому же министерству финансовъ за разрѣшеніемъ пріобрѣсти по крайне невыгодной для нихъ цѣнѣ (234 м. за 100 р.) нужное имъ ко-

личество рублей. Считаютъ, что валютная спекуляція потеряла на этомъ свыше 20 милл. рублей, составившихъ прибыль русской казны и увеличившихъ свободную наличность казначейства. Попытки уронить курсъ рубля были радикально пресѣчены этой операціей: послѣ этого министерство финансовъ удержало уже безъ особыхъ усилій курсъ рубля на двухъ третяхъ его золотого паритета.

Но когда 15 марта 1896 г. въ „Новомъ Времени" появилось сообщеніе о предстоящей денежной реформѣ, съ самыхъ разныхъ сторонъ начались протесты. Противъ стабилизаціи рубля на уровнѣ двухъ третей возражали съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни заявляли, что это злостное банкротство, что рубль можно мѣнять на золото только 100 за 100 — хотя за послѣдніе сорокъ лѣтъ вся экономическая жизнь приспособилась къ новому болѣе низкому курсу. Другіе указывали на желательность введенія одновременно золотой и серебряной валюты (биметаллизмъ); третьи утверждали, что реформа все равно обречена на провалъ и только грозитъ величайшими потрясеніями; а нѣкоторые вообще отрицали ея полезность.

Проектъ Министерства финансовъ обсуждался въ пяти засѣданіяхъ И. Вольно-Экономическаго общества (въ мартѣ и апрѣлѣ 1896 г.); о немъ было написано немало статей въ газетахъ и журналахъ, причемъ критика явно преобладала надъ одобреніемъ. Нашлись поклонники кредитнаго рубля, какъ С. Ф. Шараповъ, доказывавшій, что русское хозяйство съ нимъ освоилось; что онъ служитъ дополнительной охраной русскаго производства, удорожая иностранные товары; и что онъ содѣйствуетъ русскому экспорту хлѣба, внося въ него элементъ азарта: „Въ мой торговый расчетъ — говорили С. Ф. Шарапову хлѣбные торговцы Калашниковской биржи — входитъ элементъ такой: авось молъ выиграю! И благодаря этому я торгую. Это очень дурно можетъ быть, но это фактъ".

Другіе, признавая золотую валюту за благо, утверждали, что она въ Россіи не можетъ удержаться. Страна слишкомъ бѣдна, все золото изъ нея уйдетъ заграницу, говорили одни. Русское населеніе припрячетъ все золото въ кубышки, оно исчезнетъ изъ оборота и Государственный банкъ долженъ будетъ вскорѣ прекратить размѣнъ, заявляли другіе.

Тѣ же доводы, которые въ Вольно-Экономическомъ О-вѣ выдвигались со стороны русской интеллигенціи, были повторены противъ реформы и въ Гос. Совѣтѣ. Члены Гос. Совѣта Б. Мансуровъ и Д. фонъ Дервизъ въ обстоятельныхъ запискахъ доказывали недопустимость девальваціи по соображеніямъ государственнаго престижа.

На это С. Ю. Витте и другіе представители его вѣдомства отвѣчали обстоятельно по всѣмъ пунктамъ. (Въ Вольно-Экономическомъ О-вѣ реформу защищали г.г. Гурьевъ и Касперовъ). Противъ „моральнаго“ довода о недопустимости девальваціи было легко указать, что рубль упалъ уже давно — сорокъ лѣтъ тому назадъ; что его повышеніе до золотого паритета вызвало бы величайшія затрудненія во всѣхъ отрасляхъ хозяйства: бремя всѣхъ долговъ увеличилось бы въ полтора раза, цѣны бы непомѣрно возросли, и т. д. Кромѣ того — формально законной валютой былъ серебряный рубль, а цѣна на серебро за послѣдніе годы катастрофически упала: серебряный рубль былъ бы не въ полтора раза, а вдвое дешевле стараго золотого рубля.

Что касается опасеній утечки золота заграницу, то они неосновательны, такъ какъ расчетный балансъ Россіи въ общемъ благопріятенъ; а думать, что русскіе граждане могутъ припрятать въ „кубышки“ сотни милліоновъ золотыхъ рублей — значитъ безмѣрно переоцѣнивать зажиточность того самаго населенія, о бѣдственномъ положеніи котораго такъ много говорилось, чтобы доказать неосуществимость той-же реформы.

Въ основныхъ чертахъ реформа сводилась къ слѣдующему: новый золотой рубль, признававшійся основной денежной единицей, приравнивался къ полутора старымъ золотымъ рублямъ. Иными словами, онъ считался равнымъ кредитному рублю, курсъ котораго уже свыше года удерживался какъ разъ на уровнѣ 7 р. 50 коп. за „полуимперіалъ“ *). Въ Гос. банкѣ имѣлся запасъ золота около 1.200 милл. рублей (по новой оцѣнкѣ), а кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было немногимъ болѣе 1.100 милл. Такимъ образомъ возстановленіе свободнаго размѣна не представляло никакихъ затрудненій. (Размѣръ девальваціи рубля — въ полтора раза — былъ, кстати сказать, довольно скромный: при извѣстной реформѣ гр. Канкрина въ 1842 г., справедливо считающейся образцовой, давали 3 р. 50 коп. ассигнаціями за металлическій рубль, а въ наши дни при стабилизаціи франка, проведенной Пуанкарэ въ 1928 г., новый франкъ составлялъ всего одну пятую прежняго).

Если въ чемъ можно было упрекнуть министерство финансовъ, то скорѣе въ избыткѣ осторожности, въ чрезмѣрныхъ затратахъ на накопленіе огромнаго золотого запаса, а также на закупку серебра для чеканки рублей и полтинниковъ. Но полноцѣнная серебряная мо-

*) Старая 5-рублевая монета.

нета считалась психологически необходимой для внѣдренія въ население привычки къ металлическимъ деньгамъ.

Въ апрѣлѣ 1896 г. вопросъ о денежной реформѣ обсуждался въ общемъ собраніи Гос. Совѣта; Витте въ заключеніе своей защитительной рѣчи сказалъ, что лично былъ бы радъ, если бы проектъ провалился: тогда пришлось бы выпустить еще 300—400 милл. кредитныхъ рублей: „Отрезвляться придется лѣтъ черезъ десять, когда наступитъ полное паденіе рубля; но нареканія будутъ обращаться тогда не къ нынѣшнимъ финансовымъ дѣятелямъ, на долю коихъ достанутся лишь похвалы за оживленіе народной торговли и промышленности". Гос. Совѣтъ отложилъ вопросъ до осени.

Борьба противъ денежной реформы, однако, не прекращалась, и принимала самыя неожиданныя формы: такъ, французскій премьеръ Мелинъ, во время пребыванія Государя въ Парижѣ, пробовалъ внушить Ему мысль о вредности золотой валюты для Россіи. Французскій посолъ гр. Монтебелло вручилъ Государю двѣ обстоятельныя записки по этому вопросу.

Стоитъ отмѣтить, что московскій либеральный органъ „Русскія Вѣдомости" высказался опредѣленно въ пользу реформы, за что подвергся рѣзкимъ нападкамъ чуть не всей остальной печати, обвинявшей „Р. В." въ невѣжествѣ, „неуваженіи къ финансовой наукѣ" и т. д.

Старый врагъ Витте, его непримиримый критикъ справа, И. Ціонъ, выпустилъ въ Парижѣ брошюры „Куда временщикъ Витте ведетъ Россію" и „Витте и его проектъ злостнаго банкротства", называя министра финансовъ „достойнымъ ученикомъ Карла Маркса". Агитація противъ реформы во второй половинѣ 1896 г. еще усилилась, а Государственный Совѣтъ затягивалъ ея разсмотрѣніе.

Но Государь не измѣнилъ своего положительнаго отношенія къ реформѣ. Французскія записки онъ передалъ Витте, сказавъ: „Вотъ я вамъ отдаю записки, которыя мнѣ были поданы; я ихъ не читалъ — можете оставить ихъ у себя!". И 2 января 1897 г. было созвано особое засѣданіе финансоваго Комитета подъ предсѣдательствомъ самого Государя. На немъ было постановлено приступить къ осуществленію реформы; и указомъ 3 января было предписано начать чеканку новой золотой монеты, причемъ на имперіалахъ прежнихъ вѣса и пробы означалось бы „15 рублей" вмѣсто 10 р.

Характерно, что этотъ указъ, означавшій „переходъ черезъ Рубиконъ" — признаніе девальваціи по курсу двухъ третей, — былъ напечатанъ въ газетахъ мелкимъ шрифтомъ и не привлекъ къ себѣ

особаго вниманія публики. Денежная реформа вошла въ жизнь незамѣтно; она не вызвала, вопреки мрачнымъ предсказаніямъ ея критиковъ, никакихъ экономическихъ потрясеній. Курсъ былъ устойчивымъ уже года два; спекуляція на рублѣ прекратилась; золото по курсу 1 р. 50 за 1 р. продавалось свободно, и обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото по тому же курсу не явился поэтому замѣтнымъ новшествомъ. Золото за границу не ушло; сколько нибудь значительной доли его въ кубышки не припрятали, и Россія упрочила свое международное финансовое положеніе, безболѣзненно перейдя къ золотой валютѣ, принятой къ тому времени въ большинствѣ великихъ державъ (Японія послѣдовала примѣру Россіи въ мартѣ 1897 г.). Моментъ для реформы былъ выбранъ крайне удачно, послѣ четырехъ урожайныхъ годовъ (1893—96). Весьма возможно, что въ случаѣ новой отсрочки реформа бы вообще не осуществилась, такъ какъ 1897 и 1898 годы были неурожайными, а затѣмъ начали разрастаться внутреннія и внѣшнія осложненія.

Виднѣйшіе иностранные экономисты — нѣмцы Адольфъ Вагнеръ и Лексисъ, англичанинъ Гошенъ, — единодушно признавали своевременность и успѣшность русской валютной реформы. С. Ю. Витте въ своихъ мемуарахъ со своей стороны пишетъ: „Въ сущности, я имѣлъ за себя только одну силу, но силу, которая сильнѣе всѣхъ остальныхъ — это довѣріе Императора, а потому я вновь повторяю, что Россія металлическимъ золотымъ обращеніемъ обязана исключительно Императору Николаю II“.

Дѣйствительно, при той косности, которую въ этомъ вопросѣ проявило русское общественное мнѣніе, при заинтересованныхъ иностранныхъ вліяніяхъ, враждебныхъ стабилизаціи, трудно себѣ представить, чтобы денежная реформа могла быть проведена иначе, какъ по предписанію Императора, который заставилъ смолкнуть споры, опредѣленно высказавъ Свою волю на засѣданіи финансоваго Комитета 2 января 1897 г.

Къ концу 1897 года было рѣшено чеканить новыя золотыя монеты въ 10 р. и 5 р. Онѣ были на треть меньше старыхъ имперіаловъ и полу-имперіаловъ и столичные острословы сначала ихъ называли „матильдоры“ (по супругѣ С. Ю. Витте) и „виттекиндеры“. Но золотая монета быстро пріобрѣла „права гражданства“, къ ней стали привыкать, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ — впервые во времена введенія бумажныхъ денегъ (кромѣ короткой эпохи между девальвацiей 1842 г. и Крымской войной) Россія обладала нормальнымъ золотымъ обращеніемъ.

Толки о денежной реформѣ значительно усилили общій интересъ къ экономическимъ вопросамъ, и судьбы русскаго хозяйства обсуждались весьма оживленно и свободно на столбцахъ повременной печати и въ различныхъ обществахъ. Цензура, довольно строгая въ вопросахъ „чистой политики", мало вмѣшивалась въ обсужденіе экономическихъ проблемъ, и „марксистскія" точки зрѣнія, такъ же какъ и народническія, высказывались довольно свободно. Ленинъ (изъ ссылки) присылалъ свои статьи по земельному вопросу въ „легальные" журналы.

Одна книга, вышедшая въ началѣ 1897 г., вызвала ожесточенную полемику. По иниціативѣ того же Министра Финансовъ, нѣсколько спеціалистовъ по экономическимъ вопросамъ, съ профессорами А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ во главѣ, выпустили обстоятельное изслѣдованіе подъ названіемъ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства". Въ этой книгѣ они приходили къ неожиданнымъ выводамъ: вопреки мнѣнію сельско-хозяйственныхъ круговъ, считавшихъ паденіе цѣнъ на русскій хлѣбъ (особенно рѣзкое въ 1894 г.) катастрофой для деревни, авторы изслѣдованія утверждали, что низкія цѣны на хлѣбъ весьма полезны для огромнаго большинства населенія Россіи.

Они указывали, что большинство крестьянъ либо удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, либо даже вынуждено прикупать. Высокія цѣны поэтому не приносятъ крестьянамъ барыша, а то и прямо убыточны. То же можно сказать и про городъ: естественно, что городской и фабричной части населенія выгодно покупать хлѣбъ какъ можно дешевле. Только 9 проц. крестьянъ, по исчисленію авторовъ „Вліянія урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ", имѣютъ избытки для продажи; только для нихъ, а также для крупныхъ землевладѣльцевъ, выгодны высокія цѣны; но интересы огромнаго большинства страны требуютъ низкихъ цѣнъ.

Эти выводы были сочувственно встрѣчены министромъ финансовъ, и положены имъ въ основу всеподданнѣйшихъ докладовъ о государственной росписи на 1895-й и 1896-й г.г. Но въ печати эта книга вызвала многочисленные протесты. Оспаривались какъ выводы, такъ и данныя, по которымъ она была составлена. Въ мартѣ 1897 г. въ Вольно-Экономическомъ О-вѣ состоялись по этому поводу пренія, показавшія, насколько различныя воззрѣнія на русское хозяйство царятъ среди интеллигенціи.

Т. н. „марксисты" — П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскій — выступили съ рѣзкой критикой книги. Они указали, что положитель-

ныя черты, сопутствующія низкимъ цѣнамъ, объясняются — ихъ совпаденіемъ съ урожайными годами. Хорошіе урожаи, конечно, выгодны деревнѣ, но не **благодаря** низкимъ цѣнамъ, а **несмотря** на нихъ. Низкія цѣны на хлѣбъ препятствуютъ развитію сельскаго хозяйства, а отъ нихъ зависятъ въ Россіи и другія отрасли — ремесла, и даже промышленность.

Авторы книги на это возражали съ той же точки зрѣнія, съ которой обычно защищали общину: „Та форма экономическихъ отношеній, при которыхъ человѣкъ потребляетъ то, что производитъ самъ, владѣя землей и орудіями производста, предпочтительнѣе той, когда самостоятельный хозяинъ превращается въ батрака и фабричнаго рабочаго", говоритъ проф. А. И. Чупровъ. „Натуральное хозяйство оказало Россіи великія услуги; оно служитъ причиной того, почему землевладѣльческій кризисъ, охватившій всю Европу, нами переносится сравнительно легче. У насъ есть огромное количество хозяйствъ, стоящихъ внѣ вліянія низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. И кто знаетъ, не должны ли мы въ современныхъ тяжкихъ условіяхъ въ нѣкоторой степени благословлять судьбу за сохраненіе у насъ натуральнаго хозяйства".

Противники возразили ему весьма рѣзко. „Я считаю, что гимнъ, пропѣтый г. Чупровымъ нашему натуральному хозяйству, почти не заслуживаетъ опроверженія", говорилъ П. Б. Струве. „Эти оптимистическія фразы опровергаются всѣмъ нашимъ экономическимъ убожествомъ, такъ рѣзко обнаружившимся въ голодный годъ, всей нашей культурной и политической отсталостью. Связь этихъ сторонъ нашей жизни съ натуральнымъ хозяйствомъ представляется мнѣ неопровержимой".

Въ этой полемикѣ оказались заодно, въ причудливомъ сочетаніи землевладѣльческіе круги и т. н. „марксисты", противъ „народниковъ", очутившихся въ одномъ лагерѣ съ министерствомъ финансовъ С. Ю. Витте. Не обошлось въ пылу спора между этими группами русской интеллигенціи безъ характерныхъ взаимныхъ обвиненій: вы защищаете интересы помѣщиковъ, вы требуете высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, когда „прогрессивныя партіи на западѣ" стоятъ за низкія цѣны, говорили „народники". Вы опираетесь на авторитетъ министра финансовъ и подбираете нужныя ему цифры, — не оставались въ долгу „марксисты". Единаго мнѣнія по основнымъ вопросамъ русскаго хозяйства въ средѣ интеллигенціи не было, но эта полемика, освѣщавшая спорные пункты съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, иногда

давала правительству полезный матеріалъ для законодательной работы *).

Не менѣе сложнымъ по существу, хотя и менѣе спорнымъ въ интеллигентской средѣ, былъ вопросъ о положеніи рабочихъ. Россіи нужна была промышленность, прежде всего для того, чтобы отстоять свою экономическую самостоятельность, съ которой неразрывно связана въ современныхъ условіяхъ внѣшняя мощь страны. Но сохраненіе натуральнаго хозяйства въ деревнѣ, дѣйствительно освобождавшее отъ вліянія мірового сельско-хозяйственнаго кризиса (и зато усугублявшее разрушительное значеніе неурожаевъ) тормозило развитіе внутренняго рынка и замедляло притокъ рабочихъ въ города. Государство принимало различныя мѣры, чтобы помочь развитію промышленности — оно строило желѣзныя дороги, оно ввело покровительственныя пошлины; но русскихъ капиталовъ было мало, и промышленность только въ послѣднее время — въ концѣ 1880-хъ и въ 1890-хъ годахъ — стала развиваться болѣе быстрымъ темпомъ.

Интеллигентская среда относилась къ промышленности съ большимъ подозрѣніемъ (которое проявилось между прочимъ и на съѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ). „Народники“ доказывали, что развитіе капитализма въ странѣ только ухудшаетъ положеніе народа: наряду съ казной появляется новый „эксплоататоръ“, выжимающій соки изъ народа. Марксисты считали развитіе промышленности явленіемъ „прогрессивнымъ“, но стремились его использовать главнымъ образомъ для созданія изъ рабочихъ „революціоннаго авангарда“, и только умѣренная часть ихъ, какъ П. Б. Струве, считали, что русскому капитализму надо еще дать вырости и окрѣпнуть, раньше чѣмъ вступать съ нимъ въ рѣшительную борьбу.

*) Насколько зыбки и неопредѣленны были у русской интеллигенціи представленія о положеніи деревни, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ имѣлось изслѣдованіе Ф. А. Щербины о крестьянскихъ бюджетахъ. Оно основывалось, между прочимъ, на весьма скудныхъ и устарѣлыхъ данныхъ: обслѣдованіи 283 крестьянскихъ хозяйствъ (изъ нихъ 168 въ Воронежской губ.) произведенномъ около 1880 г.. Щербина приходилъ къ выводу, что доходъ крестьянской семьи отъ 52 р. 47 к. до 58 р. 51 к. **на душу.** Для семьи въ 8 человѣкъ (таково было большинство обслѣдованныхъ хозяйствъ) это составляло **отъ 420 до 500 р. въ годъ.** Цифра, конечно, не очень высокая — но во время преній въ Вольно-Экономическомъ обществѣ многіе ораторы говорили, что крестьянское **хозяйство** имѣетъ доходъ около **55 р.** въ годъ, и никого эта цифра не поразила, хотя **одинъ только хлѣбъ,** потребляемый за годъ крестьянской семьей въ 8 человѣкъ, опредѣлялся въ тѣхъ же преніяхъ въ суммѣ около 150 пудовъ!

Русскіе рабочіе, несомнѣнно, зарабатывали много меньше чѣмъ „пролетаріи" западной Европы, и жили въ болѣе бѣдной обстановкѣ. Съ другой стороны, они по большей части сохраняли связь съ деревней, и потому безработица имъ была менѣе страшна; а меньшему заработку соотвѣтствовала также меньшая производительность (и меньшая интенсивность) труда.

Средняя прибыль русскаго промышленника (въ процентахъ къ обороту) была выше, чѣмъ въ Западной Европѣ; но съ общегосударственной точки зрѣнія эта прибыль была весьма цѣнной, такъ какъ была едва ли не единственнымъ источникомъ (наряду съ притокомъ иностранныхъ капиталовъ) для дальнѣйшаго развитія промышленности. Прибыль фабриканта въ общемъ шла не на какіе либо „кутежи съ шампанскимъ", а на расширеніе производства, столь необходимое для Россіи.

Интеллигенція, весьма мало считавшаяся съ интересами производства, поддерживала, разумѣется, самыя крайнія требованія въ смыслѣ улучшенія положенія рабочихъ; въ этомъ „народники" вполнѣ сходились съ „марксистами". Но государственной власти, сознававшей, что это улучшеніе означаетъ удорожаніе производства, приходилось дѣйствовать крайне осмотрительно и выбирать среднюю линію между интересами рабочихъ и предпринимателей, памятуя прежде всего объ интересахъ всей страны и ея будущаго. Послѣ большихъ забастовокъ 1896 года былъ предпринятъ рядъ анкетъ о положеніи рабочихъ. Особое совѣщаніе пяти министровъ, по изученію собранныхъ новыхъ данныхъ, пришло къ выводу, что рабочіе не находятся въ худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ крестьяне, и что нѣтъ поэтому основанія для принятія чрезвычайныхъ мѣръ, которыя бы вызвали новые государственные расходы. Былъ, однако, изданъ законъ 2 іюня объ ограниченіи рабочаго времени. Этотъ законъ не удовлетворилъ, конечно, лѣвые круги. Былъ установленъ максимальный предѣлъ рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ въ 11½ часовъ, съ тѣмъ, чтобы въ субботу и въ предпраздничные дни работали не болѣе 10 часовъ; тотъ-же 10-ти часовой предѣлъ вводился для работъ, хотя бы отчасти производившихся въ ночное время. Въ другихъ странахъ, съ которыми Россіи приходилось конкуррировать, законодательныя нормы были не болѣе благопріятными для рабочихъ: во Франціи — предѣлъ былъ установленъ въ 12 часовъ; въ Англіи, Германіи, Соед. Штатахъ, Бельгіи вообще не существовало законодательныхъ ограниченій труда взрослыхъ мужчинъ; въ Италіи 12-ти часовой рабочій день былъ введенъ только для женскаго труда.

Норма ниже русской была въ то время только въ Австріи (11 часовъ) и въ Швейцаріи ($10^1/_2$ часовъ). Фактически, рабочій день во многихъ странахъ — напр. въ Англіи — былъ нѣсколько меньше, но это было результатомъ борьбы и соглашеній между рабочими и фабрикантами, а не законодательной мѣрой.

Въ Россіи правительство считало забастовки, т. н. „дѣйствія скопомъ", чрезвычайно нежелательными, опасаясь безпорядковъ и ихъ использованія со стороны революціонныхъ элементовъ. Поэтому оно не желало допускать открытой экономической борьбы фабрикантовъ и рабочихъ, и вмѣшивалось въ нее само путемъ законовъ и при помощи фабричной инспекціи, наблюдавшей за ихъ выполненіемъ. Законъ 2 іюня 1897 г. предусматривалъ также значительное расширеніе кадровъ фабричной инспекціи. Онъ былъ косвеннымъ отвѣтомъ на забастовки 1896 г., показывавшимъ, что правительство, борясь съ нежелательными формами выступленій рабочихъ, въ то же время заботилось о защитѣ ихъ интересовъ.

Въ концѣ лѣта 1897 г. Государь посѣтилъ Варшаву. Этому предшествовало нѣсколько мѣръ, свидѣтельствовавшихъ объ Его желаніи смягчить ту вражду, которая господствовала въ русско-польскихъ отношеніяхъ послѣ возстаній 1830—31 г.г. и 1863 года. Былъ отмѣненъ въ Западномъ Краѣ особый налогъ съ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, введенный послѣ возстанія 1863 г. Былъ разрѣшенъ сборъ на постановку памятника Мицкевичу въ Варшавѣ — (до того времени это имя считалось „крамольнымъ" — великаго польскаго поэта заслонялъ врагъ Россіи, организаторъ польскихъ легіоновъ въ Крымскую войну). Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, на мѣсто занемогшаго графа Шувалова, былъ назначенъ мягкій и обходительный кн. Имеретинскій. Отмѣнено было обязательное посѣщеніе богослуженій для учащихся инославныхъ исповѣданій (мѣра эта относилась, впрочемъ, не только къ Царству Польскому).

Въ польскомъ обществѣ возникли „примиренческія" теченія, получившія отъ своихъ противниковъ презрительную кличку „угодовцевъ". Извѣстную роль тутъ сыгралъ и франко-русскій союзъ — поляки съ давнихъ поръ привыкли „оріентироваться" на Францію. Польскій публицистъ Багницкій выпустилъ брошюру, излагавшую условія, на которыхъ польское общество могло бы примириться съ Россійской имперіей. Онъ писалъ, что поляки готовы удовлетвориться меньшими правами, нежели тѣ, которыми обладаетъ Финляндія: они не требуютъ ни отдѣльнаго войска, ни таможенной границы;

они готовы отказаться отъ притязанiй на Западный край, и ограничиться административной автономiей, введенiемъ выборнаго городского и земскаго самоуправленiя и прекращенiемъ обрусительной политики въ польскихъ губернiяхъ. Правда, эта программа имѣла еще одну сторону: надежду на то, что Россiя возсоединитъ съ Царствомъ Польскимъ австрiйскiя и германскiя польскiя области, — (что вызвало со стороны „народническаго" органа „Русское Богатство" критическое замѣчанiе: „Примиряясь этой цѣной съ поляками, мы прiобрѣтаемъ въ Германiи заклятаго и непримиримаго врага").

Императорская чета прибыла въ Варшаву 19 августа. Мѣстное населенiе встрѣтило Государя такъ, какъ ни одинъ русскiй монархъ не былъ встрѣчаемъ въ Польшѣ. Это было не только оффицiальное торжество, съ флагами, иллюминацiей и шпалерами войскъ: во встрѣчѣ приняло участiе громадное большинство населенiя, во главѣ съ мѣстной аристократiей. „Мы прошли черезъ тяжелую школу, писала влiятельная польская газета, и пришли къ выводу, что можно быть хорошимъ полякомъ, оставаясь лойяльнымъ гражданиномъ русскаго государства... Въ нашемъ энтузiазмѣ нѣтъ никакихъ иллюзiй, никакихъ излишнихъ надеждъ, ни мечтанiй". „Русское Богатство", выражая настроенiя лѣвыхъ круговъ русской интеллигенцiи, отмѣчало „неожиданныя для многихъ варшавскiя празднества".

Государь пробылъ въ Варшавѣ четыре дня; Онъ ласково принималъ представителей польскаго общества, благодарилъ населенiе за выраженныя чувства и въ рескриптѣ на имя кн. Имеретинскаго написалъ: „Мои заботы о благѣ польскаго населенiя — наравнѣ со всѣми вѣрноподданными державы русской въ неразрывномъ государственномъ единенiи". Эти слова показывали, что Государь, смягчая репрессiи, мѣняя тонъ въ отношенiяхъ съ поляками, не хотѣлъ никакихъ перемѣнъ по существу. Какъ Императоръ Александръ III, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, Государь стоялъ за сосредоточенiе власти въ центрѣ, противъ обособленiя отдѣльныхъ частей имперiи. Въ то же время, какъ разъ извѣстное обособленiе, нѣкоторый отказъ отъ централизацiи были въ ту пору для населенiя Польши самыми минимальными условiями примиренiя съ русской государственностью. Возможно, конечно, что уступки въ этомъ отношенiи только оказались бы наклонной плоскостью, ведущей къ полному отдѣленiю Польши? Во всякомъ случаѣ, варшавскiе дни 1897 г. были шагомъ на пути, по которому исторiя въ дальнѣйшемъ не пошла...

Въ первую половину своего царствованiя Императоръ Нико-

лай II, подобно своему отцу, былъ „собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это думали современники. Послѣ смерти кн. Лобанова-Ростовскаго, при его замѣстителѣ Шишкинѣ, какъ и при его дальнѣйшихъ преемникахъ, Государь руководилъ внѣшней политикой Россіи, направляя ее по путямъ, до конца извѣстнымъ только Ему. Личныя сношенія съ правителями другихъ странъ и непосредственные пріемы пословъ, позволяли Ему имѣть **собственное** освѣдомленіе, нерѣдко иное и зачастую болѣе достовѣрное, чѣмъ свѣдѣнія, полученныя обычными путями.

Назначеніе новаго министра иностранныхъ дѣлъ гр. М. Н. Муравьева (русскаго посланника въ Копенгагенѣ), состоявшееся 1 января 1897 г., не внесло ничего новаго во внѣшнюю политику Россіи. Передъ тѣмъ какъ занять свой постъ, гр. М. Н. Муравьевъ побывалъ въ Парижѣ (и на обратномъ пути въ Берлинѣ), чтобы завѣрить Францію въ неизмѣнности русской политики, и Германію — въ ея миролюбіи.

Три главы государствъ пріѣзжали въ 1897 г. въ С.-Петербургъ „отдать визитъ“ Государю: весной Императоръ Францъ-Іосифъ; въ концѣ іюля — Императоръ Вильгельмъ II; черезъ недѣли двѣ послѣ него — президентъ Феликсъ Форъ. Наибольшее политическое значеніе изъ этихъ трехъ посѣщеній получило наименѣе нашумѣвшее изъ нихъ: пріѣздъ австрійскаго императора.

Между Австро-Венгріей и Россіей въ 1897 г. было заключено соглашеніе, на цѣлое десятилѣтіе опредѣлившее ходъ событій на Ближнемъ Востокѣ. Интересы Россіи и Австро-Венгріи на Балканахъ сталкивались не разъ; примирить ихъ было трудно, и австро-русская вражда учитывалась всѣми правительствами, какъ политическая аксіома. Въ конечномъ итогѣ это было, пожалуй, вѣрно; однако, почва для временнаго соглашенія все же нашлась — къ великой тревогѣ государственныхъ дѣятелей Англіи. Убѣдившись въ томъ, что планы захвата Босфора, выдвигавшіеся русскимъ посломъ въ Константинополѣ и военными кругами, могутъ вызвать опасныя осложненія, несмотря на нѣкоторые „авансы“ со стороны Англіи (Ганото прямо говорилъ гр. М. Н. Муравьеву, что это привело бы къ общей европейской войнѣ), Государь рѣшилъ, на болѣе или менѣе долгій срокъ, удовлетвориться сохраненіемъ существующаго положенія, и для этого сговориться съ государствомъ, имѣвшимъ совершенно иныя болѣе отдаленныя цѣли, но одинаково заинтересованномъ въ томъ, чтобы балканскій вопросъ не былъ поставленъ на очередь въ ближайшее время.

Австро-русское сотрудничество сразу же сыграло значительную роль для безболѣзненной ликвидаціи греко-турецкой войны, вспыхнувшей весною 1897 г.: Грецію защитили отъ послѣдствій ея военнаго пораженія, а Критъ былъ принятъ въ завѣдываніе „концертомъ великихъ державъ" при номинальномъ сохраненіи турецкаго суверенитета.

Пріѣздъ Императора Вильгельма былъ обставленъ пышнымъ церемоніаломъ — встрѣча въ Кронштадтѣ, иллюминація въ Петергофѣ, военные смотры въ Красномъ Селѣ, пожалованіе званія адмирала русскаго флота. Во многомъ эта встрѣча была сходной со свиданіемъ въ Бреславлѣ: германскій монархъ, опираясь на добрыя **личныя** отношенія съ Государемъ, еще не оставилъ надежды оказывать на Него политическое вліяніе; а Государь въ отвѣтахъ на горячіе тосты своего гостя, попрежнему проявлялъ осторожную сдержанность.

Въ такой же внѣшней обстановкѣ былъ встрѣченъ черезъ двѣ недѣли и французскій президентъ Феликсъ Форъ. Государь выѣхалъ ему навстрѣчу въ Кронштадтъ; былъ иллюминованъ Петергофскій паркъ; президентъ присутствовалъ на смотрахъ и ученіяхъ въ Красномъ Селѣ. Эта параллельность вызвала даже нѣкоторое неудовольствіе во французскихъ кругахъ, — и въ концѣ визита имъ было дано удовлетвореніе: за прощальнымъ завтракомъ на крейсерѣ „Pothuau", 14/26 августа 1897 г., впервые было заявлено устами Государя и французскаго президента, что франко-русскій союзъ существуетъ. Каждый, при этомъ, вложилъ въ свою рѣчь свой особый оттѣнокъ пониманія цѣлей этого союза, тогда какъ Государь говорилъ о „дружественныхъ и союзныхъ цѣляхъ, полныхъ одинаковой рѣшимостью содѣйствовать, всею своей мощью, поддержанію **мира"**, — въ рѣчи Феликса Фора было сказано, что союзныя націи „руководствуются общими идеалами цивилизаціи, права и справедливости".

Населеніе русской столицы привѣтливо встрѣтило гостей. Петербургскіе обыватели шумно чествовали моряковъ французскаго флота, и кричали „ура" подъ звуки „Марсельезы", причемъ извѣстную роль для интеллигенціи играла также сладость республиканскаго „запрещеннаго плода". Этотъ радушный пріемъ однако не имѣлъ особаго политическаго значенія и либеральный „Вѣстникъ Европы" по этому поводу предостерегалъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій: „Со стороны французскихъ публицистовъ — писалъ онъ — вполнѣ извинительно приписывать нашимъ народнымъ массамъ такія ожиданія и радости, о которыхъ нашъ народъ едва ли имѣетъ точное представленіе. Если у насъ образованные люди проникаются французскими

восторгами до забвенія здраваго смысла — почему французамъ не принимать ихъ за чистую монету?". И либеральный органъ, на этотъ разъ въ согласіи съ политикой правительства, указывалъ, что „союзъ съ Франціей для насъ можетъ быть полезенъ, если только онъ не направленъ спеціально противъ Германіи", и что вообще „франко-русскій союзъ имѣетъ несравненно большее значеніе для Франціи, чѣмъ для насъ".

Хотя Государю не удалось достигнуть примиренія между Франціей и Германіей, все же періодъ 1895—98 г.г., когда постъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ занималъ Ганото, былъ временемъ нѣкотораго смягченія этой старой вражды. Въ Англіи это вызвало большую тревогу. Ея политика „блистательнаго одиночества" основывалась на предпосылкѣ о неустранимости нѣкоторыхъ антагонизмовъ на материкѣ Европы. Между тѣмъ, Австрія и Россія заключили дѣловое соглашеніе; и франко-германская вражда, при содѣйствіи той же Россіи, какъ будто грозила въ свою очередь исчезнуть! На самомъ дѣлѣ до этого было далеко, но „у страха глаза велики". Къ тому же событія на Дальнемъ Востокѣ — занятіе Кіао-Чао, а затѣмъ Портъ-Артура *) — показывали, какъ будто, что державы европейскаго материка, принадлежащія къ обѣимъ коалиціямъ — „тройственной" и „двойственной" — имѣютъ какую то общую колоніальную политику и дѣйствуютъ въ Азіи, не спрашивая согласія Англіи.

Со стороны кабинета Сольсбери—Чемберлэна былъ тогда предпринятъ рядъ маневровѣ, имѣвшихъ цѣлью предотвратить образованіе „концерта европейскихъ материковыхъ державъ". (Объ этихъ манервахъ, происходившихъ за кулисами, широкой публикѣ стало извѣстно только много лѣтъ позднѣе).

Была и другая причина англійской тревоги. Указомь 24 февраля 1898 г. Государь предписалъ отпустить изъ свободной наличности государственнаго казначейства 90 милл. рублей на постройку военныхъ судовъ, „ независимо отъ увеличенія ассигнованій по смѣтѣ морского министерства за 1898—1904 г.". Россія, имѣвшая къ тому времени въ Балтійскомъ морѣ семь броненосцевъ и три бронированныхъ крейсера не старше десяти лѣтъ, приступала къ удвоенію своего военнаго флота **). Почти въ то же время германскій рейхстагъ принялъ новую судостроительную програму на 250 милл. марокъ.

---

*) О дальневосточныхъ событіяхъ см. дальше, гл. V-ю.

**) Черноморскій флотъ, запертый въ проливахъ по Парижскому трактату, не могъ учитываться при исчисленіи морской мощи Россіи въ свободныхъ моряхъ.

Англія, нотою 31 января (12 февраля) предлагавшая Россіи раздѣлъ Китая и Турціи на англійскую и русскую сферы вліянія (и встрѣтившая отказъ), въ концѣ марта предложила Германіи вступить съ ней въ формальный союзъ.

Германское правительство отнеслось, однако, съ недовѣріемъ къ этому предложенію. Считая, что Англія и Россія сговориться никогда не могутъ, оно полагало, что Англіи, все равно, не на кого больше разсчитывать, — развѣ на англофильскіе элементы во Франціи; а если бы Франція склонилась въ сторону Англіи, это бы компенсировалось сближеніемъ Россіи съ Германіей. Не придавая особаго значенія англійскому предложенію, Императоръ Вильгельмъ II рѣшилъ увѣдомить о немъ Государя личнымъ письмомъ и при этомъ попытался добиться отъ Государя какихъ-нибудь обѣщаній за эту „услугу".

„Раньше чѣмъ отвѣчать — писалъ Императоръ Вильгельмъ 30/18 мая — я прямо и откровенно обращаюсь къ тебѣ, мой кузенъ и уважаемый другъ, и увѣдомляю тебя, потому что чувствую — это вопросъ жизни и смерти". Вильгельмъ II указывалъ, что Англія хочетъ заключить договоръ вообще съ Тройственнымъ Союзомъ: „Японія и Америка, съ которыми уже начаты предварительные переговоры, присоединятся къ намъ. Можешь самъ себѣ представить всѣ возможности, которыя зависятъ отъ нашего отказа или нашего согласія.

„Такъ вотъ, старый вѣрный другъ, я тебя спрашиваю: скажи, что ты можешь предложить, и что ты сдѣлаешь, если я откажусь... Твои предложенія должны быть точными, откровенными, и безъ всякой задней мысли... Не безпокойся о своей союзницѣ, она получитъ подобающее мѣсто въ этой комбинаціи, согласно твоему желанію, что бы ты ни предложилъ".

Государь, однако, правильно оцѣнилъ положеніе: если бы Германія хотѣла сговориться съ Англіей, она бы не стала его запрашивать; очевидно, она только желала извлечь какую-нибудь выгоду изъ своего отказа. Государь отвѣтилъ привѣтливо, но съ нерѣдко свойственной Ему тонкой ироніей. Онъ указалъ прежде всего, что Англія еще недавно дѣлала Россіи „весьма соблазнительныя предложенія". „Это доказываетъ, что Англіи тогда была нужна дружба съ нами, чтобы она могла втайнѣ противодѣйствовать росту нашего вліянія на Д. Востокѣ". Слова о присоединеніи Японіи и Америки къ англо-германскому союзу вызываютъ у Государя замѣчаніе: „Какъ тебѣ извѣстно, мы пришли съ Японіей къ соглашенію о Кореѣ, и еще недавно у насъ установились превосходныя отношенія съ Сѣв. Америкой. По

правдѣ сказать, я не вижу, почему бы эта страна вдругъ обратилась противъ своихъ старыхъ друзей, единственно ради прекрасныхъ глазъ Англіи.

„Мнѣ очень трудно, а то и невозможно отвѣтить на твой вопросъ: полезно-ли будетъ для Германіи принять предложенія Англіи? Я не знаю, какая имъ цѣна. Ты долженъ самъ принять рѣшеніе, зная, что лучше, и что необходимо для твоей страны".

Государь оказался правъ: Германія, все равно, не заключила соглашенія съ Англіей, и вскорѣ Вильгельмъ II снова писалъ Государю: „Насколько я могу понять, англичане во что бы то ни стало хотятъ найти на материкѣ армію, которая бы сражалась за ихъ интересы. Думаю, имъ будетъ нелегко найти такую армію, во всякомъ случаѣ, это будетъ **не моя**".

Тою же весной 1898 г. на военное и колоніальное поприще выступила еще одна великая держава, съ еще ничтожной арміей, но уже сильнымъ флотомъ. Разразилась война между Испаніей и Соед. Штатами, которые впервые пріобрѣли въ ней владѣнія за предѣлами сѣверо-американскаго материка.

Въ этой-то обстановкѣ Государемъ было задумано и предпринято Его историческое выступленіе — съ предложеніемъ положить предѣлъ росту вооруженій, ведущему къ войнѣ неслыханныхъ размѣровъ.

Происхожденіе этой ноты до сихъ поръ служитъ предметомъ споровъ. Одни приписываютъ ее вліянію Куропаткина, который какъ разъ въ мартѣ 1898 г. докладывалъ Государю проектъ соглашенія съ Австріей объ отсрочкѣ введенія скорострѣльной артиллеріи въ русской и австрійской арміяхъ; ссылаются на появившуюся въ то время шеститомную книгу Бліоха, доказывавшую невозможность успѣшнаго веденія войнъ при современныхъ условіяхъ; говорили о вліяніи гр. М. Н. Муравьева и даже — Витте, хотя министръ финансовъ никогда не принадлежалъ къ числу „идеологовъ". Вѣрнѣе всего, что эта инициатива принадлежала самому Государю: чтобы высказать ее отъ имени великой державы, нужно было соединеніе смѣлости и простоты, свободныхъ отъ рядовыхъ дипломатическихъ соображеній.

Болѣе четверти вѣка длился въ Европѣ миръ; народы начинали къ нему привыкать; они принимали исключительно долгое затишье между вулканическими изверженіями за окончательное угасаніе вулкана. Но правительства знали, какъ непроченъ этотъ миръ, и вооруженія росли съ каждымъ годомъ. На русскую и на германскую судо-

Золотая валюта въ Россіи.

строительную програму Англія отвѣчала морскимъ бюджетомъ, превышавшимъ бюджеты обѣихъ державъ, только что рѣзко повысившихъ свои кредиты на флотъ. Намѣчавшееся въ ту пору австро-русское соглашеніе объ отсрочкѣ артиллерійскаго перевооруженія было только частностью — однако и оно наталкивалось на большія трудности. Получалось, что долгая отсрочка военныхъ столкновеній только вела къ небывалому накопленію военныхъ силъ и средствъ, — и грядущая война должна была неизбѣжно принять невиданные, фантастическіе размѣры. Въ народахъ это вызывало ощущеніе: значитъ, войны не будетъ. Но правители — конечно, не одинъ Государь — видѣли, что **причины** столкновеній не уменьшаются, что способы мирнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ попрежнему отсутствуютъ. Попытки создать такую международно-политическую систему, которая исключала бы войну, приводили только къ сложнымъ шахматнымъ ходамъ, минамъ и контръ-минамъ, къ перегруппировкамъ и мнимымъ перегруппировкамъ, яркимъ образцомъ которыхъ были англійскія предложенія Россіи, а затѣмъ Германіи — имѣвшія цѣлью разрушить будто бы намѣчавшееся объединеніе европейскихъ материковыхъ державъ. Не миръ сулилъ Европѣ и франко-русскій союзъ, который былъ выгоденъ и Россіи и Франціи главнымъ образомъ **въ случаѣ** новой большой войны.

Провидя опасность великой катастрофы, — какъ ее провидѣли многіе — Государь, какъ по своему положенію, такъ и по своимъ личнымъ свойствамъ, одинъ оказался въ состояніи во весь ростъ поставить передъ міромъ вопросъ о грядущихъ потрясеніяхъ. Нота объ опасностяхъ вооруженнаго мира была не практическимъ политическимъ ходомъ; это былъ вопросъ, обращенный къ государствамъ: вы видите опасность, хотите ли вы приложить усилія, чтобы ее предотвратить? И можете ли вы это сдѣлать?

Если считать, что жизнь народовъ течетъ по своимъ законамъ, настолько же незыблемымъ, настолько же независимымъ отъ человѣка, какъ законы, управляющіе движеніемъ свѣтилъ — такой вопросъ долженъ казаться безплоднымъ и наивнымъ. Но если вѣрить, что не только у людей, но и у государствъ имѣется свобода воли — тогда надо признать, что Императору Николаю II, который первый поставилъ вопросъ о практическихъ мѣрахъ для предотвращенія войнъ и облегченія бремени вооруженій, принадлежитъ историческій починъ въ великомъ дѣлѣ, и что одинъ этотъ починъ даетъ Ему право на безсмертіе.

Мысль о такомъ выступленіи зародилась у Государя, видимо,

въ мартѣ 1898 г.; министръ иностранныхъ дѣлъ гр. М. Н. Муравьевъ составилъ для Него объ этомъ записку, которую затѣмъ критиковалъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Государь, однако, не отказался отъ этой мысли и въ августѣ она приняла окончательную форму.

31 іюля (12 августа) былъ подписанъ миръ между Испаніей и Соед. Штатами. 12/24 августа гр. М. Н. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ пословъ иностранныхъ державъ (французскагѡ посла гр. Монтебелло — на два часа раньше другихъ, чтобы подчеркнуть особое отношеніе къ союзницѣ). Текстъ обращенія къ державамъ былъ уже утвержденъ Государемъ. „Каковъ бы ни былъ исходъ предполагаемой мѣры — писалъ гр. Муравьевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ — уже одно то, что Россія, во всеоружіи своей необоримой мощи, выступила первая на защиту вселенскаго мира, послужитъ залогомъ успокоенія народовъ, осязаемо укажетъ на высокое безкорыстіе, величіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества, и на рубежѣ истекающаго желѣзнаго вѣка запечатлѣетъ Августѣйшимъ Именемъ Вашимъ начало грядущаго столѣтія, которое съ помощью Божіей да окружитъ Россію блескомъ новой мирной славы".

Вотъ текстъ этого историческаго документа:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами вооруженій являются при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.

Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго моего Государя.

Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннымъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира государства сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили они въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы, и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни передъ какими жертвами.

Однако, всѣ эти усилія не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ, отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ растутъ вооруженія каждаго государства, онѣ менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ. Очевиднымъ, поэтому, представляется, что если бы такое положеніе продолжилось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія — таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитированы при Высочайшемъ дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ".

Нота была опубликована въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 16/28 августа и въ тотъ же день была распространена по всему міру.

Отвѣтъ послѣдовалъ очень быстрый — и отрицательный.

Что могъ означать, на языкѣ практической политики, отказъ отъ дальнѣйшихъ вооруженій? Прежде всего **закрѣпленіе существующаго положенія вещей**, такъ какъ вооруженія необходимы главнымъ образомъ для того, чтобы произвести тѣ или иныя **перемѣны**. Иными словами, тѣ, кто не мирился съ существующимъ положеніемъ, должны были высказаться **противъ** ограниченія вооруженій. Это въ откровенной формѣ выразилъ „Вѣстникъ Европы". Особый интересъ ноты, — писалъ русскій либеральный органъ, въ томъ, что она исходитъ отъ союзника Франціи: „Трудно разсчитывать на успѣхъ предложенной конференціи при отсутствіи признаковъ поворота въ политическомъ настроеніи Франціи относительно завоеванныхъ нѣмцами провинцій. Пока эльзасъ-лотарингскій вопросъ не исчезнетъ съ горизонта и не признанъ разрѣшеннымъ разъ навсегда въ пользу Германіи, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о прочномъ и дѣйствительномъ облегченіи непосильныхъ тяготъ вооруженнаго мира".

Между тѣмъ, при первой же вѣсти о русской нотѣ, оффиціозный „Temps" *) недвусмысленно высказался какъ разъ по этому пункту: „Право и справедливость... понесли въ 1871 г. еще и понынѣ неисправленный ущербъ. Пока скандалъ этого правонарушенія неизглаженъ, — потомки людей 1789 г., вѣрные наслѣдники той Революціи, которая стяжала человѣку его права, могутъ подписаться подъ принципами, упомянутыми гр. Муравьёвымъ... только обезпечивъ съ самимъ существованіемъ Франціи, исправленіе прошлаго и выпрямленіе будущаго".

Такъ какъ „исправленіе прошлаго" — иными словами, возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи — было едва ли возможно безъ новой большой войны, — отвѣтъ на русскій вопросъ былъ, такимъ образомъ, отрицательный. Но не одна Франція признала для себя непріемлемымъ предложеніе русскаго Царя, хотя ей и пришлось, по положенію союзницы Россіи, первой „поставить точку на і". Правда, англійская и германская печать встрѣтили ноту сочувственно, и „Times" писалъ, что она „составитъ славу Царя и Его царствованія"; но англійское правительство вообще не проявило склонности принять русскую иниціативу всерьезъ, — а Германія не на шутку встревожилась.

Если во Франціи первой мыслью было — какъ бы насъ не заставили признать Франкфуртскій договоръ, — то въ Германіи задали

*) Передовая статья 30/18 августа 1898 г.

себѣ вопросъ, — не хотятъ ли отъ нея потребовать, ради общаго умиротворенія, какихъ-нибудь уступокъ въ эльзаскомъ вопросѣ? И Бюловъ писалъ германскому послу въ С. Петербургѣ, чтобы онъ заранѣе отвергъ такую возможность.

Необычайное раздраженіе проявилъ Императоръ Вильгельмъ, испещрявшій гнѣвными и насмѣшливыми примѣчаніями всѣ донесенія и записки по этому вопросу. „Все это словоизверженіе порождено горькой нуждой... До сихъ поръ Европа оплачивала русскія вооруженія... Гуманитарный угаръ довелъ до этого невѣроятнаго шага... Тутъ какая то чертовщина", писалъ германскій Императоръ 28/16 августа. Все же на слѣдующій день отъ телеграфировалъ Государю, что Его нота „ярко освѣщаетъ возвышенность и чистоту Его побужденій"... „Однако, добавлялъ Вильгельмъ II, на практикѣ это затруднительно... Можно ли, напримѣръ, представить себѣ монарха, распускающаго полки, освященные вѣками исторіи?".

Такъ какъ въ первый мѣсяцъ положительные отвѣты поступили только отъ Италіи и отъ Австріи, Государь послалъ за границу для переговоровъ гр. М. Н. Муравьева и военнаго министра А. Н. Куропаткина. Государь при этомъ разрѣшилъ имъ давать слѣдующія толкованія ноты 12 августа: имѣется въ виду не **разоруженіе**, а ограниченіе **дальнѣйшихъ** вооруженій; на первой конференціи слѣдуетъ хотя бы **приступить** къ осуществленію этой идеи, не задаваясь цѣлью сразу провести ее полностью.

Когда русскіе министры пріѣхали въ Парижъ, тамъ какъ разъ выдвигался на первый планъ конфликтъ съ Англіей изъ-за Фашоды: англичане, только что на голову разбившіе подъ Омдурманомъ армію махдистовъ, заявляли претензіи на всю долину Нила и грозили удалить силой небольшой французскій отрядъ полковника Маршана, дошедшій до Нила отъ Атлантическаго океана послѣ долгаго пути по неизслѣдованнымъ дебрямъ экваторіальной Африки. Англо-французскія отношенія приняли столь рѣзкій оборотъ, что президентъ Феликсъ Форъ и Делькассэ — новый министръ иностранныхъ дѣлъ, смѣнившій лѣтомъ Ганото — говорили гр. Муравьеву: „нашъ врагъ не Германія, а Англія"...

Первые разговоры между союзными министрами имѣли не очень дружелюбный характеръ: „Правительственное сообщеніе 12 августа произвело на французскую армію тяжелое впечатлѣніе", объяснялъ А. Н. Куропаткину новый французскій военный министръ ген. Шануанъ (въ ту пору — это былъ самый разгаръ дѣла Дрейфуса — военные министры во Франціи смѣнялись весьма часто). „Офицеры

французской арміи опустили головы... Разоруженіе послѣ затраченныхъ въ теченіе 27 лѣтъ огромныхъ усилій и средствъ отнимало у нихъ надежду на возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи... Разстаться съ этой надеждой французы не могутъ еще и потому, что она объединяетъ лучшія силы Франціи независимо отъ принадлежности къ различнымъ политическимъ партіямъ"... „Возникали даже подозрѣнія: не сдѣланъ ли этотъ шагъ русскимъ Государемъ по соглашенію съ Вильгельмомъ?".

Французское правительство проявило нѣкоторое неудовольствіе по поводу того, что его не предупредили заранѣе. А. Н. Куропаткинъ далъ слѣдующее объясненіе: „Дабы великое слово, раздавшееся съ Царскаго трона, было принято всѣми правительствами и народами, какъ безкорыстное желаніе общаго блага, необходимо было невыдѣлять какую либо изъ державъ, и сдѣлать предложеніе объ ограниченіи вооруженій одинаково объективнымъ для всѣхъ". Дѣйствительно, если бы Франція была увѣдомлена заранѣе, то Государю пришлось бы либо отказаться отъ задуманнаго шага, либо предпринять его вопреки французскимъ возраженіямъ, либо, наконецъ, внести въ свое предложеніе такія оговорки, которыя отнимали бы у него его объективное, безкорыстное значеніе.

Въ общемъ, когда выяснилось, что нота 12 августа не имѣла въ виду конкретныхъ политическихъ выводовъ, что это — лишь принципіальная, теоретическая постановка вопроса, французскіе политическіе дѣятели сразу успокоились и согласились принять участіе въ конференціи.

Генералъ Шануанъ скоро настолько освоился съ этой мыслью, что сталъ придумывать конкретныя задачи для международной конференціи: напримѣръ, нейтрализацію судовъ-госпиталей или ограниченіе примѣненія новыхъ взрывчатыхъ веществъ. Конференція, по мнѣнію французскаго военнаго министра, могла бы также заняться... „статистической разработкой вопроса о томъ, какія выгоды для земледѣлія, промышленности и торговли могли бы получиться отъ уменьшенія вооруженій".

Графу М. Н. Муравьеву выпало на долю разъяснять русскую ноту также и германскимъ политическимъ дѣятелямъ. — Французы богаче насъ съ вами, говорилъ онъ гр. Эйленбургу. Вы и мы гораздо скорѣе дойдемъ до предѣла. — „Ложь! помѣтилъ въ докладѣ объ этомъ разговорѣ Вильгельмъ II. „Русскіе уже дошли". Германскій императоръ упорно придерживался версіи о томъ, что нота 12 августа вызвана острымъ недостаткомъ денегъ въ русской казнѣ, тогда какъ

именно въ эти годы (1897—1900) внѣшній долгъ Россіи не возросъ, а даже нѣсколько сократился *).

Послѣ заграничной поѣздки А. Н. Куропаткина и гр. М. Н. Муравьева, можно уже было подвести итоги русской инціативы. Наиболѣе интересны оказались выв   русскаго военнаго министра (въ его докладѣ Государю 23 ноября): „народы отнеслись восторженно, правительства — недовѣрчиво". Съ политической стороны, уменьшеніе вооруженій непріемлемо ни для Франціи, которая „выноситъ бремя легче другихъ, на пріостановку въ виду Эльзаса не пойдетъ", ни для Германіи, которая также „выноситъ легко", и кромѣ того „ ни одна держава не поставлена въ такую тяжелую необходимость отчаянной самообороны: Франція ждетъ минуты для реванша". Австрія и Италія были бы за („Австрія боится всѣхъ и каждаго, сбыточнаго и несбыточнаго", помѣчалъ въ своемъ докладѣ гр. Муравьевъ). Англія пошла бы на ограниченіе вооруженія — кромѣ флота! Малыя государства были бы рады, — если имъ гарантируютъ неприкосновенность.

Военный министръ намѣчалъ, какіе вопросы должны быть разрѣшены раньше, чѣмъ станетъ осуществимымъ общее разоруженіе: оно будетъ возможно 1) когда распадется Австрія; 2) когда мы займемъ Босфоръ; 3) когда Франція получитъ Эльзасъ-Лотарингію, а Германія, въ видѣ компенсаціи, нѣмецкія провинціи Австріи.

Къ этому времени франко-англійскій конфликтъ изъ-за Фашоды уже разрѣшился, но англійское правительство усиленно флиртовало съ Германіей, стремясь создать впечатлѣніе, что въ случаѣ войны оно могло бы расчитывать на германскую поддержку. Чемберлэнъ произнесъ въ Манчестерѣ (3 ноября) рѣзкую анти-французскую рѣчь. Обстановка, казалось бы, благопріятствовала соглашенію материковыхъ державъ. Но германское правительство колебалось между Англіей и Россіей. Оно во всякомъ случаѣ не сумѣло — или не пожелало — использовать англо-французскій конфликтъ для улучшенія отношеній съ Франціей. Делькассэ уступилъ: полковнику Маршану было приказано сдать Фадошу англичанамъ. Русская дипломатія склонялась при этомъ въ пользу примирительной позиціи.

„Если правда, что гр. Муравьевъ посовѣтовалъ Франціи совершить этотъ безумный поступокъ — писалъ Государю изъ Дамаска Вильгельмъ II, — это было крайне необдуманно съ его стороны, т. к. это отступленіе нанесло здѣсь твоимъ amis et alliés смертельный ударъ, отъ котораго ихъ престижъ никогда не оправится".

*) За эти годы погашено внѣшнихъ займовъ на 258 милл. р., выпущено новыхъ (конверсіи) на 158 милл.

Въ этомъ случаѣ Государь, однако, слѣдовалъ принятой линіи — избѣгать осложненій въ Европѣ; а Делькассэ, непримиримый противникъ Германіи, подготовлялъ возможность англо-французскаго „сердечнаго согласія": забыть Фашоду было все-же легче, нежели Седанъ.

Что оставалось дѣлать съ планомъ международной мирной конференціи? Было ясно, что большихъ перемѣнъ отъ нея ждать нельзя. Современный политическій міръ уже далъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ, поставленный Государемъ. Можно было открыто объ этомъ объявить, подчеркнувъ причины неудачи русской инициативы; но это задѣло бы самолюбія дружественныхъ державъ и не способствовало бы цѣлямъ умиротворенія. Одно время предполагалось издать новую ноту, указывающую, что „при наличіи явленій, столь противорѣчащихъ желанію мира", моментъ для конференціи представляется неблагопріятнымъ. Въ первоначальномъ проектѣ этой ноты содержались прямыя обвиненія противъ Англіи. Но затѣмъ было признано, что нельзя дѣлать одну Англію „козломъ отпущенія". Нежелательно также было бы бросить начатое дѣло: недостижимость цѣли отнюдь не представлялась очевидной для широкихъ круговъ населенія всѣхъ странъ, восторженно встрѣтившихъ призывъ къ общему миру; отказъ отъ созыва конференціи неминуемо вызвалъ бы недоумѣнія и кривотолки.

Русское парвительство поэтому въ декабрѣ 1898 года разработало вторую ноту, основанную на опытѣ послѣднихъ мѣсяцевъ и сводившую общія предложенія ноты 12 августа къ нѣсколькимъ конкретнымъ пунктамъ.

„Несмотря на проявившееся стремленіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго умиротворенія, говорилось въ этой нотѣ, политическое положеніе значительно измѣнилось въ послѣднее время. Многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы. Естественно, что при столь неопредѣленномъ порядкѣ вещей, нельзя было не задаться вопросомъ о томъ, считаютъ ли державы настоящую политическую минуту удобной для обсужденія международнымъ путемъ тѣхъ началъ, кои изложены были въ циркулярѣ отъ 12 августа...

„Въ случаѣ, если бы державы признали настоящую минуту благопріятной для созыва конференціи на указанныхъ основаніяхъ, представлялось бы несомнѣнно полезнымъ установить между правитель-

ствами соглашенія относительно программы занятій будущей конференціи.

„Само собою разумѣется, что всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей, какъ и вообще всѣ вопросы, кои не будутъ входить въ принятую кабинетами программу, будутъ подлежать безусловному исключенію изъ предметовъ обсужденія конференціи".

Успокоивъ, такимъ образомъ, опасенія Франціи и Германіи насчетъ возможности постановки политическихъ вопросовъ, русское правительство выдзигало слѣдующую программу:

1) Соглашеніе о сохраненіи на извѣстный срокъ настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности;

2) Запрещеніе вводить новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества;

3) Ограниченіе употребленія разрушительныхъ взрывчатыхъ составовъ и запрещеніе пользоваться метательными снарядами съ воздушныхъ шаровъ;

4) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки (тогда еще только производились съ ними первые опыты);

5) Примѣненіе Женевской конвенціи 1864 г. къ морской войнѣ;

6) Признаніе нейтральности судовъ и шлюпокъ, занимающихся спасеніемъ утопающихъ во время морскихъ боевъ;

7) Пересмотръ декларацій 1874 г. о законахъ и обычаяхъ войны;

8) Принятіе начала примѣненія добрыхъ услугъ посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства: соглашеніе о примѣненіи этихъ средствъ; установленіе единообразной практики въ этомъ отношеніи.

Въ этой нотѣ первоначальная основная идея сокращенія и ограниченія вооруженій уже оставалось только „первымъ пунктомъ" наряду съ другими предложеніями.

Русская программа для мирной конференціи была такимъ образомъ сведена къ нѣсколькимъ положеніямъ, вполнѣ конкретнымъ; черезъ съ лишкомъ тридцать лѣтъ въ Женевѣ на конференціи по разоруженію обсуждались тѣ же вопросы и повторялись „зады" русскихъ предложеній 1898—99 г.г.

Вторая нота была встрѣчена много холоднѣе, чѣмъ первая: одни увидѣли въ ней отступленіе, другіе смѣлѣе выражали свое отри-

цательное отношеніе къ поставленнымъ задачамъ. „Times“, привѣтствовавшій общую идею ноты 12 августа, называлъ программу 30 декабря неосуществимой утопіей. „Temps“ писалъ: „Существенно не отступать отъ обязательной вѣжливости въ отношеніи Россіи и не измѣнять гуманнымъ идеаламъ нашего прошлаго; въ этихъ предѣлахъ мы сохраняемъ всю свободу дѣйствій“.

Этотъ пріемъ вызвалъ у Государя, въ бесѣдѣ съ Куропаткинымъ, возгласъ сожалѣнія о томъ, что Онъ взялъ на себя такой почин. Однако, несмотря на неблагопріятную атмосферу, мирная конференція все-же состоялась. „Міръ былъ уже пораженъ, — писалъ въ своей книгѣ о конференціи Ж. де Лапраделль, — когда могущественный монархъ, глава великой военной державы, объявилъ себя поборникомъ разоруженія и мира въ своихъ посланіяхъ отъ 12/24 августа и 30 декабря. Удивленіе еще возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференція была подготовлена, возникла, открылась“. Мѣстомъ ея созыва была избрана Гаага, столица Голландіи, одной изъ наиболѣе „нейтральныхъ“ странъ (и въ то же время не оффиціально „нейтрализованной“, какъ Швейцарія и Бельгія).

Для того чтобы обезпечить участіе всѣхъ великихъ державъ, пришлось согласиться на то, чтобы не приглашать африканскихъ государствъ (изъ-за обострившагося въ ту пору конфликта Англіи съ бурами), а также римскую курію (изъ-за Италіи). Не были приглашены также государства средней и южной Америки. Въ конференціи приняли участіе всѣ двадцать европейскихъ государствъ (представители Болгаріи — въ составѣ турецкой делегаціи), четыре азіатскихъ (Японія, Китай, Сіамъ и Персія) и два американскихъ (Соединенные Штаты и Мексика).

Гаагская мирная конференція засѣдала съ 18/6 мая по 29/17 іюля 1899 г. подъ предсѣдательствомъ русскаго посла въ Лондонѣ, барона Стааля.

Борьба велась на ней вокругъ двухъ пунктовъ — ограниченія вооруженій и обязательнаго арбитража. По первому вопросу пренія состоялись въ пленарномъ засѣданіи первой комиссіи (23, 26 и 30 іюня).

„Ограниченія военнаго бюджета и вооруженій — главная цѣль конференціи, говорилъ русскій делегатъ баронъ Стааль. Мы не говоримъ объ утопіяхъ, мы не предлагаемъ разоруженія. Мы хотимъ ограниченія, остановки роста вооруженій“. Военный преставитель Россіи, полковникъ Жилинскій, предложилъ 1) обязаться не увеличивать въ теченіе пяти лѣтъ прежняго количества войскъ мирнаго времени,

2) точно установить это число (безъ колоніальныхъ войскъ *), 3) обязаться въ теченіе того же срока не увеличивать военные бюджеты. Капитанъ Шеинъ предложилъ на трехлѣтній срокъ ограничить морскіе бюджеты, а также опубликовать всѣ данныя о флотахъ.

Нѣсколько государствъ (въ томъ числѣ Японія) сразу заявили, что еще не получили инструкцій по этимъ вопросамъ. Непопулярную роль оффиціальнаго оппонента взялъ на себя германскій делегатъ, полковникъ Гроссъ фонъ Шварцгофъ. Онъ иронически возражалъ тѣмъ, кто говорилъ о непосильныхъ тяготахъ вооруженія. „Позволю себѣ разсѣять благожелательныя опасенія, говорилъ онъ, Германскій народъ не изнемогаетъ подъ бременемъ налоговъ; онъ не стоитъ на краю пропасти. Онъ богатѣетъ, уровень его жизни повышается. Всеобщая воинская повинность для нѣмцевъ не бремя, а священный долгъ". Кромѣ того сила армій — не только въ численности. Что касается войскъ въ колоніяхъ, то для нѣкоторыхъ странъ — это значительная величина, для другихъ — ничтожная: получается неравенство. „Я утверждаю, что страна можетъ увеличить свою боевую мощь, не увеличивая численности арміи".

Вопросъ былъ переданъ въ подкомиссію изъ восьми военныхъ (представителей Австро-Венгріи, Англіи, Германіи, Италіи, Россіи, Румыніи, Франціи и Швеціи), которая, за исключеніемъ русскаго делегата Жилинскаго, **единогласно** признала, что 1) трудно даже на пять лѣтъ закрѣпить численность войскъ, не регулируя одновременно другіе элементы національной обороны, 2) не менѣе трудно урегулировать международнымъ соглашеніемъ другіе элементы, разные въ разныхъ странахъ. Поэтому, къ сожалѣнію, русскаго предложенія принять нельзя.

Эту точку зрѣнія раздѣлила и первая комиссія, и общее собраніе конференціи. Французскій делегатъ Леонъ Буржуа, соглашаясь съ техническими доводами германскаго делегата, предложилъ только добавить слѣдующее, чисто платоническое, заявленіе: „Конференція полагаетъ, что ограниченіе военныхъ тяготъ, представляющихъ нынѣ тяжелое бремя для міра, **крайне желательно** для моральнаго и матеріальнаго преуспѣянія человѣчества".

Что касается морскихъ вооруженій, то делегаціи сослались на отсутствіе инструкцій. „Врядъ ли инструкціи придутъ до конца конференціи, замѣтилъ тогда предсѣдатель первой комиссіи ванъ-Карнебеекъ. Поступимъ съ морскими вооруженіями, какъ съ сухопутными".

*) Полковникъ Жилинскій разъяснилъ, что для Россіи къ этой категоріи относятся войска въ Средней Азіи и въ Амурскомъ военномъ округѣ.

Страстные споры возбудилъ еще только вопросъ объ арбитражномъ судѣ. Германская делегація заняла въ этомъ вопросѣ непримиримую позицію. Она стояла на точкѣ зрѣнія, отчетливо формулированной закулиснымъ руководителемъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, совѣтникомъ фонъ Гольштейномъ: „Малыя государства въ качествѣ субъектовъ, мелкіе вопросы въ качествѣ объектовъ арбитражнаго разбирательства можно себѣ представить; большія государства и важные вопросы — никогда. Чѣмъ государство больше, тѣмъ оно болѣе разсматриваетъ себя, какъ самоцѣль, а не какъ средство для достиженія высшихъ, внѣ его лежащихъ цѣлей. Для государства нѣтъ болѣе важной цѣли, нежели защита своихъ интересовъ. Но таковые, для великой державы, не обязательно тождественны съ сохраненіемъ мира; они могутъ состоять въ преодолѣніи врага и конкурента при помощи умѣло составленной болѣе могущественной группировки".

Компромиссъ былъ найденъ путемъ отказа отъ обязательности арбитража (даже въ вопросахъ, не затрагивающихъ чести или жизненныхъ интересовъ отдѣльныхъ странъ). Германская делегація согласилась, въ свою очередь, на учрежденіе постояннаго суда. Вильгельмъ II, впрочемъ, считалъ и это большой уступкой, сдѣланной имъ Государю: „Чтобы онъ не оскандалился передъ Европой, — написалъ германскій императоръ на докладѣ Бюлова объ итогахъ Гаагской конференціи, — я соглашаюсь на эту глупость. Но въ своей практикѣ я и впредь буду полагаться и расчитывать только на Бога и на свой острый мечъ". И... мнѣ на всѣ эти постановленія!". Въ менѣе рѣзкой формѣ то же высказали и государственные дѣятели другихъ странъ.

Правда, изъ той программы, которая была выдвинута въ нотѣ 30 декабря, только первый пунктъ былъ отвергнутъ цѣликомъ. Были приняты деклараціи о запрещеніи 1) разрывныхъ пуль („думъ-думъ"), 2) метанія взрывчатыхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ, 3) употребленія снарядовъ, распространяющихъ удушливые газы. Утверждены были соглашенія о примѣненіи Женевской конвенціи къ морской войнѣ (въ нее входилъ и вопросъ о судахъ-госпиталяхъ), о пересмотрѣ деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны и о мирномъ разрѣшеніи международныхъ споровъ путемъ посредничества и третейскаго разбирательства. Плодомъ этой послѣдней конвенціи, разработанной русскимъ делегатомъ проф. Ф. Ф. Мартенсомъ, явилось учрежденіе дѣйствующаго и понынѣ Гаагскаго международнаго суда. Это, однако, было весьма мало по сравненію съ первоначальнымъ замысломъ Государя.

Русское общественное мнѣніе, въ теченіе всего періода отъ ноты 12 августа до окончанія Гаагской конференціи, проявляло довольно слабый интересъ къ этому вопросу. Преобладало, въ общемъ, сочувственное отношеніе, съ примѣсью скептицизма и нѣкоторой ироніи. Въ кругахъ интеллигенціи были удивлены этимъ шагомъ, рѣзко расходившимся съ ходячими представленіями объ „имперіализмѣ“ и „милитаризмѣ“ русской власти. Старались какъ-нибудь объяснить ноту 12 августа практическими, мелочными соображеніями, говорили объ ея „неискренности“. А къ тому времени, когда конференція собралась — вниманіе русскаго общества было настолько поглощено событіями внутренней политики, что работа въ Гаагѣ не вызывала уже особаго интереса.

Нота 12 августа 1898 г. и Гаагская конференція 1899 г. сыграли, однако, свою роль въ міровой исторіи. Онѣ показали, насколько далеко въ тотъ моментъ было до общаго замиренія, насколько непрочно было международное затишье. Онѣ въ то же время поставили на очередь вопросъ о возможности и желательности международныхъ соглашеній для обезпеченія мира. Отсюда проистекли и всѣ дальнѣйшія попытки, — не только вторая Гаагская конференція 1907 г., но и Женевскія учрежденія. „Идея эта пуститъ ростки“, сказалъ гр. М. Н Муравьевъ, передавая посламъ державъ циркулярную ноту 12 августа. Это предсказаніе, во всякомъ случаѣ, оправдалось.

Тѣ, кто считаетъ войны неизбѣжными, необходимыми, — а то и полезными, — назовутъ быть можетъ эту попытку благородной, но безплодной утопіей, безполезнымъ, если не вреднымъ, начинаніемъ, только порождающимъ обманчивыя иллюзіи; тѣ же, кто вѣритъ въ возможность международнаго мира на основѣ взаимнаго соглашенія всѣхъ странъ, всѣ тѣ, кто затѣмъ привѣтствовалъ идею Лиги Націй и конференцію по разоруженію, не могутъ не признать, что первый починъ въ постановкѣ на очередь этого вопроса безспорно принадлежитъ Императору Николаю II; и этого не могли стереть со страницъ исторіи ни войны, ни революціи нашего времени.

Когда собралась 9 ноября 1921 года Вашингтонская конференція по вопросу о морскихъ вооруженіяхъ, сѣверо-американскiи президентъ Гардингъ въ своей вступительной рѣчи вспомнилъ, кому принадлежалъ первый починъ въ этомъ дѣлѣ. „Предложеніе ограничить вооруженія путемъ соглашенія между державами — не ново, сказалъ американскій президентъ. При этомъ случаѣ быть можетъ умѣстно вспомнить благородныя стремленія, выраженныя 23 года назадъ въ Императорскомъ рескриптѣ Его Величества Императора Всероссій-

скаго". И процитировавъ почти цѣликомъ „ясныя и выразительныя" слова русской ноты 12 августа, президентъ Гардингъ добавилъ: „Съ такимъ сознаніемъ своего долга Его Величество Императоръ Всероссійскій предложилъ созывъ конференціи, которая должна была заняться этой важной проблемой".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Будущее Россіи — въ Азіи". — Идеи кн. Э. Э. Ухтомскаго — „Желтая опасность". — Резолюція Государя отъ 2 апрѣля 1895 г. — Договоры 1896 г. съ Китаемъ (о желѣзной дорогѣ) и съ Японіей (о Кореѣ).

Притязанія Германіи на Кяо-Чао; занятіе этой бухты. — Размолвка Государя съ Вильгельмомъ II. — Занятіе Портъ-Артура. — Договоръ объ арендѣ Ляодунскаго полуострова. — Россія и англо-бурская война.

Бесѣда Государя съ княземъ Бюловымъ въ ноябрѣ 1899 г.

Возстаніе „боксеровъ". — Отправка международнаго отряда въ Китай. — Особая позиція Россіи. — Занятіе Манчжуріи русскими войсками. — Итоги первыхъ лѣтъ азіатской политики. — Отмѣна ссылки въ Сибирь.

Любившій эффектныя краткія формулы германскій императоръ Вильгельмъ II провозгласилъ, что „будущее Германіи — на моряхъ". Императоръ Николай II, если бы онъ не отличался особой нелюбовью къ громкимъ словамъ и театральнымъ жестамъ, могъ бы сказать, въ то же время выражая основную мысль своей политики: „будущее Россіи — въ Азіи".

Много было причинъ, указывавшихъ Россіи этотъ новый (въ сущности, очень старый) путь. Цѣлей, поставленныхъ въ XIX вѣкѣ — балканскихъ, австрійскихъ и турецкихъ — можно было достичь только въ результатѣ огромныхъ общеевропейскихъ войнъ. Притомъ, даже

въ лучшемъ случаѣ, обладаніе проливами открывало для Россіи только возможность участвовать въ новой дальнѣйшей борьбѣ за преобладаніе въ Средиземномъ морѣ, которое въ свою очередь было крѣпко заперто англійскими засовами; а объединеніе западныхъ и южныхъ славянъ вокругъ „старшаго, сѣвернаго брата", этихъ форпостовъ, выдвинутыхъ въ Европу, не давало русскому народу такой несокрушимой, недоступной для внѣшнихъ ударовъ, основы, того неизсякаемаго источника силъ и средствъ, который Россія могла пріобрѣсти, опираясь на преобладаніе въ Азіи.

Другія государства завладѣвали колоніями во всѣхъ концахъ земного шара; для ихъ защиты они создавали себѣ флоты; они вступали другъ съ другомъ въ соревнованіе изъ-за клочковъ земли, расположенныхъ у антиподовъ. Россія, продолжая дѣло первыхъ завоевателей Сибири, создавала себѣ нѣчто много лучшее, нежели колоніи; она сама врастала въ Азію, раздвигая свои предѣлы. Это былъ органическій ростъ, увеличеніе русской территоріи, а не завоеваніе далекихъ чужихъ земель. Этотъ ростъ продолжался и въ послѣднія царствованія: Уссурійскій край съ Владивостокомъ были присоединены къ Россіи только въ 1859-г., южная часть Сахалина — въ 1873 г., средне-азіатскія владѣнія на рубежахъ англійской Индіи — уже въ 1880-хъ годахъ, при Императорѣ Александрѣ III.

Но Азія была не Африкой; тамъ существовали большія государства съ древней, по своему глубокой культурой; и Россія, завладѣвая сѣверной каймою Азіи (широкой въ сущности только по картѣ, изъ-за необитаемыхъ пространствъ сѣверной тайги и тундры) должна была найти свое рѣшеніе для основного вопроса въ Азіи — китайскаго вопроса.

„Недвижный Китай" (который былъ такъ названъ Пушкинымъ въ 1831 г.), съ середины XIX вѣка сотрясался внутренними взрывами. За 50-е, 60-е, 70-е годы гражданская война, не затихая, свирѣпствовала — почти тридцать лѣтъ! — вспыхивая то въ самомъ сердцѣ Китая, въ долинѣ Голубой рѣки (тайпинги), то на крайнемъ западѣ (дунганское возстаніе въ Китайскомъ Туркестанѣ), то на крайнемъ югѣ (въ Юннанѣ, у границъ Индокитая). Европейцы уже начали использовать ослабленіе Небесной имперіи, и въ 1860 г., въ разгаръ гражданской войны, международный отрядъ дошелъ до Пекина и добился открытія 25 портовъ для иностранной торговли; (за эти годы Россія безъ войны присоединила къ себѣ Уссурійскій край).

Манчжурская династія теряла власть и вліяніе; но волею судебъ среди ея представителей нашлась энергичная женщина, вдова импе-

Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ въ честь Австрійскаго Императора Франца Іосифа.

Президентъ Французской республики Феликсъ Форъ въ Петергофѣ.

ратора Сянь-Фына, „желѣзная“ императрица Це-Си, которая въ теченіе двухъ послѣдующихъ царствованій, съ 1861 по 1908-й годъ, была фактической правительницей Китая и возстановила, если не внѣшнюю мощь Небесной имперіи, то по крайней мѣрѣ ея внутреннее единство.

Россія, во время дунганскаго возстанія въ Китайскомъ Туркестанѣ занявшая въ 1871 г. Кульджинскій округъ, чтобы предохранить его отъ разгрома и разоренія, въ 1880 г. вернула его Китаю, оставивъ себѣ „въ награду“ только небольшую часть его. Въ то время, какъ другія державы строили свои расчеты на распадѣ и раздѣлѣ Китая, политика Россіи была въ общемъ направлена на его сохраненіе, и это не только не противорѣчило „большой азіатской программѣ“, а было прямымъ выводомъ изъ нея.

Постройка Сибирской желѣзной дороги, рѣшенная и начатая еще при Императорѣ Александрѣ III, показывала, что планы преобладанія въ Азіи не были чужды и отцу Государя; установленіе прямыхъ сообщеній съ рѣдко населенной окраиной едва ли оправдывало бы, само по себѣ, такія огромныя затраты и усилія; но только при Императорѣ Николаѣ II азіатская „миссія“ Россіи была выдвинута съ полной отчетливостью на первый планъ.

Князь Э. Э. Ухтомскій, спутникъ Государя при Его поѣздкѣ вокругъ Азіи, знатокъ и любитель буддійскаго Востока, собиратель цѣнныхъ коллекцій предметовъ восточнаго искусства, не игралъ, правда, рѣшающей роли въ русской внѣшней политикѣ; но онъ, несомнѣнно, оставался близокъ Государю, которому его мнѣнія были хорошо извѣстны. Идеи, выражавшіяся въ печати кн. Э. Э. Ухтомскимъ, сыграли свою роль въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ.

Кн. Ухтомскій исходилъ изъ представленія о глубокомъ духовномъ сродствѣ Россіи и Азіи. Между Западной Европой и азіатскими народами, говорилъ онъ, лежитъ пропасть; и чѣмъ они ближе соприкасаются, тѣмъ эта пропасть очевиднѣе; только между русскими и азіатами такой пропасти нѣтъ. „Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими мыслителями еще неосознанная до-петровская Русь, съ ея непочатой ширью преданія и неизсякаемой любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью посылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ“.

„Чингисы и Тамерланы, вожди необозримыхъ вооруженныхъ массъ, создатели непобѣдимыхъ царствъ и крѣпкихъ духомъ, ши-

рокодумныхъ правительствъ — писалъ кн. Ухтомскій — все это закаливало и оплодотворяло государственными замыслами долгополую, по китайски консервативную зміемудрую до-петровскую Русь, образовавшую обратное переселенію восточныхъ народовъ теченіе западныхъ элементовъ вглубь Азіи, гдѣ мы — дома, гдѣ жатва давно насъ ждетъ, но не пришли еще желанные жнецы".

... „Иные говорятъ: „Къ чему намъ это? У насъ и такъ земли много". Кн. Ухтомскій на это отвѣчалъ: „Для Всероссійской державы нѣтъ другого исхода, — или стать тѣмъ, чѣмъ она отъ вѣка призвана быть (міровой силой, сочетающей Западъ съ Востокомъ), или безславно и незамѣтно пойти по пути паденія, потому что Европа сама по себѣ насъ въ концѣ концовъ подавитъ внѣшнимъ превосходствомъ своимъ, а не нами пробужденные азіатскіе народы будутъ еще опаснѣе, чѣмъ западные иноплеменники".

Но на Азію былъ и другой взглядъ, имѣвшій не менѣе вліятельныхъ сторонниковъ. Еще въ 1895 г. Императоръ Вильгельмъ II прислалъ Государю свою извѣстную символическую картину, гдѣ изображались народы Европы, съ тревогой смотрящіе на кровавое зарево на Востокѣ, въ лучахъ котораго виднѣется буддійскій идолъ. „Народы Европы, оберегайте свое священное достояніе" — стояло подъ этой картиной. Та же мысль тревожила русскаго философа и мыслителя Вл. С. Соловьева, которому представлялось новое нашествіе монголовъ на Европу, первой жертвой котораго опять должна была стать Россія. (В. С. Соловьевъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Панмонголизмъ" въ ту пору пророчествовалъ: „О Русь, забудь былую славу — Орелъ двуглавый сокрушенъ, — И желтымъ дѣтямъ на забаву — Даны клочки твоихъ знаменъ"...).

Французскому мыслителю графу Гобино, теорія котораго оказала такое вліяніе на развитіе „расовой" идеи въ Германіи, грезилась, наоборотъ, царская Россія, ведущая народы Азіи на приступъ „арійской" Европы...

Но какъ ни смотрѣть на Азію — какъ на грозную опасность или какъ на источникъ русской мощи, основу нашего будущаго — несомнѣнно было одно: Россія должна была быть сильной въ Азіи. Сибирская дорога была для этого необходимымъ условіемъ, но еще недостаточнымъ.

Еще въ 1895 г., когда Россія, вмѣстѣ съ Германіей и Франціей, вмѣшалась въ японо-китайскую борьбу и не дала Японіи утвердиться на материкѣ, Государь начерталъ на докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ (2 апрѣля 1895 г.) „Россіи безусловно необходимъ свободный

въ теченіе круглаго года и открытый портъ. Этотъ портъ долженъ быть на материкѣ (юго-востокъ Кореи) и обязательно связанъ съ нашими прежними владѣніями полосой земли".

Обстановка момента не давала возможности немедленно достигнуть этой цѣли: русскія силы на Д. Востокѣ были недостаточны, приходилось дѣйствовать совмѣстно съ другими державами. „Теперь-то представляется удобный случай разомъ и безъ хлопотъ покончить съ Китаемъ, раздѣливъ его между главными заинтересованными державами", писали въ то время либеральныя „Новости". Но русская политика была сложнѣе.

Россія **не желала** раздѣла Китая. Она стремилась сохранить его въ цѣлости, съ тѣмъ, чтобы утвердить въ немъ свое первенствующее вліяніе. Для этой цѣли, съ 1895 г., съ Симоносекскаго мира, былъ взятъ курсъ дружбы съ Китаемъ.

Во время коронаціонныхъ торжествъ китайская делегація, во главѣ съ Ли-Хунъ-Чаномъ, пользовалась особымъ вниманіемъ. Съ Китаемъ былъ заключенъ договоръ, по которому Россія обѣщала ему свою поддержку, а Китай разрѣшилъ провести Великій Сибирскій путь черезъ Манчжурію, вотчину китайскаго императорскаго дома, (въ то время еще почти не заселенную).

Еще болѣе близкія отношенію установились у Россіи — съ Кореей. Послѣ японо-китайской войны, японцы получили тамъ преобладаніе, и содѣйствовали т. н. „партіи реформъ". Встрѣчая сопротивленіе со стороны двора, особенно королевы, сторонники Японіи 9 октября 1895 г. ворвались во дворецъ, убили королеву и захватили въ плѣнъ короля. Но это вызвало въ странѣ національное движеніе протеста; „партія реформъ" утратила популярность. Достаточно было того, что русскій консулъ вызвалъ двѣсти моряковъ для защиты зданія миссіи въ Сеулѣ, чтобы въ Кореѣ — въ концѣ января 1896 г. — произошелъ рѣзкій поворотъ: король бѣжалъ изъ плѣна, укрылся въ русской миссіи, и оттуда отдалъ приказъ — казнить премьера и другихъ министровъ-японофиловъ — что и было сдѣлано. Считая русскихъ своими защитниками и покровителями, корейскій король былъ готовъ согласиться на всѣ ихъ пожеланія; но Россія не могла въ то время — безъ флота, безъ Сибирской дороги — до конца использовать этотъ случайный успѣхъ. Она пошла на компромиссъ съ Японіей на основѣ признанія независимости Кореи и суверенной власти корейскаго короля; Россія и Японія взаимно обязались держать въ корейскихъ предѣлахъ одинаковое число войскъ (около тысячи

человѣкъ) для охраны своихъ миссій и своихъ торговыхъ интересовъ *).

Ростъ русскаго вліянія на Д. Востокѣ безпокоилъ не только Японію, но и западныя державы. Сибирская дорога, каждый годъ продвигаясь на нѣсколько сотъ верстъ, была выстроена, примѣрно, на треть (около 2.300 в. за Челябинскъ), когда, въ концѣ 1897 г., произошли событія, сильно измѣнившія положеніе.

Когда императоръ Вильгельмъ II гостилъ въ Петергофѣ лѣтомъ 1897 г., онъ поднялъ вопросъ о предоставленіи Германіи стоянки для судовъ и угольной станціи въ Китаѣ, и спросилъ Государя, не возражаетъ ли Онъ противъ того, чтобы для этой цѣли была избрана бухта Кіао-Чао (Циндао), гдѣ русскія суда имѣли право зимовать по соглашенію съ китайскимъ правительствомъ. Согласно записи Бюлова, сопровождавшаго Вильгельма II, Государь отвѣтилъ, что „русскіе заинтересованы въ сохраненіи доступа въ эту бухту, пока они не заручились болѣе сѣвернымъ портомъ... На вопросъ германскаго императора о томъ, не возражаетъ ли Императоръ Николай II противъ того, чтобы германскія суда въ случаѣ надобности, съ разрѣшенія русскихъ властей, заходили въ эту бухту, Государь отвѣтилъ отрицательно".

Осенью того же года два германскихъ миссіонера были убиты китайцами въ провинціи Шандунь, недалеко отъ Кіао-Чао. Германія не замедлила воспользоваться этимъ поводомъ для активнаго выступленія въ Китаѣ. Императоръ Вильгельмъ потребовалъ отправки военныхъ судовъ въ Кіао-Чао; канцлеръ Гогенлоэ посовѣтовалъ раньше запросить Россію. Вильгельмъ II телеграфировалъ непосредственно Государю, спрашивая разрѣшенія послать суда въ Кіао-Чао, чтобы покарать убійцъ двухъ миссіонеровъ, „такъ какъ это единственный пунктъ, откуда можно достать до этихъ мародеровъ".

Государь отвѣтилъ (7 ноября): „Не мнѣ одобрять или осуждать отправку судовъ въ Кіао-Чао. Наши суда только временно пользовались этой бухтой. Опасаюсь, что суровыя кары могутъ только углубить пропасть между китайцами и христіанами".

Смыслъ этой телеграммы былъ ясенъ: Государь не могъ „**разрѣшить**" Германіи посылать свои суда въ портъ суреннаго государства — Китая; и онъ не совѣтовалъ этого дѣлать, чтобы не углублять вражды между бѣлыми и китайцами. Министръ иностранныхъ

*) Соглашеніе въ Сеулѣ 2/14 мая, подтвержденное въ Москвѣ 28 мая (9 іюня) 1896 г.

дѣлъ Муравьевъ, въ дополненіе къ этой телеграммѣ, указалъ, что совѣтовалъ Китаю удовлетворить требованія о наказаніи убійцъ, послѣ чего отправка эскадры станетъ уже излишней.

При помощи „нажима на тексты“, германское правительство истолковало телеграмму Государя — не только какъ разрѣшеніе отправить эскадру въ Кіао-Чао, но за одно — и какъ согласіе устроить тамъ постоянную стоянку для германскихъ судовъ!

Это вызвало первую крупную размолвку между Государемъ и Вильгельмомъ II. Государь былъ возмущенъ превратнымъ истолкованіемъ телеграммы; русское правительство указало, что если ужъ говорить о правахъ на бухту, то Россія имѣетъ на нее „право первой стоянки“; если она имъ сейчасъ не пользуется, это не значитъ, что она уступаетъ его другимъ.

Но Германія рѣшила дѣйствовать — независимо отъ желанія Россіи. „Россія съ Франціей могутъ подстрекнуть Китай на сопротивленіе, и потребуются большія силы и затраты“ доносилъ изъ Лондона германскій посолъ Гатцфельдтъ, — но эта перспектива Германію видимо не смущала. И хотя Китай согласился на всѣ требованія въ инциндентѣ съ убійствомъ миссіонеровъ, германскія суда заняли бухту Кіао-Чао и высадили отрядъ на берѐгу. Это былъ „новый фактъ“ огромнаго значенія. Россія должна была опредѣлить свое отношеніе къ этому факту. Крайнимъ, быть можетъ, наиболѣе послѣдовательнымъ рѣшеніемъ (съ точки зрѣнія русско-китайской дружбы) была бы — война съ Германіей за права Китая. Война съ Германіей означала бы при томъ войну со всѣмъ Тройственнымъ союзомъ, при враждебномъ отношеніи Англіи и Японіи — едва ли и Францію могла прельщать перспектива войны въ **такихъ** условіяхъ. Такая возможность имѣлась въ виду весьма недолго: уже 18/30 ноября, послѣ бесѣды съ русскимъ посломъ Остенъ-Сакеномъ, Бюловъ писалъ: „По моему впечатлѣнію, русскіе не нападутъ на насъ изъ-за Кіао-Чао и не захотятъ съ нами въ данный моментъ ссориться“.

Сторонники китайской дружбы, какъ кн. Ухтомскій, предлагали выжидать и поддерживать Китай въ пассивномъ сопротивленіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, говорили они, когда Сибирская дорога будетъ готова, такая политика принесетъ свои плоды. Той же точки зрѣнія повидимому держался въ то время и министръ финансовъ Витте.

Но такая политика имѣла и оборотную сторону. Время — существенный факторъ въ международной жизни; гдѣ была гарантія, что оно будетъ работать **въ пользу** Россіи? Раздѣлъ Китая могъ далеко подвинуться впередъ за эти годы; манчжурская династія, на

дружбу съ которой дѣлалась ставка, легко могла оказаться свергнутой за эти годы; и Россія въ борьбѣ за китайское наслѣдство оказалась бы гдѣ-то далеко на сѣверѣ, безъ незамерзающей базы для флота. Уравновѣшивалось ли это китайскими симпатіями? Да и существовало-ли, какъ реальная политическая величина, это русско-китайское „сродство душъ"?

Изъ этихъ противорѣчивыхъ тенденцій, вытекло въ итогѣ рѣшеніе: заручиться въ Китаѣ опорнымъ пунктомъ, по возможности не порывая дружбы съ китайскимъ правительствомъ. Даже для защиты Китая отъ дальнѣйшаго раздѣла, такое рѣшеніе представлялось цѣлесообразнымъ.

3/15 декабря 1897 г. русскія военныя суда вошли въ Портъ-Артуръ и Таліенванъ, тѣ самыя гавани на Ляодунскомъ полуостровѣ, которыя были отняты у Японіи два съ половиной года передъ тѣмъ.

Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ послѣ этого велась сложная дипломатическая игра. Германскій императоръ съ большой торжественностью напутствовалъ въ Килѣ своего брата, принца Генриха, отправлявшагося съ эскадрой на Д. Востокъ. Англія неожиданнымъ жестомъ предложила Россіи вступить съ ней въ переговоры о раздѣлѣ Турціи и Китая. Государь, придерживаясь соглашенія съ Австріей насчетъ сохраненія statu quo на Балканахъ, уполномочилъ гр. Муравьева вести переговоры только о Д. Востокѣ, и то, въ особой помѣткѣ, указалъ, что „Нельзя дѣлить существующее независимое государство (Китай) на сферы вліянія" *).

Въ интересной статьѣ китайскаго публициста въ одной пекинской газетѣ отъ конца декабря 1897 г. **) доказывалось, что при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ Россія будетъ владѣть Портъ-Артуромъ и Таліенваномъ, пока Китай не станетъ достаточно силенъ, чтобы защитить ихъ безъ чужой помощи: „При такихъ условіяхъ, я опасаюсь, что никогда не наступитъ день возвращенія ихъ Китаю. Принявъ на себя это тяжелое бремя, Россія, даже если бы пожелала избавиться отъ него, то не могла бы это сдѣлать... Отъ этихъ двухъ бухтъ за Китаемъ останется одно только пустое имя".

Предсказывая мрачное будущее своей странѣ, китайскій публицистъ далѣе писалъ: „Наше положеніе совершенно тождественно съ тѣмъ, когда, при вторженіи разбойниковъ въ домъ, вся семья, сложивъ руки, ждетъ поголовнаго истребленія. Конечно, пассивная ли

*) Это было то самое предложеніе, о которомъ упоминалъ Государь въ своемъ отвѣтѣ императору Вильгельму (см. выше).

**) Статья приведена въ „Вѣстникѣ Европы" за 1898 г., № 3.

смерть отъ рукъ злодѣевъ, или же смерть послѣ взаимной борьбы съ ними, будетъ та же смерть, но смерть неодинаковая... Связанное животное и то борется, а тѣмъ болѣе человѣкъ. Въ настоящее время Китай хуже всякаго животнаго". И въ заключенiе въ этой статьѣ Китаю предлагалось оказать Германiи сопротивленiе: Германiи, а не Россiи, такъ какъ занятiе Портъ-Артура всѣми разсматривалось только какъ отвѣтный шахматный ходъ на десантъ въ Кiао-Чао.

Если бы въ Китаѣ нашлось достаточно энергiи и рѣшимости на борьбу, если бы онъ въ тотъ моментъ не продолжалъ „быть хуже связаннаго животнаго", русскiе друзья Китая, вродѣ кн. Ухтомскаго, могли бы въ этомъ найти опору для своей политики. Но Китай пока оставался мертвымъ тѣломъ; и не безъ помощи крупныхъ „комиссiонныхъ" руководящимъ китайскимъ политикамъ, во главѣ съ Ли-Хунъ-Чаномъ, 15 (27) марта 1898 г. въ Пекинѣ было подписано новое русско-китайское соглашенiе. Въ немъ оффицiально подтверждалась неизмѣнность русско-китайской дружбы, и въ качествѣ новаго ея доказательства, Россiи предоставлялись на 25 лѣтъ въ аренду „порты Артуръ, Талiенванъ, съ соотвѣтствующими территорiею и воднымъ пространствомъ, а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединенiе этихъ портовъ съ великой сибирской магистралью".

„Обусловленное дипломатическимъ актомъ 15 марта мирное занятiе русскою военно-морской силою портовъ и территорiи дружественнаго государства какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что правительство богдыхана вполнѣ вѣрно оцѣнило значенiе состоявшагося между нами соглашенiя", говорилось въ правительственномъ сообщенiи по этому поводу.

Занятiе Ляодунскаго полуострова было сочтено естественнымъ и неизбѣжнымъ не только въ Западной Европѣ, но и въ значительной части русскаго общества. „Нельзя отрицать, — писалъ либеральный „Вѣстникъ Европы" — что моментъ для сдѣланнаго нами шага выбранъ удачно... Прiобрѣтенiе нами Портъ-Артура и Талiенвана не въ чемъ не нарушаетъ установившейся международной практики, а напротивъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ей... Если Россiя удовлетворяетъ свою дѣйствительную потребность въ удобномъ и незамерзающемъ портѣ на берегахъ Тихаго океана, она только исполняетъ свой долгъ великой державы".

Разумѣется, болѣе лѣвыя теченiя, хотя бы „Русское Богатство", (осуждавшее и французскую колонiальную политику въ Индо-Китаѣ), хранили по этому вопросу несочувственное молчанiе.

Протестующiе, хотя и въ осторожной формѣ, голоса раздава-

лись только со стороны „китаефиловъ“. Въ бесѣдѣ съ германскимъ публицистомъ Рорбахомъ, кн. Э. Э. Ухтомскій весною 1898 г. говорилъ: „Я сейчасъ въ оппозиціи нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Я противъ занятія Портъ-Артура. Я осуждалъ занятіе нѣмцами Кіао-Чао. Мы должны дѣлать все возможное для укрѣпленія престижа Пекинскаго правительства. Если въ Китаѣ разразятся безпорядки, манчжурская династія будетъ свергнута и ей на смѣну явится фанатичная національная реакція... Въ сущности, продолжалъ кн. Ухтомскій, въ Пекинѣ уже нѣтъ правительства. При такихъ условіяхъ можно безъ сопротивленія добиться заключенія на бумагѣ любыхъ договоровъ. Но когда династія падетъ — иностранцевъ вырѣжутъ“.

Заключая договоръ объ арендѣ Портъ-Артура, Россія въ то же время сдѣлала нѣкоторую уступку Японіи въ корейскихъ дѣлахъ: въ мартѣ 1898 г. были отозваны изъ Кореи русскіе военные инструктора и финансовый совѣтникъ. „Россія можетъ отнынѣ воздерживаться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Кореи, въ надеждѣ, что, окрѣпшее благодаря ея поддержкѣ, юное государство будетъ способно самостоятельно охранять какъ внутренній порядокъ, такъ и внѣшнюю независимость“, стояло въ правительственномъ сообщеніи по этому поводу. Тутъ же, впрочемъ, добавлялось: „Въ противномъ случаѣ Императорское правительство приметъ мѣры къ огражденію интересовъ и правъ, присущихъ Россіи, какъ сопредѣльной съ Кореей великой державѣ“.

Въ Японіи занятіе Портъ-Артура — такъ недавно у нея отобраннаго — вызвало большое озлобленіе. Впрочемъ, Японія уже съ 1895 г. со своей легкой побѣды надъ Китаемъ, преслѣдовала цѣли, несовмѣстимыя съ русской политикой первенства въ Азіи, и конфликтъ уже съ этого времени представлялся неизбѣжнымъ — развѣ только Россія была бы настолько сильнѣе, что Японія не рѣшилась бы на нее напасть.

Сибирская дорога строилась одновременно на нѣсколькихъ отрѣзкахъ, но къ тому времени, какъ на Дальнемъ Востокѣ развернулись новыя событія, сплошное движеніе было открыто по ней только до Байкала. Вслѣдъ за Германіей и Россіей, Англія также заручилась морскою базой въ Китаѣ, перенявъ отъ Японіи портъ Вей-Ха-Вей (который японцы занимали въ качествѣ залога, для обезпеченія уплаты китайской контрибуціи за войну 1894—95 г.г.). Англійское правительство всячески добивалось отъ Россіи признанія принципа сферъ вліянія въ Китаѣ; оно заключило соглашеніе съ Германіей о принципѣ от-

крытыхъ дверей въ долинѣ Янцекіанга; съ Россіей, послѣ двухъ лѣтъ переговоровъ, было подписано въ концѣ 1899 г. соглашеніе, по которому Россія обѣщала не добиваться желѣзнодорожныхъ концессій на югъ отъ Янцекіанга, а Англія — обѣщала то же насчетъ сѣвернаго Китая. Вопросъ объ уже начавшей строиться на англійскія деньги желѣзной дорогѣ Пекинъ-Мукденъ остался при этомъ открытымъ.

Послѣ того, какъ Гаагская конференція — и въ особенности отношеніе державъ къ русской нотѣ 12 августа — наглядно показали, что при данномъ международномъ положеніи нельзя разсчитывать на упраздненіе войны, Россія, какъ и другія державы, должна была принять мѣры для утвержденія своего положенія въ мірѣ — такомъ какъ онъ есть. И это не только не стояло въ противорѣчіи съ иниціативой Государя — какъ инсинуировали потомъ враги русской власти (вплоть до графа Витте) — это было **логическимъ выводомъ** изъ неуспѣха Гаагской конференціи: въ мірѣ, гдѣ все строится на силѣ, гдѣ вопросъ объ ограниченіи вооруженій встрѣчаетъ только недовѣріе и вражду, Россія должна была быть сильной — и для сохраненія мира, и на случай войны. Но Государь, считаясь съ тѣмъ, что на Дальнемъ Востокѣ борьба почти неизбѣжна, въ то же время сохранялъ неизмѣнное миролюбіе, и съ точки зрѣнія поклонниковъ „превентивныхъ войнъ“ быть можетъ даже упустилъ „удобный моментъ“ для нанесенія удара Англіи.

Со второй половины 1899 г. Англія ввязалась въ южно-африканскую войну, которая оказалась много труднѣе, чѣмъ думали всѣ. Народъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, почти безъ артиллеріи, оказался въ состояніи связать почти на три года военныя силы Британской имперіи. Непопулярность Англіи во всѣхъ европейскихъ государствахъ была такъ велика, что отовсюду къ бурамъ стремились десятки, сотни добровольцевъ. Государь раздѣлялъ общее отношеніе къ этой борьбѣ „Давида съ Голіафомъ“, какъ тогда говорили, — то отношеніе, которое побудило гласнаго московской городской думы А. И. Гучкова отправиться добровольцемъ въ Южную Африку. Въ письмахъ къ близкимъ Онъ не скрывалъ своихъ чувствъ, и писалъ Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ, насколько Ему пріятна мысль о томъ, что Онъ бы могъ рѣшить исходъ этой борьбы, двинувъ войска на Индію. Но Государь сознавалъ, что это было бы труднымъ и рискованнымъ начинаніемъ, которое могло бы вылиться въ общеевропейскую войну. Дальше замѣчаній въ частныхъ письмахъ Онъ не пошелъ, хотя нѣкоторые министры и склонялись къ желательности использовать англійскія затрудненія.

Англія, со своей стороны, дѣлала нѣкоторые шаги навстрѣчу Россіи и (31 августа 1899 г.) впервые согласилась на учрежденіе должности русскаго консула въ Бомбеѣ, въ той Индіи, которую такъ старательно оберегали отъ русскихъ вліяній.

Въ ноябрѣ 1899 г., германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Бюловъ, (который вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ канцлеромъ), имѣлъ съ Государемъ крайне знаменательную бесѣду въ Потсдамѣ, гдѣ Государь, на шестомъ году своего царствованія, въ первый разъ остановился проѣздомъ изъ Гессена.

Государь говорилъ съ Бюловымъ прямо и опредѣленно. Отозвавшись съ сочувствіемъ о бурахъ, Онъ сказалъ, что Россія не будетъ вмѣшиваться въ африканскія дѣла. Россія хочетъ мира. Она не желаетъ и конфликта между Англіей и Франціей. **Если бы она этого хотѣла, конфликтъ бы разразился уже годъ назадъ** (Государь этими словами подтвердилъ распространенное мнѣніе о роли русской дипломатіи при разрѣшеніи англо-французскаго конфликта изъ-за Фашоды).

„Нѣтъ никакого вопроса, сказалъ далѣе Государь, въ которомъ интересы Германіи и Россіи находились бы въ противорѣчіи. Есть только одинъ пунктъ, въ которомъ вы должны считаться съ русскими традиціями и бережно къ нимъ относиться — а именно на Ближнемъ Востокѣ. Вы не должны создавать впечатлѣнія, будто вы хотите вытѣснить Россію, въ политическомъ или экономическомъ отношеніи, съ того Востока, съ которымъ она вѣками связана многими узами національнаго и религіознаго характера. Даже, если бы я самъ относился къ этимъ вопросамъ болѣе скептически или равнодушнѣе, я бы долженъ былъ все-таки поддерживать русскія традиціи на Востокѣ. Въ этомъ отношеніи я не могу вступить въ противорѣчіе съ завѣтами и чаяніями моего народа".

Эти предостерегающія слова, — полная сила которыхъ сказалась черезъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ въ 1914 г., — были произнесены въ моментъ, когда русско-германскія отношенія были вполнѣ дружественными, когда русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, отрицая приписанныя ему слова о желательности возвращенія Эльзаса къ Франціи, воскликнулъ „за дурака меня, что-ли, считаютъ?" — Бесѣда съ Бюловымъ показываетъ, что Государь, занятый въ то время дальневосточными планами, не забывалъ и о русскихъ интересахъ на Ближнемъ Востокѣ, и не хотѣлъ идти дальше русско-австрійскаго соглашенія о временномъ сохраненіи statu quo.

Первые два года послѣ занятія Портъ-Артура и Кіао-Чао (начало 1898 г. — начало 1900 г.) прошли на Д. Востокѣ безъ замѣтныхъ событій. Китай, казалось, продолжалъ „дремать"; Россія сохраняла прежній политическій курсъ, поддерживая добрыя отношенія съ китайскимъ правительствомъ. Появленіе Америки на Д. Востокѣ (занятіе Филиппинъ) прошло почти незамѣченнымъ, а между тѣмъ оно имѣло большое значеніе, такъ какъ закрывало Японіи путь къ расширенію на югъ, къ созданію островной имперіи. Присоединеніе „ничьихъ" Гавайскихъ острововъ къ Соед. Штатамъ (въ 1899 г.) не вызвало протестовъ ни съ чьей стороны.

Россія усиленно развивала строительство своего военнаго флота. Франко-русскія отношенія стали нѣсколько болѣе прохладными, чѣмъ во времена Ганото. Франція не особенно сочувствовала русскимъ дальневосточнымъ планамъ, успѣхъ которыхъ сдѣлалъ бы Россію независимой отъ какихъ-либо западно-европейскихъ вліяній. Дѣло Дрейфуса выдвигало къ тому же на первый планъ лѣвые круги, менѣе увлеченные надеждами на русскую поддержку. Ни съ той, ни съ другой стороны, однако, не появлялось и мысли о расторженіи союза.

Весною 1900 г., въ Китаѣ начала усиливаться агитація противъ иностранцевъ; но державы, привыкшія къ полной пассивности китайцевъ, мало обращали на это вниманія. Смутные слухи о союзѣ Большого Кулака, руководящемъ агитаціей противъ „заморскихъ чертей", стяжали этому движенію ироническое прозвище „боксеровъ".

Возстаніе однако разразилось повсемѣстно и съ огромной силой, точно изъ-подъ почвы всюду хлынула вода. Пекинскій дипломатическій корпусъ былъ застигнутъ врасплохъ стихійной силой движенія. Еще 8/21 мая китайскому правительству была предъявлена нота, требовавшая ареста всѣхъ членовъ общества „боксеровъ" и всѣхъ домовладѣльцевъ, допускающихъ у себя ихъ собранія, а также казни лицъ, виновныхъ въ покушеніи на жизнь и имущество, — и казни „лицъ руководящихъ дѣйствіями боксеровъ и снабжающихъ ихъ денежными средствами". Еще 13/25 мая русскій посланникъ М. Н. Гирсъ сообщалъ въ С.-Петербургъ, что иностранные представители „не видятъ основаній считать центральное правительство безсильнымъ подавить возстаніе боксеровъ" и распорядился отослать обратно въ Портъ-Артуръ присланную оттуда въ Таку русскую канонерку. Для защиты миссій были все же вызваны десанты, но только по 75 человѣкъ на миссію. Еще 31 (18) мая 1900 г. Бюловъ запрашивалъ германскаго посланника въ Пекинѣ, не означаетъ ли возникающая

смута начало окончательнаго раздѣла Китая: въ возстаніи видѣли только одинъ элементъ: ослабленіе власти манчжурской династіи!

Еще 20 мая (2 іюня) русскій посланникъ сообщалъ, что съ приходомъ десантовъ въ Пекинѣ стало спокойнѣе... Но уже „не далѣе какъ черезъ недѣлю д. с. с. Гирсъ телеграфировалъ не безъ тревоги (говорится въ правительственномъ сообщеніи отъ 25 іюня), что роль посланниковъ окончена и дѣло должно перейти въ руки адмираловъ. Только быстрый приходъ сильнаго отряда можетъ спасти иностранцевъ въ Пекинѣ". Но было уже поздно: Пекинъ оказался отрѣзаннымъ отъ моря, а посольскій кварталъ — осажденнымъ китайскими войсками. Когда посланники предъявляли требованія о „наказаніи виновныхъ", когда они еще чего то добивались у китайскаго правительства — извнѣ уже было ясно, что власть, въ данномъ случаѣ, заодно съ „возставшими". Китай, такъ долго молчавшій и покорявшійся, пересталъ быть „мертвымъ тѣломъ", „связаннымъ животнымъ": онъ возсталъ на иностранцевъ; и правительство, хотя и не вполнѣ убѣжденное въ цѣлесообразности этого возстанія, поддалось народному движенію. Говорили — навѣрное никто этого не зналъ — что принцъ Туанъ, родственникъ императора, захватилъ власть, что вдовствующая императрица Це-Си бѣжала... Говорили тоже, что она сама отдала приказъ — истреблять иностранцевъ... Молва, какъ обычно, умножала „китайскія звѣрства"; но несомнѣнно, что сотни бѣлыхъ, въ томъ числѣ не мало женщинъ и дѣтей, мелкими группами разбросанныхъ по Китаю, погибли при этомъ внезапномъ пробужденіи китайскаго націонализма.

Сообщеніе съ Пекиномъ было прервано — безпроволочнаго телеграфа тогда еще не существовало — и въ Европѣ были получены извѣстія о томъ, что всѣ дипломаты съ ихъ семьями погибли въ страшныхъ мученіяхъ...

Въ то же время китайцы, обычно столь мало воинственные — даже презиравшіе военное ремесло — вдругъ оказались безстрашными; шли на смерть почти безоружные, и англійскій отрядъ адмирала Сеймура, двинувшійся на выручку миссій, не только не пробился до Пекина, но еле-еле, при поддержкѣ русскихъ моряковъ, отступилъ обратно къ Тянцзину.

Въ самый разгаръ этихъ событій, 8/21 іюня 1900 г., скоропостижно скончался министръ иностранныхъ дѣлъ гр. М. Н. Муравьевъ; его преемникомъ былъ назначенъ товарищъ министра гр. В. Ю. Ламздорфъ; это, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи не повліяло на курсъ русской внѣшней политики.

Всѣ, кто предсказывалъ „желтую опасность“, громко заговорили, что она уже стоитъ у воротъ. Западныя державы, передъ угрозой ихъ миссіямъ, сплотились и рѣшили послать въ Китай свои войска, и прежде всего обратились къ наиболѣе близкимъ державамъ — Россіи и Японіи — съ просьбой объ оказаніи вооруженной поддержки.

Опять Россія стояла передъ труднымъ выборомъ: стать ли ей въ ряды европейскихъ державъ и вмѣстѣ съ ними взяться за сокрушеніе и раздѣлъ Китая, — или же не отступать отъ плана дружбы съ Китаемъ и по мѣрѣ возможности тормозить выступленія другихъ державъ?

Китайцы, въ своемъ движеніи противъ иностранцевъ, не дѣлали различія между русскими и „прочими“. Но сторонники дружбы съ Китаемъ объясняли это тѣмъ, что Россія, занявъ Портъ-Артуръ, пріобщилась къ политикѣ раздѣла Китая. Они попрежнему вѣрили, что русско-китайское сотрудничество было бы возможно. Кн. Э. Э. Ухтомскій издалъ книгу „Къ событіямъ въ Китаѣ“.

„Мы стоимъ, писалъ онъ въ предисловіи къ этой книгѣ (въ іюлѣ 1900 г.), наканунѣ великихъ катастрофъ. Движеніе, пока охватившее лишь часть Китая, и конечно всею тяжестью обрушивающееся сейчасъ на Россію, за ея, надо надѣяться, временное и случайное отождествленіе своихъ интересовъ съ интересами другихъ, хищнически настроенныхъ и лукаво дѣйствующихъ державъ — это движеніе грозитъ разростись до небывалыхъ размѣровъ... Намъ необходимо лишь держаться историческаго пути и ни на одно мгновеніе не терять изъ виду своихъ прямыхъ задачъ въ родной и близкой намъ по духу Азіи“. Кн. Ухтомскій не скрывалъ своего сочувствія къ китайскому національному движенію и говорилъ даже, что китайцы „даютъ Западу хорошій урокъ“.

Въ томъ же духѣ составилъ свою записку „ Европа и Китай“ одинъ изъ главныхъ русскихъ дѣятелей Гаагской конференціи, профессоръ международнаго права Ф. Ф. Мартенсъ (въ томъ же іюлѣ 1900 г.). Въ ней стояло: „Китайцы будутъ побѣждены, но никакая побѣда не уничтожитъ народа въ 430 милліоновъ. Это возстаніе противъ всѣхъ иностранцевъ имѣетъ глубокіе корни. Въ 1880 г. я писалъ „чѣмъ китайское правительство слабѣе, чѣмъ оно болѣе имѣетъ враговъ въ своей странѣ, тѣмъ болѣе цивилизованныя державы должны помнить, что всякая неумѣстная пропаганда, равно и всякое вмѣшательство въ дѣла внутренняго управленія, могутъ привести только къ двумъ результатамъ: или вызвать паденіе нынѣшняго правительства въ Пекинѣ, или принудить послѣднее открыто примкнуть къ народу

для истребленія всѣхъ иностранцевъ. При первой гипотезѣ нѣтъ никакой гарантіи, чтобы новая династія болѣе благопріятствовала сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ. При второй — въ случаѣ истребленія или изгнанія иностранцевъ — будетъ весьма трудно обратно завоевать утраченное положеніе".

Проф. Мартенсъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ принципы русской политики въ Китаѣ: 1) совершенно особое преобладающее положеніе Россіи; 2) неприкосновенность Китая; 3) за избіенія иностранцевъ можно требовать только моральнаго и денежнаго возмѣщенія; 4) необходимо существованіе устойчиваго китайскаго правительства. („Если нынѣ царствующая манчжурская династія оказалась негодною, необходимо поставить другого китайскаго императора и въ случаѣ надобности поддерживать его").

Между тѣмъ китайское національное движеніе захватило и рѣдко населенную Манчжурію; тамъ начались нападенія на русскихъ инженеровъ и рабочихъ вдоль линіи строющейся желѣзной дороги. Это движеніе явно поддерживалось мѣстными китайскими властями. Сообщеніе по сушѣ между Портъ-Артуромъ и Сибирью было прервано.

На Западѣ, подъ впечатлѣніемъ вѣстей о рѣзнѣ иностранцевъ, разросталась кампанія противъ Китая. Императоръ Вильгельмъ II, провожая отрядъ, отправляющійся на Д. Востокъ, съ обычной экспансивностью произнесъ рѣчь, въ которой пестрѣли слова о „бронированномъ кулакѣ" и о томъ, что „пощады не давать". На эту рѣчь откликнулся своимъ предсмертнымъ стихотвореніемъ Владиміръ Соловьевъ, жившій подъ нароставшимъ кошмаромъ „желтой опасности". „Христовъ огонь въ твоемъ булатѣ, и рѣчь грозящая свята! — писалъ онъ, „... передъ пастію дракона — ты понялъ — крестъ и мечъ — одно!" *).

Русское общество сравнительно слабо откликнулось на китайскія событія, не сочувствуя ни Вл. Соловьеву, ни кн. Ухтомскому. („Отъ прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущаго миражами интеллигентнаго слоя, мы теряемъ политическое чутье въ восточныхъ дѣлахъ" — писалъ по этому поводу авторъ „Къ событіямъ въ Китаѣ").

Но русское правительство старалось выдержать среднюю линію. Оно не могло не принимать участія въ дѣйствіяхъ противъ „боксеровъ" — хотя бы уже потому, что русскіе дипломаты вмѣстѣ съ другими были осаждены въ Пекинѣ, что въ Манчжуріи удары китайцевъ

*) В. С. Соловьевъ скончался 31. VII. 1900 г. Стихотвореніе „Драконъ" (Зигфриду) написано въ іюлѣ.

непосредственно падали на русскія начинанія Но въ то же время Россія отстаивала, въ дипломатическомъ отношеніи, нѣсколько искусственную позицію: движеніе — это мятежъ, а съ китайскимъ правительствомъ мы хотимъ оставаться въ дружбѣ.

Японія, со своей стороны, поспѣшила предложить европейскимъ державамъ свои услуги въ дѣлѣ подавленія китайскаго возстанія. Въ районѣ Тянцзиня въ іюлѣ сталъ формироваться большой международный отрядъ: 12.000 японцевъ, 8.000 русскихъ (переброшенныхъ по морю изъ района Портъ-Артура); по двѣ-три тысячи другихъ. Командованіе надъ этими отрядами, послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, рѣшено было поручить германскому фельдмаршалу графу Вальдерзее: Германія была наиболѣе обиженной стороной — подтвердились, къ тому времени, слухи объ убійствѣ германскаго посланника въ Пекинѣ; а Россія сама не пожелала возглавлять карательную экспедицію противъ Китая.

Въ это время на самой русско-китайской границѣ возникла паника. Русскій пограничный городъ Благовѣщенскъ подвергся продолжительному ружейному обстрѣлу съ китайскаго берега Амура; стрѣляли, несомнѣнно, китайскіе „регулярные" солдаты. Русскія войска были незадолго передъ тѣмъ уведены внизъ по Амуру. Благовѣщенскъ былъ почти безъ защиты, и паника, охватившая мѣстныхъ жителей и мѣстныя власти, выразилась въ жестокой расправѣ съ мѣстными китайцами: боясь, что проживающіе въ городѣ китайцы устроятъ возстаніе въ тылу, наслышавшись о звѣрствахъ, происходящихъ въ Китаѣ, благовѣщенскія власти собрали всѣхъ „желтыхъ" на берегъ Амура и велѣли имъ вплавь переправляться на манчжурскій берегъ. Только меньшинству удалось переплыть широкую рѣку; нѣсколько сотъ китайцевъ потонуло. Этотъ трагическій инцидентъ, понятный въ тревожной атмосферѣ момента (мѣстная интеллигенція — съ возмущеніемъ отмѣчала либеральная печать болѣе отдаленныхъ отъ границъ мѣстъ — одобряла эти паническія репрессіи) показывалъ, насколько трудно было выдерживать на практикѣ линію „русско-китайской дружбы"...

Еще задолго до прибытія фельдмаршала Вальдерзее, международное войско, выдержавшее въ теченіе мѣсяца встрѣчные бои у Тянцзина, двинулось (5 августа н. ст.) впередъ; и уже 15 (2) августа русскія войска подъ командой ген. Линевича заняли столицу Китая. Въ то же время, русскій отрядъ ген. Ренненкампфа походнымъ порядкомъ пересѣкалъ Манчжурію съ сѣвера на югъ, почти не встрѣчая сопротивленія.

Посольскій кварталъ въ Пекинѣ оказался нетронутымъ: онъ былъ, въ сущности, только блокированъ китайскими войсками въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Тотчасъ же Россія, возвращаясь къ политикѣ доброжелательства къ Китаю, поспѣшила отмежеваться отъ остальныхъ державъ.

8/21 августа Государь, считая военную экспедицію оконченной, распорядился пріостановить дальнѣйшую отправку русскихъ войскъ въ Китай. 12/25 августа Россія обратилась къ державамъ съ циркулярной нотой, рекомендуя не только увести изъ Пекина международное войско, но и переселить миссіи въ болѣе безопасный Тянцзинъ: въ Пекинѣ сейчасъ, все равно, нѣтъ китайскаго правительства, указывалось въ нотѣ. Больше того — оно и не можетъ вернуться въ Пекинъ, пока въ немъ стоятъ иностранныя войска; и — даже если бы оно и вернулось, — его бы не стали слушаться въ странѣ, считая его плѣннымъ.

Германія особенно рѣзко возстала противъ этой точки зрѣнія. Россію обвинили въ томъ, что она нарушаетъ единый фронтъ державъ. Однако, вскорѣ и другія государства убѣдились въ томъ, что русская точка зрѣнія при создавшихся условіяхъ была обоснованной.

Съ кѣмъ вести переговоры? Китайское правительство было неизвѣстно гдѣ; не знали въ точности, изъ кого оно состоитъ. Международный отрядъ, опиравшійся на линію Пекинъ—Тянцзинъ—Таку, занималъ китайскую столицу; европейскіе мародеры грабили дворцы запретнаго города; но это былъ только маленькій островокъ во враждебномъ желтомъ морѣ. Китай не сдался. Державы предъявили китайцамъ (15 сентября) требованіе о выдачѣ „виновниковъ возстанія", въ томъ числѣ принца Туана; въ отвѣтъ пришло извѣстіе, что 25 сентября тотъ же принцъ Туанъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта!.. Отчаянное предложеніе тянцзинскаго консульскаго корпуса — угроза разрушить въ видѣ наказанія могилы предковъ манчжурской династіи — не встрѣтило сочувствія и у западныхъ правительствъ.

Русскія войска, между тѣмъ, заняли всю Манчжурію отъ русской границы до Ляодунскаго полуострова. Работы по постройкѣ желѣзной дороги возобновились.

Державы стали разрабатывать проектъ условій ликвидаціи „боксерскаго инцидента" (въ концѣ концовъ, была принята фикція, что съ Китаемъ не было войны). Россія въ этихъ переговорахъ старалась отстоять возможно болѣе выгодныя условія для Китая. Въ частности, она упорно боролась противъ требованія о выдачѣ и о пре-

Императоръ Николай II.

(Портретъ Сѣрова).

даніи смертной казни высшихъ китайскихъ сановниковъ, считавшихся сторонниками движенія противъ иностранцевъ. Въ концѣ года нота была наконецъ вручена отыскавшемуся китайскому правительству, которое не замедлило на все согласиться; и международный отрядъ покинулъ Пекинъ *).

Въ результатѣ двухъ событій, вызванныхъ не Россіей — занятія Кіао-Чао нѣмцами и возстанія боксеровъ, Россія такимъ образомъ получила въ руки незамерзающій портъ на Тихомъ океанѣ и полосу — широкую полосу — территоріи, соединяющей этотъ портъ съ прежними русскими владѣніями — о чемъ писалъ Государь въ своей резолюціи отъ 2 апрѣля 1895 г. Эти цѣли были достигнуты, хотя владѣніе территоріей было еще не оформлено; однако, обстановка во многомъ осложнилась. Авторитетъ китайскаго правительства, на добрыхъ отношеніяхъ съ которымъ основывалась первоначальная „большая азіатская программа", былъ сильно подорванъ; оно еще могло поддерживать внутреннее единство государства, но во внѣшней политикѣ вынуждено было все время оглядываться на весьма ревнивое національное движеніе, для котораго всѣ иностранцы были равны, и всякая уступка имъ — казалась государственной измѣной.

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что не дѣйствія Россіи ослабили этотъ авторитетъ манчжурской династіи: пораженіе въ войнѣ съ Японіей, беспрепятственное занятіе нѣмцами Кяо-Чао, а для нѣкоторой части интеллигенціи, начинавшей „европеизироваться" — также рѣшительный отказъ отъ внутреннихъ реформъ, все это создавало китайской власти растущее число враговъ, совершенно независимо отъ занятія русскими Портъ-Артура. Если бы Россія совершенно отстранилась отъ китайскихъ событій и не закрѣпила за собой сосѣднихъ областей — это едва ли бы создало для нея лучшее исходное положеніе при борьбѣ за преобладаніе на Дальнемъ Востокѣ: весьма вѣроятно, что это было бы только сочтено признакомъ слабости; китайскій народъ, все равно, не сталъ бы выдѣлять русскихъ изъ общей массы „бѣлыхъ чертей", а благоволеніе слабѣющей манчжурской династіи вѣсило уже весьма немного.

Манчжурія въ ту пору была весьма рѣдко населена — на ея огромномъ пространствѣ, около милліона квадратныхъ верстъ, было всего 3—4 милліона жителей. Эта провинція, вотчина китайскаго императорскаго дома, была тогда еще закрыта для поселенцевъ. Во мно-

*) Окончательное соглашеніе о размѣрахъ контрибуціи, обезпеченной доходомъ отъ китайскихъ таможенъ, состоялось только 7. IX. 1901 г.; Тяньцзинъ и Шанхай были очищены европейскими войсками только въ 1902 г.

гихъ мѣстностяхъ вдоль строющейся Восточно-Китайской дороги китайское населеніе почти отсутствовало. Манчжурія была какъ бы прямымъ продолженіемъ Сибири — въ лучшихъ, наиболѣе плодородныхъ ея частяхъ.

На Д. Востокѣ Россія встрѣчала наступленіе XX-го вѣка при благопріятной обстановкѣ. Сибирь находилась въ періодѣ быстраго роста. Организованное въ началѣ царствованія Императора Николая II Переселенческое управленіе направляло широкіе потоки „ходоковъ" и переселенцевъ изъ Европейской Россіи въ наиболѣе пригодныя для веденія сельскаго хозяйства мѣстности. Сибирская дорога доходила непрерывной колеей до Иркутска, и дѣйствовала на нѣсколькихъ другихъ участкахъ (напр. въ Уссурійскомъ краѣ). Населеніе Сибири за 5—6 лѣтъ увеличивалось съ возрастающей быстротой. На сибирскія губерніи еще въ 1896 г. было распространено дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г.

Указомъ 12 іюня 1900 г. Государь провелъ важную реформу — объ отмѣнѣ ссылки на поселеніе въ Сибирь. Мѣра эта, упразднявшая такъ хорошо — по наслышкѣ — извѣстную всюду за-границей „сибирскую ссылку", отнюдь не была отмѣной жестокой системы репрессій, которую въ такихъ мрачныхъ краскахъ представляли себѣ въ Западной Европѣ подъ „страшнымъ" именемъ Сибири: это была мѣра предохраненія цѣнной русской окраины противъ ея „засоренія" нежелательными элементами. Не Сибирь была слишкомъ плоха для ссыльныхъ — ссыльные были недостаточно „хороши" для Сибири! Государь, какъ говорится въ указѣ, рѣшилъ „снять съ Сибири тяжелое бремя мѣстности, въ теченіе вѣковъ наполненной людьми порочными" *).

Въ качествѣ мѣста ссылки былъ оставленъ только островъ Сахалинъ; кромѣ того, разумѣется, не были упразднены существовавшія въ Сибири (и не только въ Сибири) каторжныя тюрьмы. „Вѣстникъ Европы" вполнѣ основательно сопоставлялъ отмѣну ссылки въ Сибирь съ развитіемъ событій въ Китаѣ: „Въ будущемъ, болѣе или

---

*) Ссылка на поселеніе въ Сибирь примѣнялась какъ по судебнымъ приговорамъ, такъ и въ административномъ порядкѣ, чаще всего — по постановленіямъ сельскихъ обществъ „за порочное поведеніе". Съ 1887 по 1899 г., въ Сибирь было выслано 100.000 человѣкъ, — 52.000 въ административномъ порядкѣ (изъ нихъ 47.000 — по рѣшенію сельскихъ сходовъ), и 48.000 — по суду. Одновременно съ отмѣной ссылки въ Сибирь, было отмѣнено и наказаніе розгами, примѣнявшееся по рѣшеніямъ сельскихъ обществъ.

менѣе близкомъ, слѣдуетъ ожидать или дѣйствительнаго преобразованія Китая, или соперничества державъ на его развалинахъ. И въ томъ и въ другомъ предположеніи, такая обширная часть нашей имперіи, какъ Сибирь, непосредственно примыкающая къ древнему Китаю, не должна являться только узкою желѣзнодорожной полосой, служащей къ соединенію Европейской Россіи съ берегами Тихаго океана; надобно желать Сибири быстраго и широкаго развитія мѣстнихъ силъ, что, въ свою очередь, будетъ имѣть послѣдствіемъ привлеченіе въ нее изъ метрополіи всего, что въ ней есть лучшаго и предпріимчиваго — въ противность тому, чѣмъ европейская Россія награждала Сибирь до настоящаго времени, и чему теперь, весьма и весьма своевременно, положенъ конецъ".

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Русская литература и искусство къ концу XIX вѣка. — Организація революціонныхъ силъ. — Вопросъ о продолженіи земской реформы 1864 г. — Манифестъ 3-го февраля 1899 г. о Финляндіи.

Студенческія волненія 1899 г.; событія 8-го февраля; комиссія Ванновскаго; временныя правила 29 іюля. — Полемика кн. С. Н. Трубецкого съ кн. Д. Н. Цертелевымъ.

„Самодержавіе и земство". — Правый курсъ; назначеніе Д. С. Сипягина. — Кончина Наслѣдника; болѣзнь Государя. — Отъѣздъ духоборовъ въ Канаду и отлученіе гр. Л. Н. Толстого.

„Россія наканунѣ XX-го столѣтія". — Убійство Н. П. Боголѣпова. — Демонстрація 4 марта 1901 г. — Назначеніе генерала Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія.

Конецъ XIX-го вѣка — „чеховскіе годы" въ русской литературѣ. Одинъ за другимъ сошли въ могилу А. Н. Майковъ (1897), Я. П. Полонскій (1898), Д. В. Григоровичъ (1899). На первое мѣсто выдвинулся А. П. Чеховъ, этотъ тонкій психологъ и мѣткій наблюдатель, которому радикальная критика прощаетъ „отсутствіе положительныхъ общественныхъ взглядовъ" за его „тоску по идеалу", выражающуюся въ изображеніи сѣрости и скуки русской провинціальной жизни. Среди новыхъ именъ выдѣлился въ эти годы Максимъ Горькій, ставшій знаменитымъ почти вдругъ (1898 г.); его разсказы о „бо-

сякахъ", у которыхъ ничего нѣтъ, но которымъ ничего и не надо, казались чѣмъ то новымъ на фонѣ перепѣвовъ „гражданской скорби".

„Сѣверный Вѣстникъ", отражавшій новыя теченія въ литературѣ, закрылся, но „декадентство", какъ называли тогда представителей символизма и духовныхъ исканій, нашло рядъ новыхъ представителей: Д. С. Мережковскій создалъ свою трилогію „Христосъ и Антихристъ"; З. Н. Гиппіусъ — книги разсказовъ и стиховъ; Федоръ Сологубъ — первыя книги стиховъ и романъ „Тяжелые Сны"; сталъ выдвигаться К. Д. Бальмонтъ; Валерій Брюсовъ выпустилъ свои первые сборники, жестоко осмѣянные Вл. Соловьевымъ.

Новыя теченія еще ярче проявлялись въ живописи, чѣмъ въ литературѣ. Стараніями группы художниковъ, объединенныхъ вокругъ С. П. Дягилева, возникли (въ концѣ 1898 г.) сначала выставки, а потомъ и журналъ „Міръ Искусства". Въ немъ участвовали Александръ Н. Бенуа, К. Сомовъ, М. Добужинскій, Л. Бакстъ, К. Коровинъ, В. А. Сѣровъ (получившій на Парижской всемірной выставкѣ 1900 г. первый призъ за портретъ В. К. Павла Александровича). Лѣвый шаблонъ въ живописи начиналъ пріѣдаться; выставки „передвижниковъ" казались тусклыми и меньше привлекали публики. „Міръ Искусства" вступилъ въ борьбу съ „толстыми журналами", защищая чистое искусство.

„Насъ назвали дѣтьми упадка, писалъ С. П. Дягилевъ, и мы хладнокровно и согбенно выносимъ безсмысленное и оскорбительное прозвище декадентовъ. Что должны мы считать нашимъ расцвѣтомъ? Гдѣ наши Софоклы, Леонардо, Расины, которые могутъ презрительно видѣть въ насъ лишь немощное извращеніе созданнаго ими искусства? У насъ модно царили такія силы, какъ Чернышевскій, Писаревъ, Добролюбовъ". И презрительно отозвавшись объ ученіяхъ „отводившихъ искусству роль послушныхъ школьниковъ на помочахъ у противохудожественной теоріи соціализма", редакторъ „Міра Искусствъ" писалъ: „Великая сила искусства заключается въ томъ, что оно самоцѣльно, самополезно, а главное — свободно".

Примѣчательно, что лозунгъ „свобода искусствъ" въ Россіи былъ направленъ не противъ царской власти, отнюдь на него не посягавшей, а противъ моральнаго гнета радикальной интеллигентской критики. Русская императорская власть, слѣдуя лучшимъ монархическимъ традиціямъ всѣхъ временъ, оказывала широкую поддержку изобразительнымъ искусствамъ: А. Н. Бенуа завѣдывалъ художественной частью Нижегородской выставки; Л. Бакстъ и другіе работали въ Императорскихъ театрахъ или художественномъ издательствѣ при Красномъ Крестѣ (Община св. Евгеніи); среди произведеній В. А. Сѣ-

рова видное мѣсто занимаютъ портреты Царской семьи, въ особенности лучшій и наиболѣе извѣстный изъ портретовъ Государя, написанный въ 1900 г. для Императрицы Александры Ѳеодоровны *). Ему же принадлежатъ картины коронаціонныхъ торжествъ.

7 марта 1898 г., былъ открытъ въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи Михайловскаго дворца, Русскій Музей имени Императора Александра III; туда были перенесены произведенія русскихъ художниковъ и скульпторовъ изъ Эрмитажа; музей далѣе неизмѣнно пополнялся новыми пріобрѣтеніями лучшихъ картинъ съ современныхъ русскихъ художественныхъ выставокъ.

Въ области театра, кромѣ расцвѣта Императорскаго балета, наблюдались новыя исканія: въ Москвѣ открыли въ 1897 г. Художественный театръ, который, подъ руководствомъ К. С. Станиславскаго, создалъ себѣ затѣмъ громкое имя въ Россіи и заграницей. В. Ф. Коммиссаржевская, появившаяся въ концѣ 90-хъ годовъ на сценѣ, быстро завоевала горячую симпатію публики.

Быстро распространилась „живая фотографія" — въ то время далекая отъ искусства. Уже въ 1898 г. было издано распоряженіе, запрещающее показывать на экранѣ Спасителя, Богоматерь или святыхъ угодниковъ.

Неизмѣнно, изъ года въ годъ, росли ассигнованія на народное образованіе; особенно быстро развивалась сѣть церковно-приходскихъ школъ; министерство финансовъ въ свою очередь создало свой особый типъ средней школы „коммерческія училища", и подготовляло открытіе Политехническаго Института въ С.-Петербургѣ.

Въ экономическомъ отношеніи два неурожайныхъ года (1897-й и 1898-й), а также кризисъ, распространившійся по всей Европѣ, нѣсколько замедлили быстрый темпъ роста русскаго хозяйства; но самый ростъ промышленности и развитіе желѣзнодорожной сѣти продолжались, несмотря на эти затрудненія. Поступленіе косвенныхъ налоговъ и сбора съ увеселеній и зрѣлищъ неуклонно возрастали. „Какъ видите, намъ живется веселѣе", иронизировалъ, сообщая этотъ фактъ, либеральный журналъ.

За этотъ же періодъ росли и „нелегально" организовывались также и силы противниковъ существующаго строя. Вслѣдъ за польской соціалистической партіей, возникшей въ началѣ 90-хъ годовъ (среди

*) Портретъ этотъ былъ исполненъ самимъ художникомъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ изувѣченъ при взятіи большевиками Зимняго Дворца, другой находится въ Москвѣ.

ея учредителей стоитъ отмѣтить Іосифа Пилсудскаго), за еврейскимъ „Бундомъ“, на съѣздѣ въ Минскѣ (въ 1898 г.) была учреждена Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, въ которую влились Союзъ Освобожденія рабочаго класса и нѣсколько другихъ группъ. Съѣздъ былъ застигнутъ полиціей; большинство участниковъ арестовано; но все же эту дату, какъ „день рожденія“ своей партіи празднуютъ и большевики, и меньшевики. Много позже организаціонно объединились революціонные элементы народническаго направленія (соціалисты-революціонеры), но отдѣльныя ихъ группы, ведшія свою „родословную“ отъ пресловутой „Народной Воли“, дѣйствовали вмѣстѣ съ „марксистами“. Вообще въ эту раннюю пору, между революціонными и даже оппозиціонными элементами при всяческихъ теоретическихъ разногласіяхъ, на дѣлѣ царило значительное единодушіе.

„Въ свирѣпой трудной борьбѣ съ самодержавіемъ — провозглашалъ заграничный нелегальный органъ*) необходимы всѣ наличныя силы, несмотря на то, какого цвѣта или формы ихъ отличительные ярлыки, и какую именно кличку они для себя почему либо выбрали. Единственнымъ символомъ вѣры, единственнымъ условіемъ sine qua non мы признаемъ только враждебность принципу самодержавія. Вы — нашъ союзникъ, разъ Вы искренне вѣрите въ этотъ тезисъ; а какъ Вы считаете наилучшимъ уязвить и уничтожить его — это дѣло Вашей собственной совѣсти и пониманія“.

Тайныя революціонныя организаціи были наиболѣе распространены въ студенческой средѣ. Въ частности, въ Кіевскомъ университетѣ были сильныя группы „Бунда“ и польскихъ соціалистовъ. Конечно, только незначительное меньшинство входило въ эти организаціи; но другія направленія оставались вовсе неорганизованными.

Послѣдовательный консерваторъ „аристократическаго“ толка, кн. В. П. Мещерскій, писалъ на Новый 1898-й годъ: „Раздаются новые голоса, рождаются новыя мысли, являются новыя желанія и стремленія, чуются новыя воли; изъ мутной тины осадковъ давняго прошлаго возстаютъ какіе то новые государственные вопросы, . . . изъ всей этой мути слагается нѣчто вродѣ настроенія. . . Наружность, платья такія же и видъ одинъ и тотъ же, но дорожащіе только этимъ сходствомъ настоящаго съ прошлымъ не замѣчаютъ, что платье это понемногу расползается по швамъ“. — „Наши друзья французы нерѣдко говорятъ въ бесѣдахъ съ нами: вы, вы счастливѣе насъ, у насъ 500 волей распоряжаются Франціей, а у васъ одна воля управляетъ Россіей; у

*) „Современникъ“, Лондонъ, 1897 г.

насъ Богъ есть главная жизненная потребность, у насъ Онъ только роскошь"... — Признаюсь, я предпочелъ бы, чтобы не французы намъ это говорили съ завистью, а чтобы мы это говорили французамъ съ гордостью"...

Государь зналъ, разумѣется, что городская интеллигенція относится враждебно къ существующему порядку; но Онъ глубоко вѣрилъ, что отношеніе народныхъ массъ — совершенно иное. Въ бесѣдѣ съ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства кн. П. Н. Трубецкимъ (лѣтомъ 1898 г.) Государь коснулся вопроса объ ограниченіи самодержавія, и сказалъ, что Онъ готовъ былъ бы подѣлиться съ народомъ властью, но сдѣлать этого не можетъ: ограниченіе царской власти было бы понято, какъ насиліе интеллигенціи надъ Царемъ, и тогда народъ стеръ бы съ лица земли верхніе слои общества. (Судьба интеллигенціи и „буржуазіи" послѣ сверженія Царской власти показала, что въ этомъ представленіи было не мало вѣрнаго).

Не желая непрестанно ломать и строить сызнова, Государь въ то же время продолжалъ „достройку" и „ремонтъ" зданія Россійской имперіи, и постепенно окружилъ себя сотрудниками по своему выбору. Къ концу вѣка, восемь (изъ двѣнадцати) министровъ, которыхъ Государь засталъ при своемъ восшествіи на престолъ, были уже замѣнены другими (трое вслѣдствіе смерти *). Изъ министровъ эпохи Императора Александра III, оставались только К. П. Побѣдоносцевъ, С. Ю. Витте, и назначенные въ послѣдній годъ царствованія Н. В. Муравьевъ (юстиціи) и А. С. Ермоловъ (земледѣлія).

На мѣсто скончавшагося на 79-мъ году жизни министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова (занимавшаго этотъ постъ свыше 16 лѣтъ) былъ назначенъ въ началѣ 1898 г. профессоръ римскаго права Н. П. Боголѣповъ. „Я сознаю — сказалъ онъ въ рѣчи къ чинамъ своего вѣдомства при вступленіи въ должность — что во всѣхъ областяхъ народнаго образованія жизнь выставила требованія усовершенствованій и нововведеній. Но я держусь того мнѣнія, что и тѣ и другія должно производить съ большой осторожностью и постепенностью. Я не сторонникъ радикальной ломки".

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ съ 1897 г. къ

*) Приводимъ даты смѣны министровъ: путей сообщенія — 1894 г.; иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ — 1895 г.; морского — 1896 г.; Императорскаго двора — 1897 г.; военнаго и народнаго просвѣщенія — 1898 г.; госуд. контролера — 1899 г.

И. Л. Горемыкину присоединился товарищъ министра кн. Алексѣй Дм. Оболенскій, включило въ списокъ мѣръ, соотвѣтствующихъ принципу „достройки и ремонта", распространеніе земскихъ учрежденій на тѣ губерніи, гдѣ ихъ еще не было. Прецедентомъ служила такая же мѣра, принятая въ отношеніи судебныхъ уставовъ 1864 г.

Этотъ проектъ вызвалъ сразу же неодобреніе правой печати. „Московскія Вѣдомости" сначала даже опровергли слухъ о немъ. „Гражданинъ" какъ разъ велъ рѣзкую кампанію противъ земства, доказывая, что оно и безполезно, и не по силамъ земскимъ плательщикамъ. „До десяти земствъ проворовалось, — сказалъ мнѣ мой знакомый" (писалъ кн. Мещерскій). — „Слава Тебѣ Господи, сказалъ я съ просіявшей физіономіей и перекрестился. Объ одномъ грущу, что не всѣ 34 проворовались. Теперь не будутъ вводить земства тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не будутъ топить дворянство въ земской лужѣ"...

Тѣмъ не менѣе, И. Л. Горемыкинъ, съ одобренія Государя, внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ введенія земства въ девяти губерніяхъ Западнаго края и въ Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губ. (Въ сторонѣ были пока оставлены три Прибалтійскихъ губерніи й область войска Донского). Въ то же время, тифлисское дворянство ходатайствовало о введеніи земства въ Закавказьѣ. Внесенію проекта предшествовалъ опросъ губернаторсвъ и губернскихъ предводителей дворянства; всѣ они высказались въ пользу введенія земствъ. Въ виду особыхъ мѣстныхъ условій — преобладанія польскаго элемента среди землевладѣльцевъ Западнаго края — существовали опасенія, что земство можетъ быть использовано въ анти-русскихъ цѣляхъ. Поэтому предположено было на первыхъ порахъ не создавать выборныхъ **уѣздныхъ** учрежденій, и въ губернскія собранія ввести нѣкоторое число назначенныхъ гласныхъ (отъ четверти до трети общаго числа). Тутъ же указывалось, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ имѣется достаточное число русскихъ землевладѣльцевъ, могутъ быть введены теперь же и уѣздныя земства.

Параллельно съ этимъ проектомъ, но независимо отъ него, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ обсуждался вопросъ объединенія всего учебнаго дѣла въ рукахъ государства, съ тѣмъ, чтобы впредь не было особыхъ земскихъ школъ. Но считалось необходимымъ, прежде чѣмъ проводить эту мѣру, значительно усилить кредиты на народное образованіе, чтобы реформа эта сопровождалась общимъ подъемомъ школьнаго дѣла; а министерство финансовъ не находило

возможнымъ значительно увеличить кредиты, особенно въ виду неурожайныхъ годовъ и промышленнаго кризиса.

Вопросъ о „достройкѣ“ сѣти земскихъ учрежденій былъ однако оттѣсненъ на задній планъ общественнаго вниманія новыми осложненіями, возникшими въ началѣ 1899 г. Одно изъ нихъ, въ сущности, относилось формально къ той же области — установленія большаго единообразованія учрежденій Россійской имперіи; только въ отличіе отъ земскаго проекта, расширявшаго предѣлы самоуправленія, въ этомъ случаѣ рѣчь шла объ его ограниченіи.

Вопросъ о предѣлахъ компетенціи Финляндскаго сейма былъ унаслѣдованъ Государемъ отъ Его отца, учредившаго по этому поводу особую комиссію. Императоръ Александръ III поручилъ этой комиссіи разработку проекта приведенія закона о воинской повинности въ Финляндіи въ соотвѣтствіе съ русскимъ законодательствомъ. Спорнымъ представлялся вопросъ о томъ, требовалось ли для этого согласіе Финляндскаго сейма.

Финскіе юристы, съ ссылками на слова Императора Александра I на сеймѣ въ Борго и на рядъ заявленій Императора Александра II, доказывали, что основные законы Великаго Княжества Финляндскаго, торжественно подтвержденные Государемъ при Его восшествіи на престолъ, не допускаютъ проведенія новаго проекта воинской повинности безъ согласія мѣстнаго сейма. Видные русскіе ученые, какъ профессора Н. М. Коркуновъ и Н. С. Таганцевъ, полагали, что общеимперская власть сохраняетъ за собою учредительныя права и можетъ отмѣнять рѣшенія, принятыя ею ранѣе.

Когда генералъ-губернаторомъ Финляндіи, на мѣсто гр. Ф. Л. Гейдена, лѣтомъ 1898 г. былъ назначенъ ген. Н. И. Бобриковъ, финское общество насторожилось и пошли слухи о предстоящей отмѣнѣ финской конституціи. (Въ этомъ вопросѣ изъ русскихъ газетъ умѣренное „Новое Время“ было настроено гораздо рѣшительнѣе „Гражданина“).

Финляндскій сеймъ собрался въ январѣ 1899 г.; ему былъ представленъ законопроектъ, распространяющій на Финляндію, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, русскій воинскій уставъ. Финляндское войско насчитывало около 10.000 человѣкъ, и по мѣстнымъ законамъ должно было служить только въ предѣлахъ края; по новому проекту, численность войска увеличивалась примѣрно въ полтора раза, и финскіе граждане могли быть отправлены къ отбыванію воинской повинности въ другія части имперіи (въ Россіи, какъ впрочемъ и во Фран-

ціи, было принято, чтобы призывные отбывали воинскую повинность не въ тѣхъ губерніяхъ, изъ коихъ они родомъ). Сеимъ передалъ проектъ въ комиссію.

Вопросъ объ увеличеніи численности имперскихъ вооруженныхъ силъ на 5—6.000 человѣкъ не представлялъ самъ по себѣ чрезвычайной важности. На этомъ вопросѣ однако столкнулись два различныхъ юридическихъ воззрѣнія на природу отношеній между Россіей и Финляндіей.

Государь не отрицалъ того, что по прежнему установленному порядку согласіе финляндскаго сейма считалось необходимымъ, но Онъ полагалъ, что обладаетъ учредительной властью, дающей Ему право измѣнить этотъ порядокъ. „Получили мы съ Вами наслѣдство въ видѣ уродливаго криво выросшаго дома — писалъ Государь ген. Н. И. Бобрикову — и вотъ выпала на насъ тяжелая работа — перестроить это зданіе или скорѣе флигель его, для чего, очевидно, нужно рѣшить вопросъ: не рухнетъ ли онъ (флигель) при перестройкѣ? Мнѣ думается, что нѣтъ, не рухнетъ, лишь бы были примѣнены правильные способы по замѣнѣ нѣкоторыхъ устарѣвшихъ частей новыми, по укрѣпленію всѣхъ основъ надежнымъ образомъ“.

3/15 февраля 1899 г. былъ изданъ Высочайшій манифестъ: „Независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства, вытекающихъ изъ особенностей ея общественнаго строя, — говорилось въ немъ, — въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, каковые по тѣсной связи съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества... Оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства“.

Одновременно съ манифестомъ были изданы „Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ В. К. Финляндскаго“. Законы эти должны были издаваться Императорской властью, причемъ, въ отличіе отъ законовъ къ Финляндіи не относящихся, требовались предварительныя заключенія высшихъ административныхъ органовъ Финляндіи, а также и Финляндскаго сейма; эти заключенія носили однако лишь **совѣщательный** характеръ. Разграниченіе сферы общегосударственнаго законодательства и мѣстныхъ узаконеній, требующихъ **согласія** сейма, предоставлялось также Императорской власти.

„Новое Время", привѣтствуя изданіе манифеста, писало: „Новый законъ при всей своей многообъемливости не коснулся автономіи края и ни на одну іоту не уменьшилъ т. н. финляндской конституціи. Что въ вопросахъ общеимперскихъ мѣстный сеймъ не можетъ имѣть рѣшающаго голоса — это должны понять самые притязательные изъ финляндскихъ государственниковъ"...

Въ Финляндіи этотъ манифестъ вызвалъ, однако, чрезвычайное волненіе. Даже Сенатъ, состоящій изъ лицъ назначенныхъ Государемъ, едва не отказался распубликовать его, — 10 голосовъ было противъ, 10 голосовъ за, и только голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ въ пользу распубликованія. Въ то же время и Сенатъ, и Сеймъ постановили обратиться къ Государю съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ манифеста 3-го февраля.

„Финскій народъ, — говорилось въ обращеніи Сейма, — безъ различія, какъ высшіе, такъ и низшіе, вынужденъ видѣть въ этомъ пренебреженіе его конституціонными правами, котораго, насколько извѣстно народу, онъ не заслужилъ какими либо дѣйствіями".

Среди финскаго населенія тотчасъ же начался сборъ подписей подъ массовой петиціей Государю съ тою же просьбой. Въ нѣсколько дней было собрано свыше 500 тыс. подписей. Депутація въ пятьсотъ человѣкъ должна была отвезти петицію въ С.-Петербургъ; для участія въ ней были выбраны большею частью старики пасторы или крестьяне. Въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ происходили демонстраціи протеста, принявшія форму поклоненія памяти Императора Александра II: его портреты въ траурныхъ рамкахъ выставлялись въ окнахъ; у подножія его статуи на площади передъ Сенатомъ въ Гельсингфорсѣ нагромождались горы вѣнковъ.

Сеймъ, которому было предложено, по новому закону, дать свой отзывъ о воинскомъ уставѣ, поручилъ своимъ комиссіямъ продолжать его обсужденіе на основѣ прежнихъ законовъ, внося поправки въ правительственный проектъ.

Государь былъ возмущенъ проявленной оппозиціей и счелъ сперва, что, какъ и въ Россіи, протесты исходили только отъ „политиканствующаго меньшинства".

„Объявите участникамъ депутаціи въ 500 человѣкъ, — писалъ Онъ (5 марта) статсъ-секретарю по дѣламъ Финляндіи, Прокопе, — что Я ихъ разумѣется не приму, хотя и не сердитъ на нихъ, потому что они не виноваты... Я вижу въ этомъ недобрыя поползновенія со стороны высшихъ круговъ Финляндіи посѣять недовѣріе между добрымъ народомъ Моимъ и Мною".

Въ своихъ инструкціяхъ Н. И. Бобрикову Государь указывалъ, что не предполагаетъ никакой ломки мѣстнаго уклада жизни; нужно нѣкоторое расширеніе власти генералъ-губернатора, переустройство жандармеріи и полиціи: „Разрѣшивъ эти дѣла, — покончивъ съ военнымъ закономъ, — мнѣ кажется, можно будетъ удовлетвориться достигнутыми результатами: Финляндія будетъ достаточно закрѣплена за Россіей".

Но конфликтъ получилъ принципіальный характеръ; дѣло было не въ томъ, какіе законы будутъ изданы, а въ порядкѣ ихъ изданія: населеніе Финляндіи привыкло, за нѣсколько десятилѣтій, считать законнымъ опредѣленный порядокъ вещей; этотъ порядокъ былъ подтвержденъ тремя послѣдними Императорами, — даже если отрѣшиться отъ первоначальныхъ обѣщаній Императора Александра I (при Императорѣ Николаѣ I сеймъ не былъ ни разу созванъ). Государь, быть можетъ, впервые почувствовалъ трагичность этого конфликта, когда статсъ-секретарь Прокопе (въ личной преданности котораго Онъ не сомнѣвался) разрыдался въ Его кабинетѣ и сталъ умолять, чтобы Государь не запрещалъ финляндскому населенію присылать петиціи на Высочайшее Имя. Государь внялъ этой просьбѣ Прокопе, но общее направленіе политики въ финляндскомъ вопросѣ осталось прежнимъ.

Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что попытка установить болѣе тѣсное единство между Россіей и Финляндіей при помощи внѣшняго сближенія учрежденій на практикѣ привела къ обратнымъ результатамъ: она создала единеніе между финскими и шведскими элементами края и породила сепаратизмъ, котораго ранѣе не было. Если юридическая сторона вопроса осталась спорной, и отмѣна конституціи, дарованной свыше, едва ли можетъ почитаться незаконнымъ актомъ въ случаѣ возникшей государственной необходимости, — то со стороны цѣлесообразности этотъ шагъ во всякомъ случаѣ оказался пагубнымъ и вмѣсто закрѣпленія Финляндіи за Россіей способствовалъ ея отчужденію.

Финляндскій вопросъ явился за границею поводомъ для газетной кампаніи противъ Россіи, причемъ иные даже утверждали, что проектъ увеличенія финскаго войска (на 5 тыс. человѣкъ) противорѣчитъ принципамъ ноты 12 августа о сокращеніи вооруженій. Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ возникали послѣ пріѣзда Государя въ Варшаву нѣкоторыя надежды на самоуправленіе по образцу Финляндіи, манифестъ 3-го февраля также произвелъ расхолаживающее впечатлѣніе.

Русское общество, по своему обыкновенію, стало и въ финляндскомъ вопросѣ на оппозиціонную точку зрѣнія. Но эти событія весьма скоро отступили для него на заднiй планъ передъ внезапно вспыхнувшими студенческими волненіями до сихъ поръ еще невиданной силы и длительности.

По своему составу русское студенчество было всегда гораздо „демократичнѣе", нежели въ демократіяхъ Западной Европы. Въ университеты поступали тысячами представители несостоятельныхъ круговъ. Государство широко этому содѣйствовало. Такъ, произведенное въ 1899 г.—1900 г. обслѣдованіе матеріальнаго положенія студенчества Московскаго Университета, наиболѣе многолюднаго и едва ли бѣднѣйшаго по составу слушателей, показало, что на 4.000 студентовъ здѣсь было около 2.000 неимущихъ, которые освобождены отъ платы за ученіе, а около 1.000 человѣкъ изъ нихъ кромѣ того получаетъ стипендію различнаго размѣра; всего въ годъ на это тратилось около полумилліона рублей *). Въ другихъ университетахъ картина была, примѣрно, та же. Такой составъ студенчества, съ преобладаніемъ „интеллигентнаго пролетаріата" (а то и полуинтеллигентнаго) отличался природной склонностью къ радикальнымъ теченіямъ, и никакія внѣшнія мѣры, вродѣ свидѣтельства о благонадежности или строгаго надзора со стороны полиціи, не измѣняли этого основного факта. Отсутствіе легальныхъ студенческихъ организацій только оставляло свободную почву для нелегальныхъ, а развитое въ учащейся молодежи естественное чувство товарищества создавало значительныя затрудненія для власти при борьбѣ съ революціонными элементами въ университетахъ.

Послѣ вспышки осенью 1896 г., пять семестровъ прошли въ университетахъ спокойно, и только въ Кіевѣ къ концу 1898 г. происходили небольшія волненія въ связи съ протестами польскихъ студентовъ противъ торжествъ открытія памятника въ Вильнѣ М. Н. Муравьеву, подавившему польское возстаніе 1863 г. въ Западномъ краѣ (тому самому, котораго интеллигенція, съ польскихъ словъ, называла „вѣшателемъ", и о комъ великій русскій поэтъ Ф. И. Тютчевъ написалъ: „Не много было-бъ у него враговъ — Когда бы не твои, Рос-

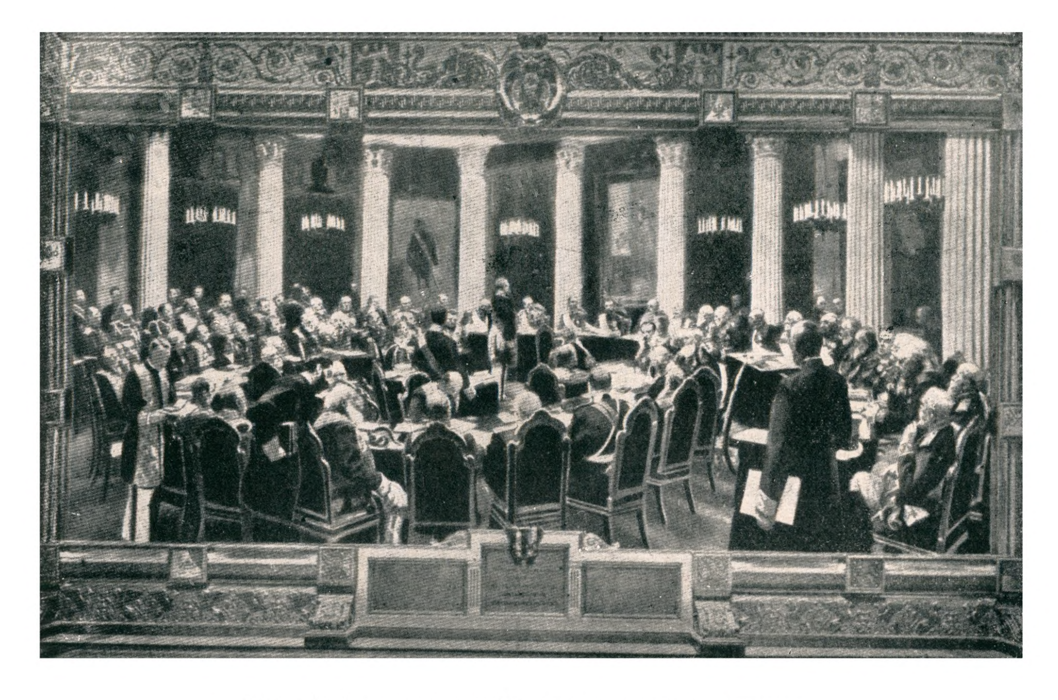
*) Вотъ точныя цифры: на 4,017 студентовъ, 1957 освобождены отъ платы, а 874 получаютъ стипендіи. На оказаніе помощи отпущено 419.070 рублей, не считая стоимости содержанія студентовъ въ Ляпинскомъ общежитіи и другихъ „суммъ, не поддающихся учету" (Докладъ комиссіи профессоровъ Московскаго университета о причинахъ студенческихъ волненій, 1901 г.).

сія"). Но ничто во внѣ не предвѣщало тѣхъ событій, которыя внезапно разразились по случайному поводу.

8 февраля 1899 г. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ происходилъ обычный торжественный актъ. Ректоръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, вывѣсилъ передъ тѣмъ объявленіе, въ которомъ указывалось, что въ другіе годы студенты нѣсколько разъ, по окончаніи акта, учиняли безпорядки, врываясь группами въ рестораны, въ театры и т. д., нерѣдко въ пьяномъ видѣ; ректоръ ставилъ студентамъ на видъ, что такіе поступки недопустимы, и предупреждалъ ихъ, что полиція прекратитъ всякое нарушеніе порядка „во что бы то ни стало". Многіе студенты сочли это воззваніе оскорбительнымъ. Въ то же время, ходили смутные слухи о готовящихся демонстраціяхъ.

Во время акта студенты освистали ректора, не давъ ему говорить, а затѣмъ стали расходиться. Полиція заградила проходы къ Биржевому и къ Дворцовому мосту, и студенты, волей неволей, направились толпой по набережной къ Николаевскому мосту. Когда конные полицейскіе хотѣли раздѣлить толпу, студенты ихъ не пропустили и стали въ нихъ бросать снѣжками и разными случайными предметами; одинъ снѣжокъ попалъ прямо въ лицо полицейскому офицеру. Тогда полицейскіе двинулись на толпу и разсѣяли ее ударами нагаекъ. Сколько нибудь серьезно пострадавшихъ при этомъ столкновеніи не было.

Не только среди студентовъ, но и у многихъ очевидцевъ получилось впечатлѣніе, что весь инцидентъ былъ созданъ неумѣлыми полицейскими распоряженіями, вызвавшими то самое скопленіе студентовъ, которое затѣмъ пришлось разсѣивать силой. Для революціонныхъ организацій возникшее по этому поводу возмущеніе было желаннымъ предлогомъ для начала серьезной борьбы. Вечеръ 8-го февраля и состоявшіяся въ тотъ день студенческія вечеринки прошли спокойно. Но со слѣдующаго дня въ Университетѣ стала развиваться усиленная агитація. Доказывали, что студенчеству нанесено оскорбленіе; приравнивали разгонъ толпы на улицѣ къ тѣлесному наказанію (къ которому русское общество питало болѣзненное отвращеніе); говорили о необходимости протеста. На сходкѣ, затянувшейся на два дня (9—10 февраля), присутствовало около половины всѣхъ студентовъ (до 2.000 человѣкъ). Отвергнуты были предложенія о принесеніи жалобы въ судъ на дѣйствія полиціи, а также о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя: эти рѣшенія не давали бы дальнѣйшей пищи для безпорядковъ. Восторжествовало предложеніе о прекращеніи занятій. Въ резолюціи говорилось о „насиліи, унижающемъ достоинство,

Засѣданіе Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ
Императора Николая II.
(7 Мая 1901 г.)

которое преступно даже въ примѣненіи къ самому темному и безгласному слою населенія". — „Мы объявляемъ, — заявлялось далѣе, — С.-Петербургскій Университетъ закрытымъ и прекращаемъ хожденіе на лекціи, и, присутствуя въ Университетѣ, препятствуемъ кому бы то ни было ихъ посѣщать... Мы продолжаемъ этотъ способъ обструкціи, пока не будутъ удовлетворены наши требованія: 1) опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ инструкцій, которыми руководствовались полиція и администрація въ отношеніи студентовъ, и 2) гарантіи физической неприкосновенности нашей личности". — Эти требованія были составлены весьма умѣло: въ нихъ какъ будто не было ничего „политическаго", и въ то же время всегда было возможно сказать, что они не выполнены. Ибо что могла значить „гарантія?" Если рѣчь шла о неосновательномъ, беззаконномъ насиліи — оно запрещалось и безъ того; противъ него надлежало обращаться въ судъ. Если же рѣчь шла о противодѣйствіи запрещеннымъ дѣяніямъ — какое правительство могло бы дать гарантію, что полиція впредь будетъ стоять пассивно подъ градомъ — уже не снѣжковъ, а,скажемъ, камней?

Ректоръ В. И. Сергѣевичъ мужественно явился 10 февраля на сходку. „Я буду обвинять васъ, — говорилъ онъ, — передъ вашимъ здравымъ смысломъ. Дѣйствовать можно только надѣясь на успѣхъ. Требовать можно чего угодно — хотя бы райскихъ птицъ, только онѣ не выживутъ въ нашемъ климатѣ... Вы объявили, что будете мѣшать чтенію лекцій. Начальство, такимъ образомъ, упраздняется. Въ университетѣ создается временное правительство. Всѣ возмущены этимъ поводомъ. Случается, что полиція перехватитъ черезъ край въ своемъ служебномъ усердіи... Но революція въ закрытомъ помѣщеніи — нелѣпость. Вы читали правила при поступленіи въ университетъ, вы дали слово ихъ исполнять".

На слова ректора вниманія не обратили. 11-го февраля въ Университетѣ началась обструкція на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ, не пожелавшихъ подчиниться постановленію сходки. На слѣдующій день, 12 февраля, движеніе перекинулось на другія учебныя заведенія. Былъ брошенъ лозунгъ: „студентовъ, вашихъ товарищей, избиваютъ!". Въ одинъ день забастовали Высшіе Женскіе Курсы, Военно-Медицинская Академія, Горный, Лѣсной, Электротехническій Институты, Академія Художествъ, и только въ недавно открытомъ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ нашлось смѣлое меньшинство не пожелавшее подчиниться насилію. Всюду выставлялось то же туманное, но эффектное требованіе „гарантій". Созданъ былъ организаціонный комитетъ для руководства забастовкой. 15 февраля дви-

женіе распространилось на Москву, гдѣ прекратились занятія во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 17-го — въ Кіевѣ, Харьковѣ — движеніе захватило всѣ русскіе университеты. Быстрота распространенія забастовки была тѣмъ болѣе примѣчательна, что въ печати до 21 февраля объ этомъ не появилось ни строки. Газеты писали о скоропостижной кончинѣ президента Ф. Фора, о попыткѣ Дерулэда вызвать военный переворотъ, но о забастовкѣ писать не разрѣшалось.

Мѣстами не обходилось безъ борьбы... „Въ Кіевѣ, — сообщалось въ бюллетеняхъ Организаціоннаго Комитета, — обструкція приняла рѣзкій характеръ благодаря упорному противодѣйствію меньшинства“ *)...

Общество въ большинствѣ стало на точку зрѣнія студентовъ. Рядъ видныхъ профессоровъ С.-Петербургскаго Университета обратилось къ министру Народнаго Просвѣщенія съ протестомъ противъ дѣйствій полиціи въ день 8 февраля. Но и въ правительственной средѣ царили разногласія. Дѣйствія полиціи даже нѣкоторые министры называли „не вполнѣ тактичными“. Академики А. С. Фаминцынъ и Н. Н. Бекетовъ (старый учитель Государя) добились Высочайшей аудіенціи и освѣдомили Императора, со своей точки зрѣнія, о причинахъ возмущенія студентовъ, утверждая, что политика тутъ не при чемъ. Государь запросилъ мнѣнія министровъ и большинство высказалось въ пользу созданія особой слѣдственной комиссіи. Возражали, впрочемъ, какъ разъ наиболѣе заинтересованные министры — Н. П. Боголѣповъ, И. Л. Горемыкинъ, А. Н. Куропаткинъ. Военный министръ, который лично бесѣдовалъ со студентами Военно-Медицинской Академіи, говорилъ имъ, что забастовку проводитъ „та темная, чуждая наукѣ политическая сила, которая, сама оставаясь въ сторонѣ, быть можетъ, руководитъ всѣмъ“.

21 февраля въ газетахъ появилось сообщеніе: „Государь Императоръ повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее обслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ и затѣмъ распространившихся на другія учебныя заведенія, и о результатахъ сего разслѣдованія представить на Высочайшее благовоззрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Ве-

*) Какими пріемами добивались единодушія, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Шульгинъ, въ то время — правый студентъ Кіевскаго Университета: раздавались фотографіи, изображавшія „звѣрства полиціи“, причемъ сколько нибудь опытный глазъ могъ сразу различить, что фотографіи эти сняты съ **рисунковъ!**

личеству благоугодн. было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ обыденнаго порядк остается на обязанности главныхъ начальниковъ сихъ заведеній"

Значеніе этого шага еще увеличивалось тѣмъ, что ген. Ванновскому, бывшему военному министру, молва приписывала весьма рѣзкіе отзывы о дѣйствіяхъ полиціи въ дѣлѣ 8 февраля. Государь пожелалъ отнестись къ учащейся молодежи съ довѣріемъ, поручилъ расположенному къ ней человѣку разборъ причинъ ея недовольства и возлагалъ возстановленіе порядка въ высшей школѣ на учебное начальство, обычно болѣе мягкое, а не на внѣшніе административные органы.

Казалось бы, студенты добились большаго, чѣмъ сами могли ждать. Организаціонный Комитетъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ продолжать забастовку, заявляя, что назначеніе разслѣдованія „не даетъ еще никакихъ гарантій". Въ Кіевскомъ университетѣ бастующіе студенты обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ, заявляя, что уже „добились уступокъ", но будутъ продолжать борьбу.

Общество никакъ не отозвалось на примиряющій шагъ Государя. Забастовкѣ продолжали сочувствовать. Противъ нея отважился выступить только редакторъ „Новаго Времени" А. С. Суворинъ, написавшій: „Если бы правительство предоставило настоящую стачку молодежи ея естественному теченію, т. е. сказало бы „не хотите учиться — не учитесь", то оно не себѣ бы повредило и не своей высшей школѣ, а поставило бы учащуюся молодежь въ печальное положеніе, оставивъ ее безъ образованія и безъ того поприща общественной дѣятельности, на которое она расчитывала". На „Новое Время" за эти строки обрушились чуть не всѣ прочіе органы печати; многолѣтніе подписчики газеты отказались отъ ея полученія; не безъ гордости А. С. Суворинъ потомъ писалъ, что отвлекъ на себя всѣ громы общества.

Забастовка вступила въ новую фазу. Въ учебныхъ заведеніяхъ велась внутренняя борьба за ея прекращеніе. Администрація, въ виду перемѣны обстановки, разрѣшила вернуться почти всѣмъ высланнымъ за участіе въ безпорядкахъ. Военно-Медицинская Академія съ 21 февраля дѣйствительно приступила къ занятіямъ и болѣе ихъ не прерывала. Когда, послѣ масленичныхъ каникулъ, университеты снова открылись, въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ большинствомъ голосовъ было рѣшено прекратить забастовку. Въ Харьковѣ и Казани забастовка также окончилась. Но въ Кіевѣ „союзный совѣтъ" постановилъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ выразить порицаніе петербург-

скимъ студентамъ; обструкція продолжалась; во главѣ борьбы съ нею стала организованная русскими студентами „партія націоналистовъ“. Крайніе элементы, раздраженные сопротивленіемъ, прибѣгли къ физическому насилію: 9 марта въ Кіевскомъ университетѣ произошло настоящее побоище; сражались мебелью и лабораторными принадлежностями. Тогда 10 марта, было рѣшено уволить всѣхъ студентовъ и принимать ихъ обратно съ извѣстнымъ разборомъ (принято было 2.181 человѣкъ изъ 2.425).

Кіевскія событія и воззванія „союзнаго совѣта“ дали новый толчекъ забастовкѣ. Крайніе снова апеллировали къ чувству товарищеской солидарности — „товарищей избиваютъ, товарищей исключаютъ“. Въ С.-Петербургѣ 18 марта собралась сходка, постановившая возобновить обструкцію. То же произошло въ Москвѣ, въ Одессѣ. Этотъ послѣдній періодъ забастовки былъ самымъ острымъ и озлобленнымъ. Обструкція принимала рѣзкія формы. Ея сторонники не считались съ волей большинства: въ Горномъ институтѣ, напримѣръ, большинство на сходкѣ высказалось противъ обструкціи, но она все-таки примѣнялась. Въ столовой С.-Петербургскаго Университета обосновался забастовочный центръ, дававшій инструкціи и печатавшій бюллетени о ходѣ забастовки.

Къ концу марта выяснилось, что учебное начальство и умѣренные элементы студенчества совершенно безсильны передъ организованной обструкціей. Полиція въ дѣло не вмѣшивалась. Движеніе распространилось на Варшавскій и Рижскій политехническіе институты. Увольненіе и обратный пріемъ по прошеніямъ ни къ чему не приводили: забастовочный комитетъ далъ приказъ подписывать все, что угодно, но продолжать обструкцію. Къ концу марта, почти всѣ высшія учебныя заведенія были закрыты до осени, и только экзамены — также объявленные подъ бойкотомъ — кое-гдѣ все-таки производились. Правительственное сообщеніе 2 апрѣля подвело итоги этихъ бурныхъ двухъ мѣсяцевъ.

Опытъ этой забастовки произвелъ большое впечатлѣніе на Государя. Онъ началъ съ того, что пошелъ студентамъ навстрѣчу, но долженъ былъ убѣдиться въ наличіи злой воли, въ безспорно политической подкладкѣ движенія. Комиссія ген. Ванновскаго, возникшая на предпосылкѣ законныхъ требованій студенчества, продолжала свои работы — но окончила она ихъ уже въ совершенно новой обстановкѣ. Она признала, что полиція дѣйствовала правильно 8 февраля; но этотъ поводъ былъ теперь почти забытъ; она вынесла рядъ предложеній о предоставленіи студентамъ большей свободы — но

университеты были закрыты вслѣдствіе насилія радикальныхъ элементовъ и пассивности умѣренныхъ.

24 мая было опубликовано правительственное сообщеніе, отчасти основанное на работахъ комиссіи ген. Ванновскаго. Въ немъ указывалось, что событія 8 февраля — столкновеніе, сопровождавшееся обоюдными насильственными дѣйствіями, начатыми студентами и вызвавшими отпоръ небольшого отряда конной полиціи (38 человѣкъ) „посредствомъ примѣненія, безъ особой необходимости, одной изъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія на толпу". Объясняя дальнѣйшіе безпорядки вліяніемъ крайнихъ, на сходкахъ увлекшихъ за собой толпу, сообщеніе далѣе гласило: „Изслѣдованіе показало, что и въ самомъ строѣ высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ общія причины, содѣйствующія развитію безпорядковъ". Причины эти перечислялись: разобщенность студентовъ между собою и съ профессорами, скученность студентовъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, отсутствіе надзора за учебными занятіями.

Но въ резолютивной части уже проявлялись выводы изъ второго періода забастовки: Государь соизволилъ 1) объявить неудовольствіе ближайшему начальству и учебному персоналу; министры должны принять мѣры внушенія, и если нужно — строгости; 2) чинамъ полиціи — поставить на видъ неумѣлыя и несоотвѣтственныя предварительныя распоряженія; 3) „не подлежитъ извиненію поведеніе студентовъ и слушателей, забывшихъ о долгѣ повиновенія и соблюденія предписаннаго порядка... Никто изъ нихъ не можетъ и не долженъ уклоняться отъ обязанности трудиться и пріобрѣтать познанія, нужныя для пользы отечества".

„Къ прискорбію, говорилось въ заключеніе, во время происходившихъ смутъ мѣстное общество не только не оказало содѣйствія усиліямъ правительственныхъ властей..., но во многихъ случаяхъ само содѣйствовало безпорядкамъ, возбуждая одобреніемъ взволнованное юношество и дозволяя себѣ неумѣстное вмѣшательство въ сферу правительственныхъ распоряженій. Подобныя смуты на будущее время не могутъ быть терпимы и должны быть подавлены безъ всякаго послабленія строгими мѣрами правительства".

Чествованіе 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина — состоявшееся какъ разъ на слѣдующій день послѣ опубликованія этого сообщенія — много проиграло если не во внѣшнемъ блескѣ, то въ задушевности и искренности оттого, что оно попало въ моментъ такого остраго политическаго расхожденія между властью и обществомъ. „Почему на праздникѣ почти отсутствовала литература, и по-

чему общество проявило не достаточно много воодушевленія?" спрашивала „Русская Мысль" и дипломатично отвѣчала: „Отвѣтъ — въ условіяхъ развитія общественности за послѣднее двадцатилѣтіе".

По случаю Пушкинскаго юбилея былъ учрежденъ разрядъ изящной словесности при Императорской Академіи Наукъ, имѣвшій право избирать почетныхъ академиковъ изъ числа выдающихся русскихъ писателей *).

Лѣтомъ 1899 г., въ глухое каникулярное время, были опубликованы тѣ мѣры, которыя возвѣщались правительственнымъ сообщеніемъ 24 мая. Были приняты во вниманіе и предложенія комиссіи ген. Ванновскаго, — но также и выводы изъ упорной обструкціи. Циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія отъ 21 іюля, для устраненія разобщенности студентовъ, рекомендовалось общеніе на почвѣ учебныхъ потребностей, устройство практическихъ занятій на всѣхъ факультетахъ, учрежденіе научныхъ и литературныхъ кружковъ подъ руководствомъ преподавателей и открытіе студенческихъ общежитій; наоборотъ всякія реформы обще-студенческаго представительства — курсовые или факультетскіе старосты признавались не только излишними, но и вредными.

Въ то же время, совѣщаніе шести министровъ **) выработало „временныя правила" объ отбываніи воинской повинности студентами, исключенными изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ. Эта мѣра была выдвинута С. Ю. Витте; въ защиту ея указывалось, что воинская дисциплина должна оказать воспитывающее дѣйствіе на студентовъ. Всего энергичнѣе возражалъ А. Н. Куропаткинъ: ему не нравилась мысль о томъ, что армія какъ бы превращалась въ арестантскія роты.

Согласно этимъ „временнымъ правиламъ", особыя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа должны были рѣшать вопросъ о томъ, кто изъ студентовъ долженъ быть исключенъ, на какой срокъ (одинъ, два или три года). На это время исключенные опредѣлялись въ войска, хотя бы они и не подлежали призыву; физически не пригодные зачислялись на нестроевыя должности. За ис-

*) Первыми почетными академиками (въ январѣ 1900 г.) были избраны: „К. Р.", гр. Л. Н. Толстой, А. А. Потѣхинъ, В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ, А. М. Жемчужниковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. С. Соловьевъ и А. Ф. Кони. Избранъ былъ въ 1902 г. и М. Горькій, но избраніе его было аннулировано, такъ какъ онъ состоялъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ.

**) Народнаго просвѣщенія (Н. П. Боголѣповъ), внутреннихъ дѣлъ (И. Л. Горемыкинъ), земледѣлія (А. С. Ермоловъ), финансовъ (С. Ю. Витте), военный (А. Н. Куропаткинъ), и управляющій мин. юстиціи (П. М. Бутовскій).

правную службу въ рядахъ войскъ, срокъ ея могъ быть сокращенъ; студенты затѣмъ могли вернуться въ свое учебное заведеніе.

Принимая во вниманіе указанія комиссіи ген. Ванновскаго о переполненіи нѣкоторыхъ университетовъ, для перваго курса всѣхъ университетовъ и факультетовъ были установлены комплекты, сверхъ которыхъ студенты не могли приниматься. Комплекты эти были исчислены въ соотвѣтствіи съ средней цифрой общаго числа поступленій; увеличивалось число вакансій въ провинціальныхъ университетахъ за счетъ столичныхъ.

Наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія отрѣшилъ отъ преподаванія въ С.-Петербургскомъ университетѣ нѣсколько профессоровъ, оказавшихъ, по его мнѣнію, попустительство студенческимъ волненіямъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ отразилось глубокое разочарованіе, вызванное у Государя отношеніемъ студенчества и общества къ Его великодушному жесту, назначенія комиссіи ген. Ванновскаго.

Считая, что обсужденіе этого вопроса въ печати только разжигаетъ страсти, правительство строго слѣдило за періодической печатью и только консервативные органы имѣли возможность болѣе открыто высказать свое мнѣніе. Это вызвало со стороны кн. С. Н. Трубецкого своеобразный откликъ въ философскомъ журналѣ. Князь приводилъ цитату изъ книги пророка Исаіи о запустѣніи въ землѣ Едемской *) и заключалъ: „Завываніе шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ и змѣиное шипѣнье — вотъ что сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово... Мнѣніе этихъ звѣрей по вопросамъ внутренней политики достаточно извѣстно... Они говорятъ о тишинѣ и порядкѣ, какъ будто та распущенная звѣриная вольница, въ которой шакалы и дикія кошки перестаютъ бояться человѣка и бросаются на случайныхъ прохожихъ, есть порядокъ, и какъ будто тишина пустыни, населенной звѣрьми, есть спокойствіе благоустроеннаго общества".

На эту статью въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостьяхъ", игравшихъ въ ту пору трудную роль „центра", отозвался поэтъ-философъ кн. Д. Н Цертелевъ: „Печать — писалъ онъ — давно перестала быть орудіемъ просвѣщенія и превратилась въ способъ наживы и неразборчивой борьбы политическихъ партій... Много ли слышится во французской печати человѣческихъ голосовъ, среди концерта шакаловъ и дикихъ кошекъ? Полная свобода печати была бы гарантіей противъ

*) Книга пророка Исаіи, XXXIV, 11—15.

цензурнаго произвола, но искать въ ней возможности слышать человѣческіе голоса вмѣсто звѣриной какофоніи — все равно, что изъ страха дождя бросаться въ рѣку. Никакой Демосфенъ не въ силахъ перекричать ни дикой кошки, ни домашняго осла, когда они находятъ публику, желающую ихъ слушать".

Слова кн. С. Н. Трубецкого о „шакалахъ и дикихъ кошкахъ" съ одобрительными примѣчаніями обошли всю русскую печать.

Въ этой быстро измѣнившейся обстановкѣ суждено было выпасть рѣшенію по важному вопросу русской внутренней политики: объ отношеніи власти къ земскому самоуправленію. Проектъ введенія земства въ Западномъ краѣ и другихъ четырехъ губерніяхъ, выдвинутый Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ взятъ „подъ усиленный обстрѣлъ" въ высшихъ правительственныхъ кругахъ.

Было естественно, что отрицательный отзывъ о проектѣ далъ К. П. Побѣдоносцевъ, написавшій: „нетрудно представить себѣ, какой отсюда послѣдуетъ вредъ для русскаго дѣла и для существенныхъ интересовъ русской власти въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ". Но не менѣе опредѣленнымъ образомъ противъ проекта высказался и министръ финансовъ С. Ю. Витте, роль котораго въ этомъ вопросѣ представляется нѣсколько загадочной.

Этотъ принципіальный споръ, эта „тяжба передъ престоломъ", арбитромъ котораго явился Государь, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Она показываетъ, на какомъ высокомъ государственномъ уровнѣ велась эта историческая полемика; она интересна и по существу.

Министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ политики первыхъ годовъ царствованія Императора Николая II, считалъ, что „надлежитъ, не торопясь и не увлекаясь внѣшней логичностью той или иной предлагаемой системы, итти прежнимъ, хотя и медленнымъ, но несравненно болѣе вѣрнымъ путемъ постепеннаго совершенствованія существующихъ учрежденій". Въ ряду „существующаго" не послѣднее мѣсто занимало и земство, хорошо знакомое И. Л. Горемыкину по личному опыту.

„Сомнѣнія въ соотвѣтствіи началъ мѣстнаго самоуправленія основаніямъ государственнаго уклада Россіи, краеугольнымъ камнемъ коего является политическое самодержавіе, сосредоточенное въ лицѣ Царя, ни съ кѣмъ не раздѣляющаго полноты своей власти, равносильно сомнѣнію въ правомѣрности всего почти административнаго строя Россіи", писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Ссылаясь на русскихъ мыслителей славянофиловъ и на иностранные авторитеты, онъ

доказывалъ, что мѣстное самоуправленіе вполнѣ совмѣстимо съ неограниченной монархической властью; что Россія искони привыкла къ различнымъ видамъ самоуправленія, отъ сельскихъ сходовъ до инородческихъ учрежденій, что противорѣчія между властью и органами мѣстнаго самоуправленія могутъ быть устраняемы въ порядкѣ частныхъ поправокъ; въ отношеніи земствъ уже многое было сдѣлано закономъ 1890 г., а для Западнаго края возможны и дальнѣйшія поправки.

Но по существу И. Л. Горемыкинъ открыто исповѣдывалъ идею полезности земскихъ учрежденій. Самоуправленіе, писалъ онъ, развиваетъ въ народѣ самодѣятельность, даетъ ему „навыкъ и инстинктъ организаціи, который является единственно слѣдствіемъ долгой привычки къ самоустройству и самоопредѣленію"; полное же подавленіе въ обществѣ самодѣятельности, полное упраздненіе всѣхъ видовъ самоуправленія, обратитъ его въ „обезличенныя и безсвязныя толпы населенія" въ „людскую пыль".

Въ отвѣтъ на эту записку, С. Ю. Витте лѣтомъ 1899 г. представилъ свой извѣстный трактатъ о „Самодержавіи и земствѣ" *). Въ немъ онъ стремился доказать, что никакое выборное мѣстное самоуправленіе несовмѣстимо съ самодержавнымъ строемъ. Уже очень рано было замѣчено, что доводы Витте представляются обоюдоострыми и что, доказывая несовмѣстимость общественной самодѣятельности съ неограниченной монархической властью, онъ давалъ сильный доводъ въ руки оппозиціоннымъ кругамъ: недаромъ записка Витте была впервые опубликована въ Штуттгартѣ редакціей „Освобожденія", заграничнаго органа конституціоналистовъ.

Но записка, во всякомъ случаѣ, построена такъ, точно догматъ незыблемости самодержавія стоитъ внѣ спора; и съ этой точки зрѣнія доказывается, что всесословные органы самоуправленія во всѣхъ странахъ сочетаются съ народнымъ представительствомъ. С. Ю. Витте было нетрудно найти въ исторіи русскаго земства отъ первыхъ его дней по данный моментъ, цѣлый рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о неизмѣнномъ желаніи земства расширить свои права, о послѣдовательной борьбѣ правительства съ этой тенденціей.

„Я не составляю обвинительнаго акта противъ земствъ на основаніи собранныхъ противъ нихъ уликъ и доказательствъ", писалъ С. Ю. Витте, но въ дальнѣйшемъ приводилъ цѣлый рядъ земскихъ адресовъ

*) Насколько извѣстно, составленіе этой записки было поручено А. Н. Гурьеву, ближайшему сотруднику Витте, молодому экономисту, уже игравшему роль при проведеніи валютной реформы.

Проектъ распространенія земства на дальнѣйшія губерніи былъ оставленъ. Болѣе того: его авторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, указомъ 20 октября былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта — почетная форма отставки — а управляющимъ министерствомъ былъ назначенъ Д. С. Сипягинъ, завѣдующій канцеляріей по пріему прошеній на Высочайшее имя.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдающее, въ числѣ прочихъ дѣлъ, и полиціей, не пользовалось симпатіей общества; этой непопулярности „по должности" не избѣжалъ и Горемыкинъ, отставка котораго была встрѣчена съ нѣкоторымъ сдержаннымъ злорадствомъ.

Что значили эти смѣны? спрашивали въ то же время газеты. „Новое Время" писало, что „министры у насъ не дѣлаютъ политики" и „совершившаяся перемѣна не даетъ основаній говорить о ея программной подкладкѣ". Наоборотъ „Гражданинъ" вкладывалъ въ происшедшую перемѣну большой политическій смыслъ: „Тотъ фактъ, что назначеніе обнародовано въ день кончины покойнаго Государя придаетъ этому назначенію весьма важное политическое значеніе: оно является какъ бы свидѣтельствомъ того, что минувшія 5 лѣтъ царствованія убѣдили Государя въ необходимости прочнѣе и тверже, чѣмъ когда-либо, закрѣпить связь своего царствованія съ завѣтомъ царствованія своего, возлюбленнаго всею Россіею, Родителя".

„Гражданинъ" былъ въ этомъ правъ: въ лицѣ Д. С. Сипягина министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ идейный консерваторъ, преданный идеѣ неограниченной власти, человѣкъ рѣдкій въ тѣ времена, и его назначеніе имѣло опредѣленный охранительный смыслъ. С. Ю. Витте, старавшійся въ эту эпоху принять на себя роль блюстителя завѣтовъ Императора Александра III, могъ показаться либераломъ наряду съ новымъ министромъ; ему приходилось вступать съ нимъ въ принципіальную полемику по вопросу о формахъ осуществленія Царской власти.

„Вы говорите — писалъ Витте Д. С. Сипягину — Царь самодержавенъ — Онъ создаетъ законы для подданныхъ, а не для себя; я — ничто, я только докладчикъ. Царь будетъ рѣшать, ergo никакихъ правилъ не нужно; тотъ, кто требуетъ правилъ, желаетъ ограничить Царя; тотъ, кто сомнѣвается, что Царь, а не я будетъ рѣшать, полагаетъ, что значитъ Царь самъ не можетъ рѣшать; тотъ, кто хочетъ ограничить число и форму рѣшеній, хочетъ отдѣлить Царя отъ подданныхъ... Ваша теорія, дорогой, милый, крѣпко любимый Дмитрій Сергѣевичъ, имѣетъ много общаго съ непогрѣшимостью папы"...

Не только министръ внутреннихъ дѣлъ всецѣло и сознательно

подчинялся волѣ Царя: гр. Ламздорфъ, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ въ серединѣ 1900 г., такъ опредѣлялъ свои задачи: „Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы сказать Государю, что я о каждомъ предметѣ думаю, а затѣмъ, когда Государь рѣшитъ — я долженъ безусловно подчиниться, и стараться, чтобы рѣшеніе Государя было выполнено".

Въ противоположность весьма распространенному мнѣнію о томъ, что на Государя было легко вліять, факты свидѣтельствуютъ о томъ, что всѣ главныя рѣшенія принимались имъ самимъ, а министры, въ томъ числѣ и Витте, сами такъ или иначе приспособлялись къ Его воззрѣніямъ.

Въ томъ же знаменательномъ 1899 г., видѣвшемъ поворотъ вправо курса внутренней политики и неудачу Гаагской конференціи, скончался братъ Государя, Великій Князь Георгій Александровичъ, и Наслѣдникомъ былъ объявленъ В. К. Михаилъ Александровичъ. Когда годъ спустя Государь перенесъ тяжелый недугъ — тифъ — единственную серьезную болѣзнь за время царствованія, въ высшихъ правящихъ кругахъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, не даютъ ли Основные Законы возможность объявить наслѣдницей престола Великую Княжну Ольгу Николаевну. Выздоровленіе Государя сдѣлало эти споры ненужными.

Въ концѣ XIX-го вѣка среди духоборовъ, секты, распространенной гл. обр. среди русскаго населенія Кавказа, воспреобладали крайнія теченія, требовавшія, между прочимъ, отказа отъ выполненія воинской повинности. Это привело къ естественному конфликту съ властями: какое правительство могло невозбранно допустить проповѣдь уклоненія отъ исполненія обязанностей передъ государствомъ? На положеніе духоборовъ обратили вниманіе родственные имъ по взглядамъ толстовцы, и при ихъ заграничныхъ связяхъ имъ удалось найти выходъ изъ положенія: Канада согласилась принять духоборовъ къ себѣ, освободивъ ихъ отъ воинской повинности и отведя имъ земли въ пустынныхъ пространствахъ своей западной части.

Русское правительство не ставило препятствій для эмиграціи. Духоборы получили возможность ликвидировать свои хозяйства; для нихъ были собраны въ Россіи и за границей крупныя суммы денегъ. Гр. Л. Н. Толстой въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего рѣшенія — не брать денегъ за опубликованіе имъ новыхъ своихъ писаній — и продалъ право на изданіе своего новаго романа „Воскресеніе" въ Россіи журналу „Нива"; за границей тотъ же романъ появился въ

съ конституціонными пожеланіями — въ 1878, въ 1880 г.г.; конституцію Лорисъ-Меликова; отказъ Самарскаго земства поднести Императору Александру III адресъ по случаю его восшествія на престолъ; неудачу славянофильскихъ проектовъ гр. Игнатьева и наконецъ тѣ земскіе адреса 1895 г., на которые Государь отвѣтилъ своей рѣчью 17 января.

„Если даже просто подсчитать всѣ тѣ земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущеніи ихъ къ участію въ законодательствѣ, то получится не нѣсколько уѣздовъ, а не менѣе половины всѣхъ земскихъ губерній... Земское движеніе въ пользу земскаго собора много серьезнѣе „пустой, шумливой оппозиціи губернскому начальству". Во главѣ движенія шли, конечно, вожаки (крикуны и политиканы, какъ ихъ характеризуетъ Ваша записка); но если за этими „политиканами" такъ дружно шло огромное большинство самыхъ благородныхъ, самыхъ благонамѣренныхъ земцевъ, то не служитъ ли уже это одно доказательствомъ, что въ самой постановкѣ земскаго дѣла что-то неладно, что въ немъ есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоотвѣтствіе всему государственному строю?".

Въ заключеніе С. Ю. Витте переходитъ въ наступленіе: Вы и сами, говорилъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ, ведете съ земствомъ борьбу, вы урѣзываете его права, вы его „выхолащиваете". Зачѣмъ же тогда его не только охранять, но и распространять на новыя губерніи? Лучше вмѣсто этого провести административную реформу. „Какъ республиканскій, такъ и монархическій режимъ, какъ правительственная администрація, такъ и органы самоуправленія могутъ быть и хорошимъ, и плохимъ средствомъ управленія... Каждое учрежденіе хорошо въ строѣ, ему соотвѣтствующемъ, и непригодно въ строѣ, ему не отвѣчающемъ. Въ конституціонномъ государствѣ земства могутъ быть превосходнымъ средствомъ управленія: тамъ они составляютъ звено въ цѣпи, скованной изъ одного металла... Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ и всегда будетъ стоять земство въ государствѣ самодержавномъ".

„Не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ; не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началѣ самоуправленія, проектировать территоріальное его расширеніе, а съ другой — подавлять всякую самодѣятельность, ограничивать самоуправленіе... Нельзя создавать либеральныя формы, не наполняя ихъ соотѣтствующимъ содержаніемъ". Это только ведетъ къ запрещеніямъ и репрессіямъ, за-

канчивалъ С. Ю. Витте, а „ничто въ такой мѣрѣ не подрываетъ престижа власти, какъ частое и широкое принятіе репрессивныхъ мѣръ".

С. Ю. Витте препроводилъ свою записку К. П. Побѣдоносцеву, указывая, что хотѣлъ изобличить „положеніе, основанное на неискренности и на желаніи согласить несогласимое — и популярность пріобрѣсти и невинность соблюсти". Оберъ-прокуроръ Сунода въ отвѣтъ указалъ , что критика Витте основательна, — но что министръ финансовъ не дѣлаетъ изъ нея надлежащихъ выводовъ. — „Какое тамъ искоренять, когда желаютъ наградить имъ всю Россію? — оправдывался С. Ю. Витте. — Откровенно говоря, укажите мнѣ наверху хотя одно лицо, которое по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не питаетъ сердечное влеченіе къ самоуправленію. Большинство льнетъ къ земству, увѣрившись, что гдѣ есть земство, хозяйственная жизнь идетъ лучше, а меньшинство можетъ быть полагаетъ, что идя по пути самоуправленія земскаго, можно заставить Государя незамѣтно перейти завѣтную черту отъ самодержавія къ самоуправленію".

Слухи о кампаніи противъ земства проникли въ общество и въ печать; въ толстыхъ журналахъ появился рядъ статей о заслугахъ земства; проф. Б. Н. Чичеринъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" выступилъ на его защиту, доказывая, что „Россія, болѣе нежели какое-либо другое государство, нуждается въ бережномъ отношеніи къ общественнымъ силамъ, ибо это ея самая слабая сторона... Подобное направленіе со стороны владычествующей бюрократіи можетъ только поселить неисцѣлимую рознь между правительствомъ и обществомъ. Врагамъ государства такая политика идетъ совершенно на руку; но отечеству она сулитъ смуту и раздоръ".

Принять рѣшеніе предстояло Государю. Убѣдившись во враждебности общества, интеллигенціи, на примѣрѣ студенческихъ волненій; на примѣрѣ Финляндіи увидѣвъ, какъ трудно отмѣнить однажды предоставленныя права; признавая основательность обвиненій Витте противъ земства — Государь не счелъ возможнымъ въ данный моментъ продолжать завершеніе земской реформы 1864 г. Послѣ пяти лѣтъ внутренней политики, совмѣщавшей традиціи двухъ послѣднихъ царствованій, Государь въ 1899 г. вернулся на путь Своего отца. Для проведенія „большой азіатской программы" было необходимо сохранить свободу рѣшеній и престижъ неограниченной власти. Всѣ шаги навстрѣчу общества были либо отвергнуты, какъ комиссія ген. Ванновскаго, либо неминуемо были бы истолкованы, какъ обѣщанія болѣе рѣшительныхъ перемѣнъ, которыхъ Государь не желалъ.

иномъ, несокращенномъ изданіи; всю выручку Толстой отдалъ духоборамъ на отъѣздъ ихъ въ Америку.

За 1899 г., нѣсколько партій духоборовъ отбыло въ Канаду; общее число выселившихся достигло примѣрно 15.000 человѣкъ.

Въ заграничномъ изданіи „Воскресенія" содержались глумленія надъ православными церковными таинствами; это побудило Сvнодъ принять свое столь нашумѣвшее рѣшеніе объ отлученіи гр. Л. Н. Толстого отъ церкви. „Извѣстный всему міру писатель — (говорилось въ опредѣленіи отъ 22 февраля 1901 г.) — русскій по рожденію, православный по крещенію графъ Толстой, въ пресыщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и Христа Его и на святое Его достояніе... Въ своихъ сочиненіяхъ и писаніяхъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской... Онъ... не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую Евхаристію... Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею".

Это рѣшеніе, разумѣется, явилось поводомъ для новыхъ нападокъ на русскую власть и на русскую церковь со стороны всѣхъ ея обычныхъ противниковъ. Никакихъ репрессій со стороны свѣтской власти за этимъ, однако, не послѣдовало, а едва ли возможно отрицать за церковью право опредѣлять свое отношеніе къ фактамъ явнаго поношенія ея святынь. Положеніе гр. Л. Н. Толстого въ дореволюціонной Россіи вообще свидѣтельствуетъ о такомъ умѣніи самодержавной власти проявить широкую терпимость, которое едва ли присуще многимъ современнымъ правительствамъ.

1900-й годъ — если не считать событій въ Китаѣ — прошелъ въ общемъ спокойно, безъ какого либо измѣненія общаго положенія въ Россіи. Законъ о воинской повинности въ Финляндіи былъ проведенъ на основѣ манифеста 3 февраля. При открытіи очередной сессіи финляндскаго сейма Н. И. Бобриковымъ были сказаны предостерегающія слова о томъ, что дѣйствія предыдущаго сейма „внесли въ умы населенія тягостныя и напрасныя опасенія; повтореніе ихъ поселитъ сомнѣнія относительно соотвѣтствія сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ".

Въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства былъ изданъ

указъ 7 іюня 1900 г. о постепенномъ введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство Великаго Княжества Финляндскаго (полностью эта мѣра должна было войти въ силу съ 1 октября 1905 г.).

Что касается вопроса о воинской повинности, явившагося поводомъ конфликта съ населеніемъ Финляндіи, то законопроектъ, непринятый сеймомъ, былъ изданъ въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства только лѣтомъ 1901 г. Въ то же время, въ виду оппозиціи въ странѣ и въ войскахъ, рѣшено было постепенно расформировать финскія войсковыя части (сначала — стрѣлковъ, а потомъ и драгунскій полкъ). „Мы признали за благо облегчить финскому народу переходъ къ иному порядку отбыванія воинской повинности“, говорилось въ манифестѣ 29 іюня. Первый призывъ по новому закону былъ назначенъ на осень 1903 г. Фактически, населеніе Финляндіи было освобождено отъ военной службы, если не считать нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, служившихъ въ гвардейскомъ финскомъ батальонѣ. Государь надѣялся, что съ теченіемъ времени финляндцы примирятся съ новымъ порядкомъ вещей, и не желалъ на первыхъ порахъ прибѣгать къ рѣзкимъ репрессивнымъ мѣрамъ.

Между Франціей и Россіей замѣчалось растущее охлажденіе. Приходъ къ власти лѣвыхъ, избраніе президентомъ Лубэ, кабинетъ Вальдека-Руссо — и правый курсъ въ Россіи, — все это относилось, конечно, къ области внутренней политики, но не могло не вліять на тонъ отношеній. Государь не пріѣхалъ на Парижскую всемірную выставку 1900 г. и на открытіе моста Александра III, при закладкѣ котораго онъ присутствовалъ. Это сильно огорчило французовъ. Причинъ было нѣсколько — участившіяся въ Зап. Европѣ выступленія анархистовъ (убійство короля Гумберта, австрійской императрицы Елизаветы, покушеніе на Вильгельма II), состояніе здоровья Государя, наконецъ выпады нѣкоторыхъ органовъ парижской печати, показывавшіе, что французскіе лѣвые элементы весьма мало считаются съ франко-русскимъ союзомъ.

Между тѣмъ, враждебныя правительству настроенія, всегда существовавшія въ обществѣ, начинаютъ проявляться болѣе активно. „У насъ на сотню либеральныхъ изданій едва шесть консервативныхъ, и на одного консерватора въ земствѣ — двадцать либераловъ“, писалъ кн. В. П. Мещерскій. „Для блага Россіи, для спасенія ея будущности отъ страшныхъ катастрофъ, монархическая власть призвана, чтобы обезпечить государству въ его ходѣ впередъ главное — равновѣсіе, — принимать на себя роль консервативнаго элемента, такъ какъ либеральный элементъ, съ его неразлучнымъ контингентомъ равнодуш-

ныхъ, слишкомъ великъ, а консервативный элементъ въ людяхъ слишкомъ малъ"... Власть, съ 1899 г., приняла снова на себя роль консервативнаго начала; — но это, съ другой стороны, углубило рознь между нею и умѣренными элементами общества.

Такой далекій отъ революціонныхъ круговъ человѣкъ, какъ Б. Н. Чичеринъ, издалъ въ 1900 г. **за границей** анонимный памфлетъ „Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія". Самый этотъ фактъ былъ значительнѣе, чѣмъ содержаніе этой книги, придирчиво критиковавшей всѣ главнѣйшіе акты царствованія Императора Николая II: „легальная оппозиція" становилась на нелегальный путь! По этой книгѣ видно, что написана она человѣкомъ по существу умѣреннымъ, рѣшительнымъ врагомъ соціализма: „Многіе доселѣ причисляютъ — (стояло въ ней) — Чернышевскаго, Добролюбова и К-о къ дѣятелямъ эпохи преобразованія. Ихъ можно считать дѣятелями развѣ только на подобіе мухъ, которыя гадятъ картину великаго художника. Но слѣды мухъ смываются легко, тогда какъ соціалистическая пропаганда, ведущая свое начало отъ петербургской журналистики, отравляла и доселѣ отравляетъ значительную часть русскаго юношества".

Авторъ обращаетъ вниманіе на своеобразный фактъ, характерный для цензуры того времени: „Болѣе или менѣе значительной свободой пользовались соціалисты. Либерализмъ казался правительству опаснымъ; но соціализмъ, пока онъ являлся въ теоретической формѣ, представлялся безвреднымъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Маркса въ книгахъ и брошюрахъ получило широкое распространеніе среди учащейся молодежи".

Б. Н. Чичеринъ считалъ, что передъ Императоромъ Николаемъ II не было такихъ крупныхъ задачъ, какъ передъ Императоромъ Александромъ II: „Величайшія преобразованія были уже совершены. Нужно было прежде всего возстановить ихъ въ полной силѣ, сдѣлать ихъ истиной... Это не было бы неуваженіемъ къ памяти отца, а просто сознаніемъ того, что разныя времена и царствованія имѣютъ разныя задачи... Если бы молодой Царь, даже не дѣлая шага впередъ, пошелъ по пути, указанному дѣдомъ, то благоразумные русскіе люди были бы довольны". Однако, первое пятилѣтіе царствованія Государя, къ неудовольствію такихъ послѣдовательныхъ консерваторовъ, какъ К. П. Побѣдоносцевъ или кн. В. П. Мещерскій, именно соотвѣтствовало этимъ условіямъ Чичерина — но „благоразумные русскіе люди" либо оказались безсильными, либо гораздо болѣе требовательными, чѣмъ извѣстный ученый, писавшій отъ ихъ имени...

Все же Государь, пріостановивъ „достройку" реформъ Импе-

Русскій павильонъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ (1900 г.).

Народный домъ Императора Николая II въ С. Петербургѣ.

ратора Александра II, не пошелъ и на ихъ ломку; и наиболѣе существенной мѣрой, ограничивающей права земства, былъ законъ 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія. Считая, что налогоплательщики и такъ переобременены, власть ограничила повышеніе ставокъ земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ тремя процентами въ годъ (если налоги нѣсколько лѣтъ не повышались, можно было затѣмъ повысить ихъ сразу — послѣ пяти лѣтъ на пятнадцать процентовъ, и т. д.). Если земство желало болѣе значительнаго повышенія налога, оно должно было получить разрѣшеніе правительства. Эта весьма скромная мѣра (вызванная гл. обр. тяжелымъ положеніемъ сельскаго хозяйства) произвела нѣкоторое впечатлѣніе только на фонѣ толковъ о предстоящемъ полномъ упраздненіи земства.

Пропаганда враговъ строя, между тѣмъ, усиливалась. „Революціонная партія — писалъ въ 1899 г. одесскій градоначальникъ гр. Шуваловъ — построила свои дальнѣйшіе планы на привлеченіи къ движенію рабочихъ... Съ цѣлью заручиться сочувствіемъ массъ, она построила свою пропаганду на изученіи и указаніи ему недочетовъ въ средствахъ удовлетворенія его духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ"...

„Въ послѣдніе три-четыре года — констатировалъ весной 1901 г. виленскій генералъ-губернаторъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій — изъ добродушнаго русскаго парня выработался своеобразный типъ полуграмотнаго интеллигента, почитающаго своимъ долгомъ отрицать семью и религію, пренебрегать закономъ, не повиноваться власти и глумиться надъ ней... Эта ничтожная горсть террористически руководитъ всей остальной инертной массой рабочихъ".

Въ высшей школѣ, послѣ массовыхъ исключеній и зачисленія исключенныхъ на военную службу, три семестра прошли спокойно. Волненія возникли снова въ концѣ 1900 г., — опять началось съ Кіевскаго университета. Поводъ былъ самый нелѣпый: два студента попались въ уголовномъ дѣлѣ (они вымогали деньги у танцовщицъ). По этому поводу была собрана сходка (таковая по закону не допускалась), и ораторы доказывали, что для борьбы съ „подобными явленіями" необходимо ввести автономію университетовъ. Вмѣстѣ съ протестомъ студентовъ противъ неугодившаго имъ проф. Эйхельмана (который замѣнялъ уѣхавшаго въ отпускъ кн. Е. Н. Трубецкого), это привело къ новымъ столкновеніямъ съ учебной администраціей.

Но революціонная сила готовила на этотъ разъ выступленіе въ новой формѣ: его ареной должна была явиться улица. Полиція знала о готовящемся выступленіи, но срокъ его оставался неопредѣленнымъ.

14 февраля б. студентъ П. Карповичъ, дважды исключавшійся изъ университета за участіе въ безпорядкахъ, выстрѣломъ изъ револьвера смертельно ранилъ министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова. Это былъ первый террористическій актъ послѣ многихъ лѣтъ. Онъ знаменовалъ переходъ къ новой тактикѣ революціонныхъ круговъ. Жертвою ея сталъ министръ, никакой личной непріязни никому не внушавшій: выстрѣлъ былъ направленъ противъ императорскаго правительства, какъ такового.

Н. П. Боголѣповъ еще боролся со смертью, когда — 19 февраля, въ день сорокалѣтія освобожденія крестьянъ, — произошла первая уличная демонстрація на площади передъ Казанскимъ соборомъ. Но полиція приняла своевременныя мѣры; большого скопленія народу не оказалось; толпу человѣкъ въ 200—300, двинувшуюся по Невскому съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, оттѣснили во дворъ Городской Думы и тамъ переписали: въ ней на 244 человѣка оказалось 148 женщинъ, въ большинствѣ курсистокъ.

Въ тотъ же день въ Харьковѣ происходили уличныя демонстраціи, повторившіяся вечеромъ. Полиція разогнала толпу. „Было подано восемь заявленій о нанесенныхъ ударахъ, медицинское освидѣтельствованіе подтвердило только одинъ изъ нихъ" — говорилось по этому поводу въ Правительственномъ сообщеніи.

Болѣе серьезныя волненія возникли въ Москвѣ, гдѣ они продолжались пять дней (22—26 февраля). Уличная толпа пыталась освободить задержанныхъ студентовъ; на Б. Никитской и Страстномъ бульварѣ разбивали фонари. Но наиболѣе серьезный характеръ имѣла демонстрація 4 марта передъ Казанскимъ соборомъ въ С.-Петербургѣ. Собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Полиція на этотъ разъ не предотвратила этого скопленія (за что ее потомъ обвиняли въ „провокаціи"). Толпа встрѣчала конную полицію враждебными возгласами, бросала въ нее всевозможные предметы; одинъ офицеръ былъ раненъ молоткомъ въ голову. Когда толпу начали разгонять, часть ея хлынула въ соборъ. Участниковъ демонстраціи оцѣпили и группами уводили въ участки. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ движеніе по Невскому между Садовой и Мойкой было остановлено. Изъ демонстрантовъ было задержано 760 человѣкъ, въ томъ числѣ около половины женщинъ. Въ свалкѣ между толпой и силами порядка было ранено, согласно правительственному сообщенію, два офицера, двадцать полицейскихъ, четыре казака и 32 демонстранта. Убитыхъ не было.

Разгонъ толпы конными отрядами — всегда удручающая картина; для Россіи это было явленіемъ новымъ; на Невскомъ и на пло-

щади Казанскаго собора было много любопытныхъ, много случайныхъ прохожихъ; это создавало благопріятную почву для агитаціи революціонныхъ элементовъ, изображавшихъ участниковъ демонстраціи какъ невинныхъ „жертвъ полицейскаго произвола“. Эта агитація впервые по этому поводу проявилась во всей полнотѣ. Союзъ писателей опубликовалъ пламенный протестъ, призывая на помощь русское и иностранное общественное мнѣніе. Среди подписавшихся, правда, было всего два писателя, создавшихъ себѣ имя въ литературѣ (М. Горькій и Е. Чириковъ); остальные были либо профессора, либо болѣе или менѣе извѣстные сотрудники радикальныхъ журналовъ. Но за границей это воззваніе надѣлало немало шуму; французская лѣвая печать занялась этимъ дѣломъ, и въ „Aurore“, газетѣ Клемансо, начали печататься заявленія виднѣйшихъ писателей Западной Европы, присоединяющіяся къ „воззванію русскихъ писателей“ и протестующія противъ „смертоубійственнаго безумія“ русскаго „царизма“. (Примѣчательно, что все это писалось по поводу столкновенія, въ которомъ убитыхъ вообще не было, а полиція имѣла почти столько же раненыхъ, какъ демонстранты!).

Государь, однако, не отвѣтилъ на эти выступленія новымъ усиленіемъ репрессій. Конечно, министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, запрещающій скопленіе на улицахъ и указывающій полиціи, что необходимо **предотвращать,** а не только прекращать безпорядки. Союзъ писателей, выступившій съ упомянутымъ воззваніемъ, былъ закрытъ; нѣкоторые организаторы выступленія были арестованы.

Въ то же время, министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто Н. П. Боголѣпова (скончавшагося 2 марта) былъ назначенъ ген. П. С. Ванновскій, самое имя котораго, послѣ работъ его комиссіи въ 1899 г., стало символомъ примирительнаго отношенія къ требованіямъ студентовъ. „Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ, — говорилось въ Высочайшемъ рескриптѣ 25 марта, — на столь существенныя недостатки нашего учебнаго строя, что Я призналъ благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію... Твердо увѣренъ, что Вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли, и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о томъ попеченіе“.

И хотя правыя газеты привѣтствовали его, какъ „человѣка военной дисциплины“, — удовлетвореніе либеральныхъ органовъ было болѣе обоснованнымъ. Ген. П. Ванновскій (ему было 78 лѣтъ) продолжалъ питать симпатіи къ учащейся молодежи и вѣрилъ, что съ нею можно „поладить добромъ“. Однимъ изъ первыхъ актовъ ген.

Ванновскаго было разрѣшеніе сходки въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Эта легальная сходка состоялась 9 апрѣля и прошла совершенно мирно.

Въ то время какъ министерство внутреннихъ дѣлъ выдерживало „твердый курсъ" въ борьбѣ съ безпорядками и строго примѣняло цензуру печати („Было раньше равенство въ молчаніи, а теперь писать по университетскому вопросу могутъ только правые" — жаловался либеральный „Вѣстникъ Европы") — министерство народнаго просвѣщенія дѣлало новую политику умиротворенія. Были смягчены кары для студентовъ, участвовавшихъ въ волненіяхъ послѣднихъ лѣтъ. Совѣтамъ профессоровъ было предложено обсудить мѣры для оздоровленія университетской жизни, и нѣкоторые изъ нихъ принялись за устройство обстоятельныхъ анкетъ по этому вопросу. Наконецъ, въ виду значенія связи между средней и высшей школой, былъ поставленъ вопросъ о реформѣ средней школы (намѣченной еще покойнымъ Н. П. Боголѣповымъ), о нѣкоторомъ сокращеніи гимназическаго курса (гл. обр. за счетъ древнихъ языковъ). Это была попытка излѣчить высшую школу, выдѣляя чисто политическія причины безпорядковъ и, по мѣрѣ возможности, устраняя всѣ остальныя причины.

Трудность была въ томъ, что именно политическія причины были основой студенческихъ волненій; та „темная, чуждая наукѣ политическая сила", о которой говорилъ А. Н. Куропаткинъ, та „тайная организація студенчества", существованіе которой признала комиссія профессоровъ Московскаго университета, преслѣдовала чисто политическую цѣль борьбы съ существующимъ строемъ. Однако, писалъ кн. Е. Н. Трубецкой, ничѣмъ нельзя прекратить пропаганду извѣстнаго сорта, но можно сдѣлать студенчество менѣе къ ней воспріимчивымъ. Назначивъ ген. Ванновскаго, Государь предпринялъ еще разъ попытку въ этомъ направленіи. Онъ не переоцѣнивалъ могущества революціонныхъ силъ и желалъ бороться съ ними не только одними репрессіями.

Та же политика — отдѣленіе политическихъ требованій, посильнаго удовлетворенія остальныхъ — была примѣнена и въ отношеніи рабочихъ. Эту попытку враги правительства затѣмъ окрестили „зубатовщиной", по имени начальника московской тайной полиціи Зубатова, игравшаго видную роль въ организаціи легальныхъ „аполитичныхъ" профессіональныхъ союзовъ среди рабочихъ — „русскихъ трэдъ-юніоновъ" *).

---

*) О рабочихъ организаціяхъ см. ниже, гл. VIII.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кризисъ сельскаго хозяйства; его причины. — Упадокъ дворянскаго землевладѣнія. — Комиссія В. И. Ковалевскаго объ оскудѣніи центральныхъ губерній. — Вторая комиссія (В. Н. Коковцова).

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. — Мѣстные комитеты. — Убійство Д. С. Сипягина. — Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губ. — Слово Государя къ дворянамъ и крестьянамъ въ Курскѣ. — Выводы мѣстныхъ комитетовъ: противъ общины, противъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель.

Манифестъ 26 февраля 1903 г. Отмѣна круговой поруки. — Письмо гр. Л. Н. Толстого къ Государю. — Конецъ работъ „Коковцовской" комиссіи о центрѣ.

Экономическое положеніе Россіи на рубежѣ XX-го вѣка могло бы считаться, въ общемъ, удовлетворительнымъ, если бы къ тому времени не началъ проявляться все отчетливѣе глубокій внутренній недугъ, подтачивавшій сельское хозяйство — которымъ жило свыше четырехъ пятыхъ населенія страны. Промышленность, хотя и переживала кризисъ послѣ періода бурнаго роста, продолжала развиваться; доходы государства увеличивались; желѣзнодорожная сѣть разрасталась, Сибирская дорога строилась съ исключительной быстротой. Но все громче раздавались голоса, указывавшіе на угрожающее положеніе русской деревни.

Россія считалась житницей Европы. Широкая полоса ея земли — черноземная область — отличалась исключительнымъ плодородіемъ. Русское хозяйство въ цѣломъ сдѣлало за послѣднее десятилѣтіе огромные шаги впередъ. И тѣмъ не менѣе въ центральныхъ областяхъ Россіи, въ самой сердцевинѣ государства, каждый неурожай грозилъ вызвать голодъ, требующій широкой помощи отъ государства. Въ западной Европѣ такихъ явленій не было уже давно; а если въ Индіи, въ Китаѣ бывало много хуже, — это не могло никакъ служить „утѣшеніемъ": вѣдь во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Россія стояла неизмѣримо выше „азіатскихъ" условій.

Заграницей зачастую были склонны приписывать эти угрожающія явленія — русскимъ земельнымъ порядкамъ, причемъ упорно держалась легенда о томъ, будто въ Россіи вся земля принадлежитъ помѣщикамъ, которые, молъ, отбираютъ у крестьянъ чуть ли не весь урожай! На самомъ дѣлѣ картина была совершенно иная, — едва ли не прямо противоположная.

Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, — гдѣ проживало свыше 3/4 населенія имперіи, — было огромное преобладаніе **крестьянскаго** землевладѣнія и землепользованія. На бумагѣ, крестьяне имѣли около 40 процентовъ всей площади; въ дѣйствительности ихъ доля была еще несравненно **больше**, такъ какъ казнѣ принадлежали главнымъ образомъ лѣса и неудобныя земли и если ихъ отбросить, у казны оставалось всего нѣсколько милліоновъ десятинъ удобной земли. Удѣльныя земли составляли замѣтную величину только въ **одной** губерніи (Симбирской). Уже при отмѣнѣ крѣпостного права къ крестьянамъ отошло болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель; за сорокъ лѣтъ неуклонно продолжался переходъ земель отъ дворянъ къ крестьянамъ и лицамъ другихъ сословій. Въ началѣ XX-го вѣка, крестьянамъ принадлежало свыше 160 милліоновъ десятинъ земли, — болѣе чѣмъ на три четверти удобной; дворяне имѣли 52 милліона (около половины — лѣса и неудобныя земли); а всѣмъ другимъ владѣльцамъ (купцамъ, иностранцамъ, городамъ, акціонернымъ кампаніямъ и т. д.) — около 30 милліоновъ (преимущественно удобныхъ земель).

Въ 22 губерніяхъ — почти во всей черноземной полосѣ — болѣе половины всей земельной площади принадлежало крестьянамъ, — мѣстами до 80 процентовъ. Къ этому надо еще прибавить, что казенныя и удѣльныя **удобныя** земли, и значительная доля частновладѣльческихъ, находились въ арендѣ у крестьянъ. Подобнаго преобладанія мелкаго крестьянскаго хозяйства надъ крупнымъ не было ни въ Анг-

Соотношеніе крестьянскаго и дворянскаго землевладѣнія.-

● Крестьяне владѣютъ болѣе нежели половиной площади губерніи -

△ Крестьянское землевладѣніе составляетъ относительное большинство -

■ Преобладаетъ дворянское землевладѣніе -

 Районы частыхъ неурожаевъ - Районъ голода 1891 г.

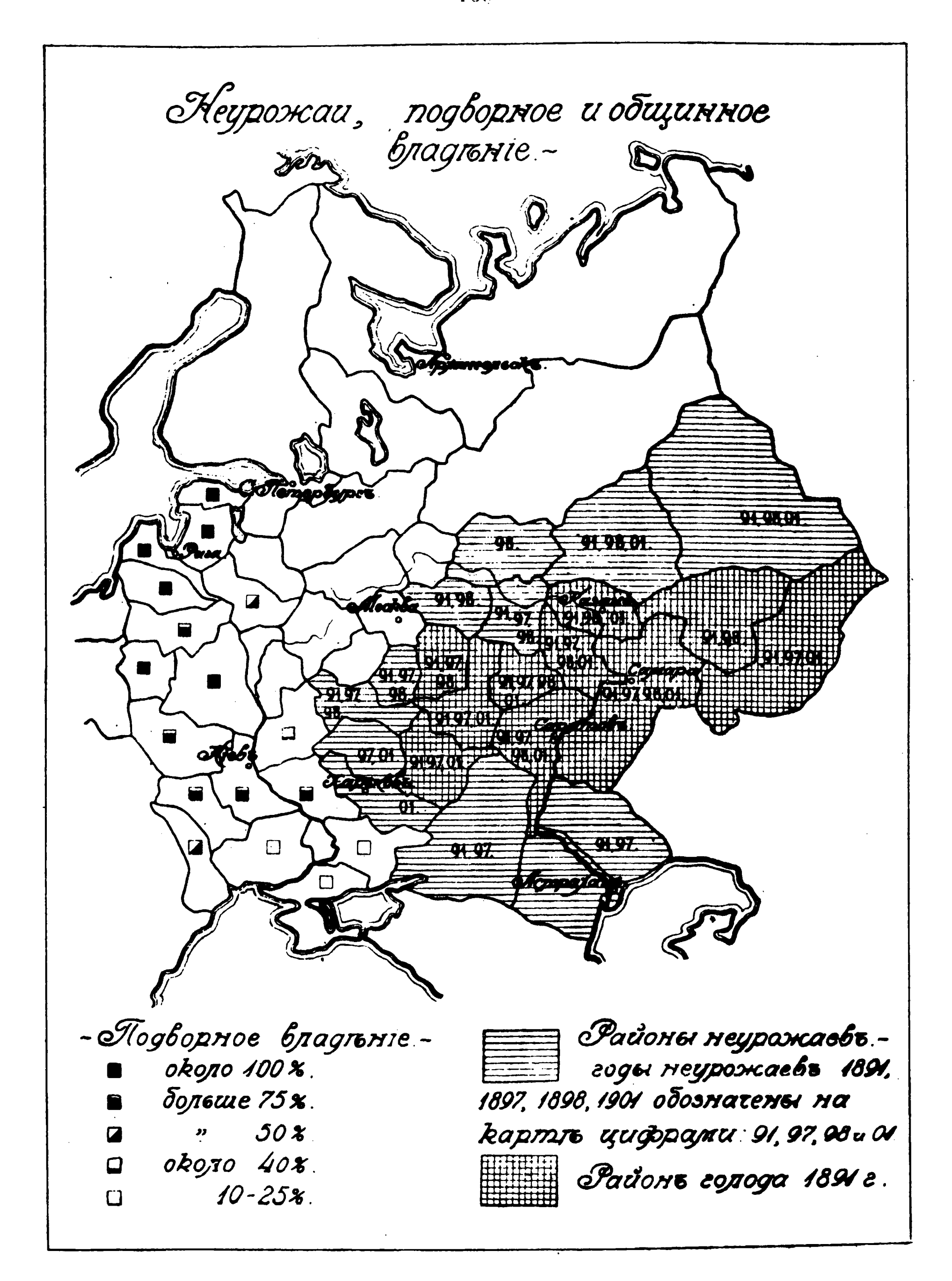
ліи, ни въ Германіи, ни даже въ послѣреволюціонной Франціи. **Россія была страной мелкаго крестьянскаго хозяйства.** Большія имѣнія были островками въ крестьянскомъ морѣ. Только въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскомъ Краѣ (и въ Минской губерніи) дворянское землевладѣніе преобладало надъ крестьянскимъ.

Государственная власть оберегала крестьянское землевладѣніе путемъ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ. Земли, попадавшія въ руки крестьянскихъ обществъ, становились ихъ неотчуждаемой собственностью: крестьянскія владѣнія могли только рости, и дѣйствительно росли изъ года въ годъ. Существовалъ даже особый государственный органъ, Крестьянскій банкъ, цѣлью котораго была скупка земель у частныхъ владѣльцевъ для перепродажи ихъ крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ платежа.

Между тѣмъ, крестьянское землевладѣніе было, въ хозяйственномъ отношеніи, **наименѣе** производительнымъ. Даже **средній** уровень урожайности на частновладѣльческихъ земляхъ былъ примѣрно на 1/3 выше, чѣмъ на крестьянскихъ; въ отдѣльныхъ, болѣе культурныхъ имѣніяхъ урожайность была еще много выше. Во время диспута о „вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнахъ", указывалось, что огромное большинство крестьянскихъ хозяйствъ (говорили о 91 процентѣ, но эта цифра была преувеличена) не имѣетъ хлѣба для продажи; слѣдовательно, прокормленіе городовъ, фабрикъ и даже крестьянства тѣхъ губерній, гдѣ своего хлѣба не хватаетъ, зависѣло преимущественно отъ частновладѣльческихъ земель; эти же земли давали тотъ избытокъ, который вывозился заграницу и являлся главной статьей русскаго торговаго баланса; изъ того же избытка въ голодные годы кормилось крестьянство пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей.

Заслуживаетъ вниманія, что въ общемъ наиболѣе страдали отъ неурожаевъ какъ разъ тѣ губерніи, гдѣ былъ наибольшій процентъ крестьянскаго землевладѣнія: Казанская, Самарская, Уфимская, Воронежская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская и т. д. Все это были плодороднѣйшія, обильныя земли; и тѣмъ не менѣе, все яснѣе становилось, что сельское хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ переживаетъ тягчайшій кризисъ.

Сами крестьяне обычно усматривали причину этого кризиса въ малоземельи, или въ переобремененіи налогами. Но и соляной налогъ, и подушная подать были отмѣнены еще въ 1880-хъ годахъ; земельный налогъ составлялъ ничтожную величину и, собственно, единственнымъ серьезнымъ прямымъ налогомъ, лежавшимъ на кре-

Неурожаи, подворное и общинное владѣніе.-
Петербургъ
Рига
Москва
-Подворное владѣніе.-
около 100%.
больше 75%.
„ 50%
около 40%.
10-25%.
Районы неурожаевъ.-
годы неурожаевъ 1891, 1897, 1898, 1901 обозначены на картѣ цифрами: 91, 97, 98 и 01
Районъ голода 1891 г.

стьянствѣ, были выкупные платежи за землю, полученную при освобожденіи *).

Основная причина сельскохозяйственнаго кризиса была въ условіяхъ крестьянскаго хозяйства и прежде всего въ условіяхъ землепользованія. Огромное большинство крестьянскихъ земель принадлежало общинамъ. Крестьяне владѣли землею не единолично, а коллективно — земля считалась принадлежащей „міру", который не только могъ перераспредѣлять ее между своими членами, но и устанавливать правила и порядокъ обработки земель.

Община господствовала во всей центральной, сѣверной, восточной и южной Россіи и на сѣверномъ Кавказѣ, тогда какъ лишь въ западномъ краѣ (гл. обр. въ губерніяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ до конца XVIII вѣка) преобладала крестьянская **частная** собственность на землю въ видѣ подворнаго владѣнія. (Къ востоку отъ Днѣпра, подворное владѣніе господствовало только въ Полтавской губ. и въ частяхъ Черниговской и Курской губ.).

Знаменательнымъ былъ тотъ фактъ, что ни одна изъ западныхъ губерній съ подворнымъ владѣніемъ не знала того голода вслѣдствіе неурожаевъ, который становился періодическимъ бѣдствіемъ центральной и восточной Россіи, — хотя крестьянскіе надѣлы въ западныхъ губерніяхъ были много меньше, а процентъ крестьянскаго владѣнія много ниже, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи.

Власть „міра" въ общинѣ замѣнила собою при освобожденіи крестьянъ власть помѣщика. Община имѣла много сторонниковъ; ее отстаивали, при этомъ, не столько по экономическимъ, сколько по **соціальнымъ** соображеніямъ; ее считали особымъ русскимъ способомъ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Указывали, что благодаря общинѣ, связь съ которой даже при уходѣ въ городъ не то что легко было сохранить, но и при желаніи было трудно порвать, — въ русской деревнѣ почти не было безземельнаго пролетаріата. Каждый крестьянинъ былъ совладѣльцемъ надѣльной земли. Когда семья увеличивалась, она могла расчитывать на прирѣзку за счетъ другихъ, менѣе многочисленныхъ семей. Крестьянинъ, ушедшій на фабрику, могъ оттуда вернуться домой и снова приняться обрабатывать землю. Община имѣла несомнѣнныя преимущества и для казны: она коллективно отвѣчала за уплату налоговъ, благодаря круговой порукѣ; по-

*) Выкупные платежи за 1894—1903 г.г. составляли въ среднемъ 92—93 милл. рублей въ годъ, при общемъ государственномъ бюджетѣ отъ 1.145 милл. (1894 г.) до 2.032 милл. (1903 г.).

этому-то она неохотно отпускала своихъ членовъ „на волю“: каждый уходъ увеличивалъ налоговое бремя для оставшихся.

Поклонники соціалистическихъ формъ хозяйства долго считали общину „своей“, разсматривая ее, какъ выработанное жизнью практическое приложеніе соціалистическихъ принциповъ къ русской деревнѣ. Правда, ихъ не могло не смущать, что при этомъ хозяйство велось, все же, на единоличныхъ началахъ; артельная обработка земли была исключеніемъ. Все же, соціалисты-народники, и вслѣдъ за ними либеральная интеллигенція, горой стояли за общину; за нее же высказывались и славянофилы, и представители того „демофильскаго“ направленія русскихъ правящихъ сферъ, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго былъ К. П. Побѣдоносцевъ. Изъ лѣвыхъ теченій, противъ общины высказывались только марксисты, считавшіе, что она тормозитъ развитіе капитализма — необходимой предпосылки соціалистическаго строя.

Но недостатки общины становились все очевиднѣе съ теченіемъ времени: община, спасавшая слабыхъ, тормозила дѣятельность крѣпкихъ, хозяйственныхъ крестьянъ; она способствовала уравненію, но препятствовала повышенію общаго благосостоянія деревни. Численность населенія росла несравненно быстрѣе, чѣмъ доходность надѣльныхъ земель, и этотъ процентъ уже самъ по себѣ, помимо какихъ либо другихъ причинъ, приводилъ къ пониженію экономическаго уровня. 90-е годы въ этомъ отношеніи были переломными: сельское хозяйство стало явно „отставать“ отъ общаго хозяйственнаго роста страны; застой мѣстами превращался въ упадокъ.

Еще въ серединѣ 90-хъ годовъ это многими оспаривалось; и народники даже могли утверждать, что крестьянство, пребывающее на уровнѣ натуральнаго хозяйства, тѣмъ самымъ избавляется отъ бѣдствій сельскохозяйственнаго кризиса. Этотъ кризисъ — выразившійся гл. обр. въ рѣзкомъ паденіи хлѣбныхъ цѣнъ — дѣйствительно сперва наиболѣе рѣзко отразился на **частновладѣльческихъ** имѣніяхъ.

Конкурренція заморскаго хлѣба на европейскихъ рынкахъ нанесла тяжелый ударъ и безъ того пошатнувшемуся дворянскому землевладѣнію. Только самыя крупныя владѣнія могли выдержать это новое испытаніе. Задолженность землевладѣльцевъ Дворянскому банку перевалила далеко за милліардъ рублей. Характернымъ проявленіемъ упадка духа, который въ то время обозначился среди помѣстнаго дворянства, было выступленіе екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Струкова (еще въ 1896 г.) съ предложеніемъ о **временномъ секвестрѣ задолженныхъ дворянскихъ имѣній.**

Указывая, что въ одной Екатеринославской губерніи дворянскія владѣнія за 35 лѣтъ сократились съ 2,9 милл. десятинъ до 1,4 милл., А. П. Струковъ писалъ, что доходы отъ имѣній сплошь и рядомъ не покрываютъ процентовъ по долгамъ, и предлагалъ, чтобы Дворянскій банкъ взялъ бы такія имѣнія въ управленіе, разрѣшивъ владѣльцамъ остаться жить въ усадьбахъ, и выдавая имъ пособіе на воспитаніе дѣтей. Такой проектъ, конечно, былъ порожденъ крайнимъ отчаяніемъ, и противъ него резонно возражали, что едва ли чиновникъ-управляющій, назначенный Дворянскимъ банкомъ, извлечетъ изъ имѣнія большій доходъ, нежели его исконный владѣлецъ...

Весною 1897 г., было учреждено, указомъ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ И. Н. Дурново, особое совѣщаніе о нуждахъ помѣстнаго дворянства. Оно существовало почти пять лѣтъ, но почти никакихъ реальныхъ мѣръ содѣйствія дворянству не придумало. На основаніи его работъ, былъ изданъ въ 1899 г. законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ: дворяне получали право, на два поколѣнія объявлять свое имѣніе недѣлимымъ и неотчуждаемымъ, и завѣщать его любому изъ своихъ сыновей. Лѣтомъ 1901 г., былъ изданъ законъ, разрѣшающій частнымъ лицамъ покупать (а дворянамъ — и арендовывать) на льготныхъ условіяхъ казенныя земли въ Сибири. Но этимъ и ограничились мѣры въ пользу помѣстнаго дворянства. Государственная власть, руководясь исключительно соображеніями о пользѣ цѣлаго, не сочла возможнымъ оказать дворянству сколько нибудь широкую поддержку изъ общихъ средствъ.

Интеллигенція смотрѣла на тяжелое положеніе дворянскаго землевладѣнія съ нескрываемымъ злорадствомъ. Противополагая другъ другу интересы крестьянъ и помѣщиковъ, интеллигенція искренно воображала, что ухудшеніе положенія дворянъ въ какой то мѣрѣ должно было принести улучшеніе крестьянамъ. И когда паденіе хлѣбныхъ цѣнъ больно ударило по сельскому хозяйству, значительная часть общества легко успокаивалась на мысли о томъ, что страдаютъ только помѣщики и „кулаки", а крестьянская масса чуть ли не въ выигрышѣ отъ низкаго уровня цѣнъ! Между тѣмъ, упадокъ крупнаго землевладѣнія еще болѣе понижалъ общій хозяйственный уровень деревни; онъ лишалъ землевладѣльцевъ возможности подавать примѣръ болѣе совершенныхъ формъ хозяйства; лишалъ крестьянство побочныхъ заработковъ; наконецъ, понемногу изсушалъ тѣ „резервуары хлѣба", изъ которыхъ въ неурожайные годы могли на мѣстѣ, безъ подвоза издалека, получать пропитаніе крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая. Оскудѣніе дворянскаго землевладѣнія, на-

ряду съ вліяніемъ общиннаго землепользованія, только способствовало наростанію сельскохозяйственнаго кризиса въ деревнѣ.

Когда вслѣдъ за грознымъ предостереженіемъ 1891 г., неурожай, со всѣми его пагубными послѣдствіями, постигъ снова (хотя и въ меньшей степени) тѣ же пострадавшія мѣстности въ 1897 и 1898 годахъ, оптимистическіе голоса умолкли, и понемногу стало общепризнаннымъ, что во всемъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ нѣчто серьезно неблагополучно.

Тотъ государственный дѣятель, который въ первые годы царствованія Императора Николая II игралъ роль министра народнаго хозяйства — С. Ю. Витте — при всемъ его разностороннемъ умѣ, имѣлъ весьма слабое ощущеніе потребностей сельскаго хозяйства и питалъ опредѣленное нерасположеніе къ помѣстному дворянству. С. Ю. Витте проводилъ съ большой энергіей планъ „индустріализаціи" русскаго народнаго хозяйства; его симпатіи принадлежали городу и фабрикѣ скорѣе нежели деревнѣ. И если ему случалось провозглашать „по моему глубокому убѣжденію, нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, болѣе охватывающаго всѣ стороны нашей хозяйственной жизни, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія въ строгомъ смыслѣ этого слова" *) — это было, для министра финансовъ, только доводомъ въ пользу протекціонизма и развитія промышленности, какъ рынка для русскаго сельскаго хозяйства. Эту политику — сперва промышленность, потомъ сельское хозяйство — критиковалъ В. I. Гурко, писавшій въ „Новомъ Времени"**), что вездѣ промышленность выростала на почвѣ **спроса:** „неужели же мы въ состояніи опрокинуть этотъ порядокъ: сначала создать промышленность, а лишь затѣмъ обезпечить сбытъ ея произведеній путемъ повышенія благосостоянія народныхъ массъ?".

Самъ Государь, хотя и принималъ близко къ сердцу интересы деревни, — (какъ Онъ это высказалъ, между прочимъ, при коронаціи, обращаясь къ депутаціямъ дворянъ и крестьянъ), — за первые годы своего правленія почти не вмѣшивался въ сложные и спорные вопросы экономики.

Голоса, свидѣтельствовавшіе объ упадкѣ деревни, раздавались громче всего изъ дворянской среды. Извѣстный дѣятель саратовскаго дворянства Н. А. Павловъ, кн. В. Кудашевъ (въ „Новомъ Времени"), Н. А. Энгельгардтъ и другіе выступали уже въ 90-хъ годахъ съ ука-

*) Рѣчь въ комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли въ началѣ 1899 г.

**) Серія статей подъ названіемъ „Земледѣліе и забастовки" за 1901 г.

заніемъ на оскудѣніе центральныхъ губерній Россіи, на паденіе количества скота и т. д. „Нѣтъ", говорилъ еще въ 1897 г. гр. А. А. Бобринскій, петербургскій предводитель дворянства, — мы не „извѣстная группа землевладѣльцевъ! Мы — представители интересовъ землевладѣнія всей Россіи, представители нуждъ и нашихъ и крестьянскихъ, и общегосударственныхъ!". И хотя пропитанная „классовыми" предразсудками интеллигенція этого не сознавала — помѣстное дворянство дѣйствительно отстаивало не столько групповые интересы, сколько интересы деревни въ цѣломъ.

Интересно отмѣтить, что по совершенно другимъ соображеніямъ, на кризисъ сельскаго хозяйства обращали вниманіе марксисты, считавшіе „пролетаризацію" крестьянъ необходимой предпосылкой развитія капитализма въ Россіи: „марксистскій" журналъ „Начало" отмѣчалъ (еще весною 1899 г.) „парадоксальное на первый взглядъ явленіе": крестьянская масса страдаетъ больше всего въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ у нея больше всего земли (при томъ — наилучшаго качества), и гдѣ господствуетъ община...

Сознать, что на лицо серьезный кризисъ, — еще не значило найти изъ него исходъ. Такъ, русская народническая интеллигенція была склонна считать, что главное — это предоставить крестьянамъ политическія права, распространить въ деревнѣ знанія, отдать крестьянамъ казенныя, монастырскія *) и помѣщичьи земли, — и кризисъ будетъ устраненъ.

Но даже либеральные экономисты сознавали, что уничтоженіе средняго и крупнаго землевладѣнія въ Россіи можетъ оказаться весьма пагубнымъ хотя бы уже потому, что урожайность владѣльческихъ земель была много выше крестьянской, вслѣдствіе чего эти земли давали тотъ избытокъ хлѣба для вывоза за границу, который игралъ столь видную роль въ русскомъ финансовомъ хозяйствѣ. Извѣстный земскій конституціоналистъ Ф. И. Родичевъ, еще во время спора о „вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ", говорилъ: „Прибавка земли крестьянамъ не поможетъ... Всякіе разговоры объ увеличеніи надѣловъ — не болѣе, какъ абстрактная фантазія... Тутъ не въ малоземельи бѣда, земли не мало, но она скверно обрабатывается".

Весною 1899 г., по почину тов. мин. финансовъ В. И. Ковалевскаго, были учреждена небольшая комиссія изъ свѣдущихъ лицъ по вопросу объ оскудѣніи центрально-черноземныхъ губерній. Этотъ

*) Немногіе знали, что всѣ монастырскія земли въ Е Россіи составляли менѣе полумилліона десятинъ!

фактъ обратилъ на себя вниманіе печати: правительство открыто признавало фактъ неблагополучія. Народники по этому поводу писали, что оскудѣніе, конечно, есть, но не только въ центральныхъ губерніяхъ, а во всей странѣ, изъ-за общихъ политическихъ условій. Въ болѣе правыхъ кругахъ высказывали мнѣніе, что такое положеніе объясняется слишкомъ большими расходами въ интересахъ окраинъ и чрезмѣрнымъ обложеніемъ великорусскихъ губерній. Противъ общины въ тотъ моментъ высказывались почти только „марксисты". „Это — массовое крушеніе мелкаго землевладѣльческаго самостоятельнаго хозяйства", въ 1899 г. писало „Начало". „Это, во-первыхъ, вопросъ не только центра, а во-вторыхъ — это не оскудѣніе всего центра, а только извѣстной части хозяйства... Снова теперь въ нашей житницѣ производитель хлѣба самъ остался безъ хлѣба. И это въ той общинѣ, надъ которой мы долго задумчиво останавливались, какъ надъ ребенкомъ въ колыбели, гадая объ ея будущемъ. Теперь уже почти никто не споритъ, что современная община быстро разрушается".

Въ то время, такое мнѣніе было одинокимъ. За правленіе Императора Александра III былъ взятъ рѣшительно курсъ въ пользу общины; еще въ послѣдній годъ его царствованія 14 декабря 1893 г., былъ изданъ рядъ законовъ, укрѣплявшихъ ее: раньше крестьянинъ, погасившій свой долгъ за землю, могъ свободно выйти изъ общины; по новому закону, для этого нужно было согласіе двухъ третей ея членовъ. Община считалась однимъ изъ устоевъ государства. Ее отстаивала власть; ее защищало и большинство противниковъ власти; на этомъ сходились противуположности...

Даже кн. В. П. Мещерскій только косвенно, какъ бы приводя чужое мнѣніе, подходилъ къ этому вопросу, когда онъ цитировалъ „голыя и рѣзкія мысли" о желательности раздѣленія сельскаго населенія на землевладѣльцевъ и батраковъ, „какъ во всемъ мірѣ". Но для этого не было достаточно одной отмѣны общины; нужно было бы еще отмѣнить также и законы, запрещающіе продажу крестьянской земли „на сторону", не только крестьянамъ.

Особое совѣщаніе 1899—1901 г.г. собрало интересный матеріалъ о положеніи центральныхъ губерній, подтверждавшій мнѣніе относительно упадка сельскаго хозяйства въ этомъ районѣ. Но оно, въ сущности, не намѣтило никакихъ путей для выхода изъ положенія. Оно признало, что одной изъ причинъ кризиса является дальнѣйшее дробленіе земли въ предѣлахъ общины, но сочло, что это — неизбѣжное зло: „Относительное уменьшеніе количества земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, какъ естественное послѣдствіе роста населенія, не

требуетъ доказательствъ, **оно вытекаетъ изъ самой природы вещей**" — фаталистически заявлялось въ сводкѣ работъ особаго совѣщанія *).

Въ 1901 году — послѣ двухъ благополучныхъ годовъ — снова повторился неурожай, и опять въ тѣхъ же центральныхъ и восточныхъ районахъ (въ 42 губерніяхъ урожай ниже средняго). Этотъ неурожай сдѣлался, между прочимъ, предметомъ полемики между либеральными органами и правой печатью, такъ какъ это былъ первый случай примѣненія новой организаціи продовольственнаго дѣла, которое, по закону 1900 г., было передано изъ рукъ земства въ руки администраціи. Но государственная власть сдѣлала изъ этого новаго бѣдствія выводъ о необходимости принятія срочныхъ мѣръ для улучшенія положенія деревни.

„Теперь все чаще можно встрѣтиться съ мнѣніемъ — писало „Новое Время" на 1902-й Новый Годъ, — что это явленіе — не простая случайность, а послѣдствіе во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительной обстановки у насъ земледѣлія". Но общество, поскольку оно представляло собою нѣчто организованное, въ этомъ отношеніи не могло помочь власти. Оно разсматривало сельскохозяйственный кризисъ только какъ одно изъ проявленій общей несостоятельности „самодержавія"; либеральная и соціалистическая печать регистровала признаки этого кризиса, ставя ихъ на одну доску съ задержкой роста промышленности. Сами крестьяне, которые не могли учесть общихъ условій народнаго хозяйства, либо мечтали о „прирѣзкѣ" земли, либо искали исходъ въ переселеніи (за періодъ 1894—1901 г. въ Сибирь переселилось свыше 1.200.000 крестьянъ).

Но власть знала, насколько ограниченнымъ является земельный фондъ; знала, какое большое экономическое значеніе для всего народнаго хозяйства имѣютъ частновладѣльческія земли, съ ихъ болѣе высокой урожайностью. Что касается переселенія, то емкость Сибири была не столь велика, какъ можно было думать по картѣ; Средняя Азія требовала огромныхъ оросительныхъ работъ, а Манчжурія еще не была закрѣплена за Россіей.

12 ноября 1901 г. было объявлено объ учрежденіи новой, болѣе обширной комиссіи „для всесторонняго обсужденія вопроса объ экономическомъ упадкѣ центра въ связи съ условіями хозяйственной жизни другихъ частей Имперіи". Въ программу этой комиссіи входило изслѣдованіе условій землевладѣнія и землепользованія, условій податного порядка, отхожихъ промысловъ, доходности частнаго и

*) Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній. Труды особаго совѣщанія 1899—1901 г. Составилъ А. Д. Полѣновъ.

Д. С. Сипягинъ.

В. К. Плеве.

крестьянскаго хозяйства и т. д. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ товарищъ министра финансовъ В. Н. Коковцовъ; къ участію въ ней были приглашены, наряду съ представителями вѣдомствъ, спеціалисты-теоретики и земскіе дѣятели изъ числа сельскихъ хозяевъ.

Но эта комиссія, цѣлью которой было только всестороннее обслѣдованіе **части** сельскохозяйственной проблемы, не могла дать быстраго отвѣта на поставленные вопросы; она занялась собираніемъ обширнаго статистическаго матеріала, и только черезъ два года — въ октябрѣ 1903 г. — собралась на пленарную сессію для подведенія итоговъ своихъ работъ.

Въ январѣ 1902 г Государь принялъ важное принципіальное рѣшеніе, чтобы сдвинуть съ мертвой точки аграрный вопросъ. 23 января было утверждено положеніе объ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Это учрежденіе имѣло цѣлью не только выяснить нужды сельскаго хозяйства, но и подготовить „мѣры, направленныя на пользу этой отрасли народнаго труда".

Подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ С. Ю. Витте — хотя онъ и былъ всегда далекъ отъ нуждъ деревни, — при ближайшемъ участіи Д. С. Сипягина и министра земледѣлія А. С. Ермолова, это совѣщаніе состояло изъ двадцати сановниковъ, причемъ наряду съ членами Гос. Совѣта былъ привлеченъ и предсѣдатель Моск. О-ва сельскаго хозяйства, кн. А. Г. Щербатовъ.

Въ первомъ же засѣданіи, 2 февраля, были опредѣлены рамки работъ. С. Ю. Витте указалъ, что совѣщанію придется коснуться и вопросовъ общегосударственнаго характера, за разрѣщеніемъ которыхъ затѣмъ надо обратиться къ Государю. Д. С. Сипягинъ отмѣтилъ, что „многіе изъ вопросовъ, существенныхъ для сельско-хозяйственной промышленности, не должны однако разрѣшаться исключительно съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства"; возможны иныя, общегосударственныя соображенія.

Затѣмъ совѣщаніе рѣшило — обратиться къ заинтересованнымъ кругамъ населенія съ запросомъ о томъ, какъ они сами понимаютъ свои нужды. Такое обращеніе было смѣлымъ шагомъ; въ отношеніи интеллигенціи оно едва ли бы могло дать практическіе результаты; воззрѣнія интеллигенціи были достаточно извѣстны и сводились къ требованію политическихъ преобразованій всего государственнаго строя въ духѣ самыхъ радикальныхъ современныхъ теорій. Но въ данномъ случаѣ вопросъ задавался не городу, а деревнѣ — тѣмъ слоямъ населенія, дворянамъ и крестьянамъ, въ лойяльности которыхъ Государь былъ убѣжденъ.

Не находя отвѣта на вопросъ о нуждахъ деревни ни въ традиціонной политикѣ, унаслѣдованной отъ отца — политикѣ всемѣрной защиты крестьянскаго землевладѣнія и общины, — ни въ теоріяхъ, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ, Государь обратился къ людямъ практики, къ „землѣ", чтобы услышать ихъ мнѣніе по самому сложному вопросу русской жизни.

Но какъ было опредѣлить этихъ представителей „земли"? Земскія собранія, пополнявшіяся путемъ выборовъ, въ ту пору — зачастую основательно — подозрѣвались въ принципіальной оппозиціонности. Между властью и земствомъ были натянутыя отношенія. Какіе нибудь два года передъ тѣмъ, С. Ю. Витте доказывалъ несовмѣстимость земства съ самодержавіемъ, и Д. С. Сипягинъ также не питалъ симпатій къ выборнымъ учрежденіямъ. Выходъ былъ найденъ въ широкой децентрализаціи опроса.

Во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи были учреждены губернскіе комитеты по выясненію нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Затѣмъ были также организованы комитеты на Кавказѣ и въ Сибири. Предсѣдательствовалъ губернаторъ; входили въ нихъ по должности представители дворянства со всей губерніи, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, нѣсколько высшихъ чиновъ губернской администраціи, а также всѣ лица, участіе коихъ предсѣдатель комитета сочтетъ полезнымъ. Такіе же комитеты создавались и во всѣхъ уѣздахъ; только предсѣдателемъ уѣзднаго комитета являлся уѣздный предводитель дворянства. Въ не-земскихъ губерніяхъ комитеты пополнялись лицами изъ среды мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. По всей Россіи было образовано около 600 комитетовъ.

Широкія полномочія, предоставленныя предсѣдателямъ, были использованы неодинаково въ разныхъ случаяхъ. Въ общемъ, уѣздные комитеты получили болѣе самостоятельный, „общественный" характеръ, тогда какъ губернскіе были болѣе „казенными". Въ рядѣ случаевъ, въ составъ уѣздныхъ комитетовъ бывали приглашены всѣ члены мѣстнаго земскаго собранія; получились многочисленныя и разностороннія коллегіи. Такъ какъ комитетамъ были заданы практическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ заботило правительство, имъ былъ сначала данъ большой просторъ для сужденій. Среда, изъ которой пополнялись комитеты, была въ общемъ мало затронута политической пропагандой, и комитеты, за весьма немногими исключеніями, не воспользовались своими правами для выставленія политическихъ требованій. Предложеніе Д. С. Сипягина о составѣ комитетовъ оказалось удачнымъ: они оказались авторитетными въ своей области и дѣловыми учрежденіями.

Д. С. Сипягинъ, однако, не дожилъ до окончанія работъ совѣшанія: въ самый разгаръ работъ, 2 апрѣля 1902 г., онъ былъ сраженъ пулею соціалиста-революціонера Балмашова, который явился къ нему въ Маріинскій дворецъ, гдѣ шло засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ адъютантской формѣ, заявивъ, что привезъ пакетъ отъ В. К. Сергія Александровича, и выстрѣломъ изъ револьвера смертельно ранилъ министра. Д. С. Сипягинъ скончался черезъ часъ, въ полномъ сознаніи. „Я вѣрой и правдой служилъ Государю Императору и никому не желалъ зла“, сказалъ онъ передъ смертью. Въ лицѣ Д. С. Сипягина Государь потерялъ убѣжденнаго и преданнаго сотрудника, трудно замѣнимаго человѣка. Какъ и Н. П. Боголѣповъ, такъ и Д. С. Сипягинъ погибъ въ качествѣ представителя государственнаго строя, ненавистнаго революціоннымъ кругамъ; человѣкъ мягкій и глубоко честный, онъ ни въ комъ не могъ вызывать личной непріязни.

Убійство Д. С. Сипягина сыграло роковую роль въ русской жизни. Оно создало пропасть между Государемъ и оппозиціоннымъ обществомъ. Государь былъ глубоко потрясенъ и возмущенъ этимъ убійствомъ. Онъ назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ черезъ два дня послѣ убійства — статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи В. К. Плеве, который былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ крутыхъ репрессивныхъ мѣръ. Убійцу Д. С. Сипягина, Балмашова, было рѣшено судить военнымъ судомъ — это означало смертную казнь, такъ какъ гражданскій судъ не могъ выносить смертныхъ приговоровъ, и убійца Н. П. Боголѣпова былъ приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ (онъ вскорѣ бѣжалъ съ каторги). Балмашовъ держалъ себя мужественно и корректно на судѣ; онъ сказалъ своей сестрѣ, что всѣ слухи о томъ, будто его истязали — ложны; онъ не имѣетъ основаній жаловаться на обращеніе. Когда смертный приговоръ былъ вынесенъ, Балмашовъ отказался подать просьбу о помилованіи. Его казнь — въ маѣ 1902 г. — была **первой** казнью по политическому дѣлу за царствованіе Императора Николая II.

Рознь углублялась: для Государя — мученикомъ долга былъ Д. С. Сипягинъ, для интеллигенціи — героемъ сталъ Балмашовъ.

Съ этимъ убійствомъ почти совпали по времени крестьянскіе безпорядки, внезапно возникшіе въ Полтавской и части Харьковской губ. Съ середины марта въ полтавскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи крестьяне стали являться въ помѣщичьи усадьбы, съ просьбами о даровой выдачѣ хлѣба и корма для скота. Чрезвычайно участились кражи среди бѣла дня. Грабители говорили: „Все равно скоро наше будетъ“. 28 марта толпа крестьянъ явилась

съ подводами въ имѣніе „Карловка" (герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго) и забрала со складовъ весь картофель. Въ теченіе ближайшихъ трехъ дней, всюду повторялась та же картина: толпа крестьянъ, съ обозомъ въ 300—400 телѣгъ, обходила имѣнія и забирала себѣ продукты. „Берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книгахъ написано", кричала толпа. Полтавскій губернаторъ, съ тремя батальонами пѣхоты, отправился въ районъ безпорядковъ, и 1 апрѣля столкнулся съ толпой, грабившей мельницу въ 10 верстахъ отъ Полтавы. Сначала толпа, вооруженная кольями и вилами, пыталась сопротивляться, но послѣ перваго же залпа разбѣжалась. Было 3 убитыхъ и 4 раненыхъ. Въ отдаленныхъ частяхъ губерніи безпорядки длились еще дня два.

Въ Харьковской губ. (валковскій и богодуховскій уѣзды) безпорядки приняли болѣе ожесточенный характеръ: не только увозили хлѣбъ, но и уносили инвентарь, угоняли скотъ, поджигали усадьбы; при ограбленіи больницы изъ-подъ больныхъ вырывали тюфяки; одну усадьбу всю растаскали по бревнамъ. Волненія и здѣсь продолжались всего нѣсколько дней. Въ Полтавской губ. было ограблено 64 имѣнія, въ Харьковской — 27. Въ деревняхъ была найдена противоправительственная литература на малороссійскомъ языкѣ, съ призывами къ возстанію и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ. Вожаковъ движенія арестовали; менѣе видныхъ участниковъ подвергли тѣлесному наказанію и отпустили на свободу.

Пострадавшимъ владѣльцамъ было выдано пособіе отъ казны, и на деревни, участвовавшія въ грабежахъ, былъ наложенъ дополнительный налогъ. Безпорядки, вспыхнувшіе въ четырехъ уѣздахъ съ малороссійскимъ населеніемъ, были вызваны умѣлой пропагандой, нашедшей благодарную почву въ особыхъ мѣстныхъ условіяхъ. Въ этомъ районѣ было много крестьянъ, получившихъ „дарственные" надѣлы при освобожденіи — они не платили выкупныхъ платежей, но зато имѣли очень малые участки земли. На лицо было дѣйствительно малоземелье; благодаря подворному владѣнію, мѣстное крестьянство было болѣе зажиточнымъ, чѣмъ въ центральной и восточной Россіи, но вражда къ помѣщикамъ, „панамъ" была, пожалуй, замѣтнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ областяхъ.

Когда Государь, 29 августа того же 1902 г., посѣтилъ Курскъ, Ему представлялись депутаціи отъ крестьянъ окрестныхъ губерній. Обращаясь къ нимъ, Государь сказалъ: „Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губ. крестьяне разграбили экономіи. Виновные понесутъ заслуженное наказаніе, и начальство сумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее подобныхъ безпоряд-

ковъ... Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Дѣйствительныя нужды ваши Я не оставлю своимъ попеченіемъ".

Въ рѣчи къ дворянамъ на томъ же Курскомъ вокзалѣ, Государь коснулся предстоящихъ реформъ. „Я знаю, сказалъ Онъ, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія. Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время; есть неустройства и въ крестьянскомъ; для устраненія послѣднихъ, по моему повелѣнію въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ соображаются нужныя мѣры. Къ участію въ этихъ мѣрахъ будутъ привлечены въ свое время губернскіе комитеты съ участіемъ дворянства и земства. Что касается помѣстнаго землевладѣнія, составляющаго исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ моей непрестанной заботой".

Лѣтомъ 1902 г. приступили къ работамъ мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности — сначала губернскіе, потомъ уѣздные. Работа была поставлена въ широкія рамки. Разсылая уѣзднымъ комитетамъ перечень вопросовъ, по которымъ желательно было имѣть отвѣты, Особое Совѣщаніе отмѣчало, что оно „не имѣло въ виду стѣснить сужденія мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ этимъ послѣднимъ будетъ поставленъ общій вопросъ о нуждахъ нашей сельскохозяйственной промышленности, дающій имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ".

Въ одномъ отношеніи правительство выдерживало принципіальную позицію: оно отметало **выборное начало** при составленіи комитетовъ; предсѣдатели могли приглашать въ нихъ хотя бы всѣхъ земскихъ гласныхъ, но выборовъ отъ земскихъ собраній въ эти комитеты не допускалось.

Комитеты были составлены по разному: въ однихъ, какъ напр. въ Орловскомъ губернскомъ К-тѣ, кромѣ тѣхъ, кто участвовалъ въ немъ по закону, были приглашены только два маклера хлѣбныхъ биржъ; въ Лохвицкомъ уѣздѣ (Полтавской губ.) были наоборотъ приглашены не только всѣ гласные, но свыше 60 „свѣдущихъ лицъ"; въ Арзамасѣ въ комитетъ пригласили 25 крестьянъ изъ всѣхъ волостей. Въ большинствѣ случаевъ участіе было активнымъ; комитеты при этомъ засѣдали публично (случаи закрытія дверей были рѣдкими исключеніями); въ шестистахъ центрахъ одновременно обсуждались нужды русскаго сельскаго хозяйства.

Ставились самые различные вопросы — о народномъ образованіи, о реорганизаціи суда; „о мелкой земской единицѣ" (волостномъ земствѣ); въ нѣсколькихъ (впрочемъ весьма рѣдкихъ) случаяхъ

говорилось и о желательности политическихъ преобразованій; о созданіи той или иной формы народнаго представительства. Съ обширной запиской, критиковавшей политику власти, выступилъ сынъ извѣстнаго славянофила, крестникъ Гоголя, Н. А. Хомяковъ. „Нужды земледѣлія въ Россіи — въ полномъ пренебреженіи", писалъ онъ: съ нимъ вразрѣзъ и желѣзнодорожные тарифы, и казенная монополія, и покровительственные тарифы для промышленности.

Работы уѣздныхъ комитетовъ закончились въ началѣ 1903 г.; вслѣдъ за тѣмъ, губернскіе комитеты подводили итоги. При этомъ въ нѣкоторыхъ, напр. въ Харьковскомъ, Тверскомъ и Тамбовскомъ, предсѣдатель снялъ съ обсужденія рядъ вопросовъ, поступившихъ изъ уѣздныхъ комитетовъ (въ этихъ губерніяхъ наиболѣе проявлялись земскія либеральныя теченія). Въ другихъ, — особенно въ не-земскихъ губерніяхъ, гдѣ не было такого антагонизма между губернаторомъ и выборными учрежденіями, губернскіе комитеты еще дополнили и расширили работу уѣздныхъ.

Въ общемъ, однако, окончаніе работъ комитетовъ протекло въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ ихъ начало. За эти восемь-десять мѣсяцевъ, вражда между властью и обществомъ, вплоть до весьма умѣренныхъ круговъ, рѣзко усилилась, и со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ въ нѣсколькихъ случаяхъ были примѣнены репрессіи къ отдѣльнымъ членамъ комитетовъ, обвинявшихся въ противоправительственной агитаціи. Это сказалось на работахъ губернскихъ комитетовъ; губернаторы, боясь осложненій, не допускали оглашенія нѣкоторыхъ докладовъ; такъ, харьковскій губернаторъ снялъ съ обсужденія докладъ Н. Н. Ковалевскаго, о тонѣ котораго можно было судить по одной изъ заключительныхъ фразъ: „Нельзя начинать бороться съ комарами, не устранивъ предварительно вампировъ... Сельскохозяйственная промышленность страны не можетъ быть сколько нибудь замѣтно улучшена безъ устраненія главныхъ причинъ, которыя привели къ настоящему положенію деревни"... Въ нѣсколькихъ губернскихъ комитетахъ (Тамбовскомъ, Тульскомъ), значительная часть членовъ отказалась участвовать въ дальнѣйшихъ работахъ, ссылаясь на стѣсненіе со стороны предсѣдателя (дѣйствовавшаго по инструкціямъ министерства внутреннихъ дѣлъ). Въ Московской губерніи произошелъ расколъ въ комитетѣ: большинство отвергло предложеніе либеральнаго меньшинства, которое тогда покинуло собраніе.

Къ счастью, основная работа на мѣстахъ, въ уѣздныхъ комитетахъ, была продѣлана въ болѣе спокойной атмосферѣ, безъ политическихъ разногласій и репрессивныхъ мѣръ. Задача, возложенная Го-

сударемъ на Особое Совѣщаніе, въ основныхъ чертахъ была выполнена.

Каковы же были итоги этой большой работы, этого обращенія къ сельской Россіи? Труды комитетовъ занимали много десятковъ томовъ. Можно было найти въ этихъ трудахъ выраженія самыхъ различныхъ взглядовъ; интеллигенція, болѣе подвижная и активная, поторопилась извлечь изъ нихъ то, что казалось ей политически благопріятнымъ для нея. Еще оффиціальное изданіе трудовъ комитетовъ не появилось въ свѣтѣ, а группа земскихъ либераловъ уже выпустила — пользуясь рукописными матеріалами около трети комитетовъ — свою сводку подъ названіемъ „Нужды деревни“ *), съ предисловіемъ П. Н. Милюкова. По всѣмъ вопросамъ объ „основахъ правопорядка“, о самоуправленіи, о правахъ крестьянъ, о народномъ образованіи, изъ сужденій комитетовъ было извлечено все, что соотвѣтствовало направленію составителей; все несогласное было либо отброшено, либо вкратцѣ отмѣчено, какъ уродливыя исключенія. Такимъ образомъ, хотя всего два-три десятка комитетовъ коснулись, хотя бы косвенно, политическихъ темъ — въ „Нуждахъ деревни“ изображали дѣло такъ, точно сельская Россія выставила всѣ требованія, да еще добавила „если нѣтъ — нѣтъ“, — если ихъ не выполнить — нѣтъ спасенія сельскому хозяйству.

Конечно, въ сужденіяхъ 600 комитетовъ можно было найти почти все, что угодно; были въ нихъ, конечно, и заявленія земскихъ либераловъ, напоминающія адреса при восшествіи Государя на престолъ. Было почти единогласіе въ пользу земскихъ учрежденій (въ не-земскихъ губерніяхъ очень многіе комитеты высказались за ихъ введеніе). Требованія уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, и въ особенности пожеланіе о широкомъ распространеніи народнаго образованія были въ сущности общепризнанными — не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ кругахъ: работы по пересмотру законодательства о крестьянахъ были возобновлены еще 15 января, за недѣлю до созданія Особаго Совѣщанія о нуждахъ с.-х. промышленности.

Но въ сужденіяхъ комитетовъ было и нѣчто иное, о чемъ либеральная печать почти умалчивала, о чемъ только вскользъ упоминалось въ „толстыхъ журналахъ“: значительная часть комитетовъ по-

---

*) **Нужды деревни** по работамъ комитетовъ с.-х. промышленности. Изданіе Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи редакціи газеты „Право“. С.-Петербургъ 1904.

дошла къ самой сути земельной проблемы — къ вопросу о крестьянской общинѣ. И еще замѣчательнѣе, что значительное большинство этихъ комитетовъ высказалось **противъ** общины или, во всякомъ случаѣ, за свободный выходъ изъ нея отдѣльныхъ крестьянъ.

Согласно сводкѣ, опубликованной подъ редакціей А. А. Риттиха для 49 губерній Европейской Россіи (кромѣ Донской обл.), вопросъ объ общинѣ обсуждали 184 комитета. Изъ нихъ 125 высказались противъ ея сохраненія (были всѣ оттѣнки мнѣній — отъ принудительной ликвидаціи до облегченія выхода отдѣльныхъ членовъ); 42 — за сохраненіе, съ тѣми или иными поправками; и 17 — уклонились отъ отвѣта (рѣшивъ „предоставить теченію жизни", или „нужно дополнительное разслѣдованіе"). Преобладаніе противниковъ общины оказывается еще значительнѣе, если взять только уѣздные комитеты: 113 и 32 (въ губернскихъ больше проявлялось вліяніе администраціи; и только 12 высказались противъ общины; 10 — за, и 6 воздержались).

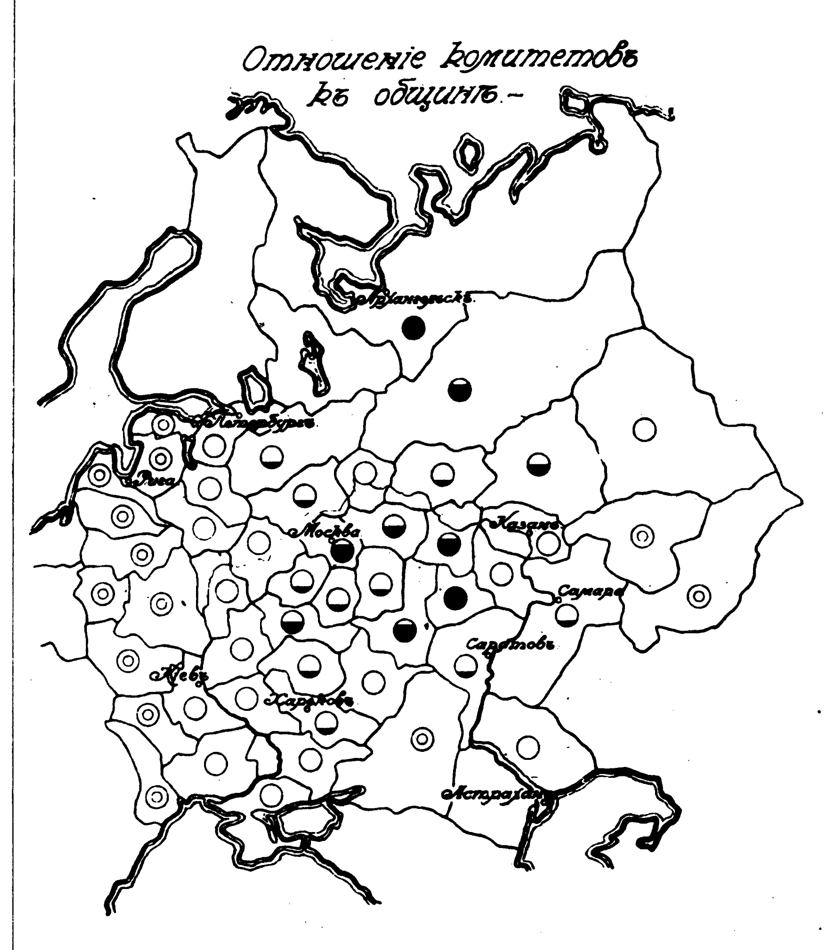
Эти цифры становятся, однако, еще краснорѣчивѣе, если принять во вниманіе, что въ губерніяхъ, гдѣ общины не было, этотъ вопросъ вообще не ставился: никому и въ голову не приходило вводить общину для уврачеванія недуговъ сельскаго хозяйства! На всемъ западѣ Россіи только въ уманьскомъ уѣздѣ Кіевской губ. вспомнили про общину, и то, чтобы высказать пожеланіе: „**упразднить** общинное владѣніе, сохранивщееся въ 55 селеніяхъ уѣзда". Далѣе, въ десяти смѣшанныхъ губерніяхъ, гдѣ имѣлись оба вида крестьянскаго землепользованія, **всѣ** комитеты высказались противъ общины, и только въ двухъ изъ такихъ губерній меньшинство комитетовъ (4 изъ 18) высказались въ ея пользу.

Большинство комитетовъ высказалось за общины только въ **шести** губерніяхъ *). Сторонники общины преобладали въ Московской, Нижегородской, Тамбовской, Вологодской губ., и были сильно представлены также въ Владимірской, въ Вятской, въ Тверской. Повидимому сказывалось вліяніе либеральныхъ земствъ, стоявшихъ за общину по соображеніямъ соціальной политики.

Только **одинъ** комитетъ (Сарапульскій въ Вятской губ.; въ этомъ уѣздѣ извѣстный Воткинскій заводъ) высказался за дальнѣйшее развитіе общины въ коллективное хозяйство, съ артельной обработкой земли. Остальные, даже отстаивая общину, предлагали къ ней

---

*) Въ двухъ — Пензенской и Архангельской — едва ли даже можно говорить о большинствѣ — рѣчь идетъ объ **одномъ** комитетѣ, остальные не касались этого вопроса.

○ Всѣ отзывы - противъ общины — Большинство за общину.

Большинство отзывовъ - противъ общины. — Всѣ отзывы за общину.

Равное число за и противъ — ◎ Комитеты не касались вопроса объ общинѣ.

различныя поправки: затрудненіе передѣловъ, оставленіе прежнихъ участковъ за тѣми хозяевами, которые хорошо ихъ обрабатывали, установленіе предѣла дробимости земли, и т. д.

Съ другой стороны, противники общины далеко не всѣ высказывались за ея полную ликвидацію. Вообще, только 52 изъ 125 комитетовъ предлагали отмѣну общины въ законодательномъ порядкѣ или полное воспрещеніе передѣловъ; остальные 73 стояли либо за облегченія перехода къ подворному владѣнію, но безъ принудительныхъ мѣръ, либо за предоставленіе права выдѣленія общины отдѣльнымъ крестьянамъ съ переходомъ земли въ ихъ собственность.

Другимъ существеннымъ вопросомъ, вытекавшимъ изъ признанія крестьянской **частной** собственности на землю, былъ вопросъ о правѣ продажи этой земли. Крестьянскія земли по русскимъ законамъ стали своего рода „владѣніями мертвой руки": фактически ихъ не могли продавать, и если это съ одной стороны препятствовало обезземеленію крестьянства, то съ другой — это лишало крестьянъ нормальнаго сельско-хозяйственнаго кредита. 83 комитета обсуждали этотъ вопросъ; и только 7 высказались за сохраненіе неотчуждаемости крестьянскихъ земель; 27 высказались за допущеніе распоряженія надѣльной землей на правѣ полной собственности, а 49 — съ нѣкоторыми ограниченіями (по большей части — съ правомъ продажи только другимъ крестьянамъ).

Доводы въ пользу свободнаго оборота земли были наиболѣе отчетливо выражены въ заключеніи Кіевскаго уѣзднаго комитета:

„Кіевскій уѣздный комитетъ, — говорилось въ немъ, — не могъ не обратить вниманія на высказывавшіяся часто опасенія, что свобода отчужденія крестьянской собственности можетъ повести къ скупкѣ земель болѣе состоятельными лицами, и къ образованію безземельнаго пролетаріата, **но не раздѣляетъ такихъ опасеній** по слѣдущимъ соображеніямъ:

„Во-первыхъ, выдѣленіе изъ крестьянъ безземельнаго класса представляется при всякихъ условіяхъ совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ, такъ какъ населеніе растетъ, а поземельная собственность имѣетъ опредѣленныя и довольно узкія границы.

„Во-вторыхъ, если государство будетъ стремиться сохранить за всѣмъ сельскимъ населеніемъ право владѣнія землею, то возникаетъ **опасность гораздо большая:** опасность превращенія массы населенія въ малоземельный пролетаріатъ и раздробленіе земли на такіе клочки, на которыхъ нельзя вести сельское хозяйство (пульверизація земли)".

Кіевскій комитетъ далѣе указывалъ, что запрещеніе продажи

крестьянской земли лицамъ другихъ сословій будетъ выгодно только „кулакамъ“, а не продавцамъ земли. Но въ этомъ отношеніи большинство комитетовъ за нимъ не послѣдовало.

Тѣ же мысли о послѣдствіяхъ сохраненія общины ярко выражалъ А. Воскресенскій, податной инспекторъ, авторъ книги по земельному вопросу, вышедшей въ 1903 г.: „Если у крестьянъ не хватитъ здраваго смысла, чтобы прекратить передѣлы, и если правительство будетъ держаться политики невмѣшательства... всѣ неравномѣрности общиннаго землевладѣнія сгладятся. Передѣлы сравняютъ всѣхъ крестьянъ; никому не будетъ хватать хлѣба до новаго урожая; никто не будетъ въ состояніи держать на надѣльной землѣ ни лошади, ни коровы. Неужели же порядокъ, ведущій крестьянъ къ подобному положенію нужно удерживать всѣми зависящими средствами? Неужели его можно хотя бы оставить въ неприкосновенности?“.

Выводы комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности были въ значительной мѣрѣ затушеваны печатью: они не соотвѣтствовали взглядамъ, господствовавшимъ въ обществѣ. Они и для правительства явились нѣкоторой неожиданностью.

Н. А. Павловъ, энергичный участникъ работы комитетовъ, пишетъ по этому поводу: „По почину Государя созывается Особое Совѣщаніе... до 600 комитетовъ говорятъ одно дѣло (о „конституціи“ проговорилось всего 8 комитетовъ). Комитеты консервативны; просятъ: уничтоженія общины, перехода къ единоличному владѣнію, кредита, разселенія, переселенія и проч. На величайшій актъ Государя — призывъ мѣстныхъ людей — сельская Россія даетъ рѣшающій и продуманный отвѣтъ... Полно или неполно созванная, но страна, въ числѣ до 50 тысячъ мѣстныхъ людей и крестьянъ, отвѣтила Государю, показавъ свой разумъ и вѣрность“. Н. А. Павловъ добавляетъ съ горечью: „Историческій и важнѣйшій актъ Государя сорванъ!.. Община была наканунѣ конца, а бюрократія и общество ее опять отстояли“... Дѣйствительно, обостреніе политической борьбы временно отодвинуло этотъ важнѣйшій вопросъ на второй планъ. Но все же работа комитетовъ не пропала даромъ: она принесла свои плоды черезъ 3 -4 года. Общая сводка работъ еще не была составлена, а изданіе трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, занявшихъ 58 томовъ, заняло около года. Но не желая изъ-за этого задерживать принятіе первыхъ мѣръ, Государь издалъ манифестъ 26 февраля 1903 г., основанный отчасти на предварительныхъ итогахъ работы комитетовъ.

„Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами враждебными государственному порядку, отчасти увлече-

ніемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія“, говорилось въ началѣ манифеста, но затѣмъ все же перечислялся рядъ намѣченныхъ преобразованій. На первомъ мѣстѣ стояло предписаніе властямъ неуклонно соблюдать **завѣты вѣротерпимости.** Какъ отмѣтила даже оппозиціонная печать, это слово впервые появилось въ Императорскомъ манифестѣ. Государю всегда была свойственна религіозная терпимость, и Онъ уже не разъ, хотя и менѣе открыто, выражалъ Свою волю въ этомъ отношеніи.

Труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи предписывалось „передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу ихъ трудовъ — положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ временно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины. Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки“.

Изъ остальныхъ положеній манифеста, наиболѣе существеннымъ было указаніе на преобразованіе мѣстнаго управленія „для изысканія способовъ удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью“. Это была та самая реформа администраціи, которую С. Ю. Витте еще въ своей запискѣ о „Самодержавіи и земствѣ“ противополагалъ планамъ расширенія дѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Для ея разработки въ началѣ 1903 г. была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ф. Платонова, извѣстнаго историка; она получила названіе „комиссіи о децентрализаціи“, такъ какъ имѣла цѣлью усиленіе власти на мѣстахъ.

Можетъ показаться страннымъ, что въ отвѣтъ на пожеланія мѣстныхъ комитетовъ въ манифектѣ 26 февраля говорилось о неприкосновенности общины. Это объясняется тѣмъ, что власти было нелегко перемѣнить свой курсъ въ вопросѣ, въ которомъ какъ разъ, въ видѣ исключенія, почти все общественное мнѣніе стояло **за сохраненіе** существующаго порядка; не такъ легко было, отказывая въ реформахъ, которыхъ требовали, проводить именно ту реформу, противъ которой возражали. Для этого нужна была **полная** увѣренность въ ея необходимости; а сводка трудовъ комитетовъ была еще не закончена; къ тому же, рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ противъ общины требовало только меньшинство.

Все же, власть учла критику общины, обѣщавъ облегчить изъ нея выходъ отдѣльнымъ крестьянамъ; а, главное, она отказалась отъ собственной своей заинтересованности въ сохраненіи общины, упраздняя круговую поруку, при помощи которой исправные крестьяне-налогоплательщики могли отвѣчать за своихъ неисправныхъ однообщинниковъ. (Законъ объ отмѣнѣ круговой поруки былъ изданъ черезъ двѣ недѣли послѣ манифеста 12 марта).

Государю было трудно преодолѣвать въ этомъ вопросѣ инерцію государственной машины. Но задача была поставлена; пересмотръ отношенія къ общинѣ начался... Какимъ безпомощно наивнымъ наряду съ продуманными отвѣтами деревенской Россіи, должно было показаться Государю письмо гр. Л. Н. Толстого, полученное Имъ около того же времени (въ началѣ 1902 г.): „Пишу Вамъ — писалъ гр. Толстой — какъ бы съ того свѣта, въ ожиданіи близкой смерти... Самодержавіе есть форма правленія отжившая.. Стомилліонный народъ скажетъ, что желаетъ свободы пользованія землей, т. е. **уничтоженія права земельной собственности.** Думаю, что ея уничтоженіе поставитъ русскій народъ на высокую степень независимости, благосостоянія и довольства". И это было написано въ ту пору, когда, въ значительной мѣрѣ изъ-за отсутствія частной земельной собственности на большую часть удобныхъ земель въ Россіи, сельское хозяйство находилось въ застоѣ и упадкѣ.

Послѣднимъ звеномъ той большой работы, которая въ первые три года XX-го вѣка была продѣлана русской властью для подготовки разрѣшенія земельнаго вопроса, явилась заключительная сессія основанной еще въ ноябрѣ 1901 г. комиссіи по вопросу объ упадкѣ центра. Въ теченіе двухъ лѣтъ, черезъ департаментъ неокладныхъ сборовъ, были собраны обильныя статистическія данныя о положеніи центральныхъ губерній, въ сопоставленіи съ другими частями Имперіи. Общая обстановка была еще много напряженнѣе, чѣмъ въ моментъ окончанія работъ Особаго Совѣщанія.

Съ 10 по 24 октября 1903 г., подъ предсѣдательствомъ В. Н. Коковцова, комиссія подводила итоги двухлѣтней работы. Въ комиссію входили: 14 представителей вѣдомствъ (финансовъ, земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ), и 18 земскихъ дѣятелей. Въ первомъ же засѣданіи былъ поднятъ вопросъ о томъ, можно ли вообще говорить объ упадкѣ **центра?** Земскіе представители утверждали, что рѣчь идетъ о явленіи общерусскомъ. Наконецъ, большинствомъ голосовъ было признано, что въ центральномъ районѣ „упадокъ выразился наиболѣе рѣзко".

На работахъ этой комиссіи неблагопріятно сказывалось обостреніе противорѣчій между властью и обществомъ. Земскіе дѣятели, сговорившись между собой, подали записку, въ которой утверждали, что безцѣльно прибѣгать къ чисто экономическимъ мѣрамъ; нужно измѣнить правовое и соціальное положеніе, въ первую очередь — произвести реформу крестьянскаго правопорядка, ограничить власть земскихъ начальниковъ, отмѣнить тѣлесныя наказанія; указывалось также на желательность развитія народнаго образованія, облегченія выхода изъ общины и перехода къ подворному владѣнію; наконецъ — и для того момента это было требованіемъ весьма политическимъ — земцы требовали разрѣшенія районныхъ земскихъ съѣздовъ и передачи законопроектовъ, касающихся мѣстной хозяйственной жизни на заключеніе земскихъ собраній.

Предсѣдатель комиссіи, В. Н. Коковцовъ, въ отвѣтъ предложилъ держаться установленныхъ рамокъ: это, сказалъ онъ, комиссія по вопросу о хозяйственномъ оскудѣніи центра. „Едва ли правильно объяснять общими причинами упадокъ данной мѣстности... Это значитъ отрицать возможность мѣръ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ". Послѣ этого комиссія вынесла нѣсколько „безобидныхъ" пожеланій: о финансовой помощи земствамъ, о развитіи кустарной промышленности, объ упорядоченіи переселенческаго дѣла, о сокращеніи выкупныхъ платежей, — и закончила свои работы.

Записка земцевъ вызвала отклики въ печати — весьма осторожные, такъ какъ это былъ періодъ цензурныхъ строгостей. Соціалистическое „Русское Богатство" писало съ нѣкоторымъ злорадствомъ: „Судьба, постигшая заявленіе земцевъ — нѣчто поучительное... Можно пожелать, чтобы данный урокъ былъ оцѣненъ по достоинству тѣми сферами, которыхъ онъ ближе всего касается". Справа „Московскія Вѣдомости" писали, что земцы предложили крестьянину „книгу вмѣсто хлѣба".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Легенда и правда о Государѣ. — „Зубатовскіе" профессіональные союзы и рабочее законодательство — Реформы въ учебномъ дѣлѣ. — Литературныя теченія. — Борьба съ властью: соціалъ-революціонеры и терроръ; II-й съѣздъ соціалъ-демократовъ; „Освобожденіе".

Политика В. К. Плеве. — Безпорядки въ Златоустѣ. — Кишиневскій погромъ. — Убійство Богдановича. — Рабочія волненія. — Армянскія волненія. — Безпорядки въ Гомелѣ. — Саровскіе дни.

Русско-французскія отношенія. — Принцъ Генрихъ Прусскій о Государѣ. — Россія и Австрія; македонскія событія; Мюрцштегская программа. — Бюловъ объ „антирусскомъ теченіи".

На Дальнемъ Востокѣ: миссія маркиза Ито; англояпонскій союзъ 1902 г. — Отставка С. Ю. Витте. — Намѣстничество Дальняго Востока. — Японскія требованія о Манчжуріи. — Репрессіи противъ тверского земства. — Разрывъ сношеній между Россіей и Японіей.

„Значеніе переживаемаго можно опредѣлить словами: нравственный моментъ, подготовляющій переломъ экономической политики въ пользу сельскаго хозяйства, поворотъ руля этой политики въ сторону интересовъ деревни", писало „Новое Время" въ новогоднемъ номерѣ 1903 г.

Дѣйствительно за предшествующій годъ вниманіе власти было обращено преимущественно на положеніе деревни. Этотъ поворотъ, весьма знаменательный послѣ десяти лѣтъ экономической политики Витте, направленной въ другую сторону, послѣ длительнаго періода стремленій сохранить въ деревнѣ существующее положеніе, не могъ быть произведенъ никѣмъ, кромѣ самого Государя.

На девятомъ году царствованія, личность Императора Николая II оставалась едва ли не настолько же загадочной для общества и народа, какъ въ моментъ Его восшествія на престолъ. Вѣрнѣе, ее уже заслоняла легенда, созданная кругами, враждебными власти. Было ли это сознательнымъ маневромъ или просто результатомъ непониманія, недооцѣнка противника (ибо Государь, конечно, **былъ** противникомъ революціонныхъ теченій!) — но отношеніе къ Императору Николаю II существенно отличалось отъ той вражды, смѣшанной со страхомъ и невольнымъ уваженіемъ, которую враги русской власти питали къ Его державному предшественнику.

Мягкость обращенія, привѣтливость, отсутствіе или по крайней мѣрѣ весьма рѣдкое проявленіе рѣзкости—та оболочка, которая скрывала волю Государя отъ взора непосвященныхъ — создала Ему въ широкихъ слояхъ страны репутацію благожелательнаго, но слабаго правителя, легко поддающагося всевозможнымъ, часто противорѣчивымъ, внушеніямъ. Утверждали также, будто на Государя можно всегда повліять формулой: „Такъ дѣлалось при покойномъ Царѣ“ *). А когда принималось какое-нибудь неожиданное, новое рѣшеніе, — сейчасъ же начинали искать „закулисныхъ вліяній“.

Между тѣмъ, такое представленіе было безконечно далеко отъ истины; внѣшнюю оболочку принимали за сущность. Императоръ Николай II, внимательно выслушивавшій самыя различныя мнѣнія, въ концѣ концовъ поступалъ сообразно **Своему** усмотрѣнію, въ соотвѣтствіи съ тѣми выводами, которые сложились въ Его умѣ, часто — прямо вразрѣзъ съ дававшимися Ему совѣтами. Его рѣшенія бывали порою неожиданными для окружающихъ именно потому, что свойственная Ему замкнутость не давала никому возможности заглянуть за кулисы Его рѣшеній. Но напрасно искали какихъ либо тайныхъ вдохновителей рѣшеній Государя. Никто не скрывался „за кулисами“. Можно сказать, что Императоръ Николай II самъ былъ главнымъ „закулиснымъ вліяніемъ“ своего царствованія!

Можно даже сказать больше: за первый періодъ своего царствованія, Государь понемногу „подчинилъ себѣ“ министровъ — едва ли не въ большей степени, чѣмъ Императоръ Александръ III, бывшій только „собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“. Поворачивая руль экономической политики въ сторону деревни, Государь распространялъ свое непосредственное вліяніе и на область народнаго хозяйства.

---

*) Это писалъ, м. п., въ своей книгѣ о Россіи, извѣстный нѣмецкій историкъ проф. Гетцшъ.

Прославленіе Преподобнаго Серафима Саровскаго.

Ихъ Величества среди народа въ Саровѣ.

Основныя вѣхи и внѣшней, и внутренней политики были поставлены самимъ Государемъ: во внѣ — проведеніе въ жизнь „большой азіатской программы", при всемѣрномъ охраненіи мира въ Европѣ; внутри — выпрямленіе того крена въ пользу города, который получился въ результатѣ быстраго роста промышленности и отставанія сельскаго хозяйства; проведеніе преобразованій — при непремѣнномъ условіи сохраненія неприкосновенности проводящей ихъ самодержавной царской власти, которая представлялась Государю необходимымъ условіемъ великодержавной мощи и внутренняго процвѣтанія Россіи.

Послѣ того, какъ въ 1899 г. Государь отказался отъ расширенія мѣстнаго самоуправленія, опасаясь, что этимъ Онъ бы усилилъ стремленіе къ ограниченію царской власти, Онъ какъ бы проводилъ въ жизнь новую формулу: по мѣрѣ возможности удовлетворялъ всѣ тѣ требованія реформъ, которыя не влекутъ за собою **политическихъ** послѣдствій.

Въ карикатурномъ видѣ, заграничный журналъ „Освобожденіе" изображалъ эту тенденцію, какъ стремленіе „подкупить всѣ сколько-нибудь вліятельные слои населенія": купечество, дворянство, рабочихъ; къ этому списку слѣдовало бы причислить и крестьянство, улучшеніе быта котораго было выдвинуто въ 1902 г. на первый планъ. Заграничный журналъ, того не сознавая, дѣлалъ власти высшій комплиментъ, отмѣчая, какъ она поочерёдно стремится удовлетворить потребности всѣхъ слоевъ населенія!

Еще съ конца XIX-го вѣка особое вниманіе было обращено на рабочихъ. Ихъ потребность въ общеніи, въ самообразованіи, въ организованной защитѣ ихъ интересовъ сталкивалась, съ одной стороны, съ опасеніями развитія революціонныхъ организацій, съ другой, съ экономическими возможностями страны, гдѣ промышленность еще находилась въ періодѣ развертыванія. Починъ смѣлой попытки удовлетворить потребности рабочихъ при одновременномъ соблюденіи интересовъ власти взялъ на себя умный и активный представитель администраціи, С. В. Зубатовъ, занимавшій одно время постъ начальника Московскаго Охраннаго отдѣленія.

Зубатовъ исходилъ изъ совершенно правильной мысли о томъ, что интересы государственной власти отнюдь не тождественны съ узко понимаемыми интересами предпринимателей; что рабочіе могли улучшить свое положеніе совершенно независимо отъ какихъ-либо **политическихъ** преобразованій. Рабочія организаціи до тѣхъ поръ создавались только соціалистами, настроенными революціонно и стремив-

шимися использовать рабочихъ въ качествѣ орудія борьбы съ существующимъ строемъ. Поэтому рабочія организаціи преслѣдовались властью. Зубатовъ рѣшилъ рискнуть предоставить тѣмъ рабочимъ, въ „благонамѣренности“ которыхъ онъ былъ увѣренъ, создать вокругъ себя профессіональныя объединенія.

Министерство внутреннихъ дѣлъ отнеслось съ недовѣріемъ къ этой „затѣѣ“; но Зубатовъ нашелъ поддержку у Великаго Князя Сергія Александровича, занимавшаго постъ московскаго генералъ-губернатора. Въ Москвѣ поэтому былъ произведенъ первый опытъ легальной рабочей организаціи. Начали съ кассы взаимопомощи. Затѣмъ тѣ же организаторы изъ рабочей среды обратились къ ряду профессоровъ московскаго университета съ просьбой взять на сеоя устройство лекцій и собесѣдованій на общеобразовательныя темы, причемъ въ первую очередь освѣщались вопросы о положеніи рабочихъ въ Россіи и о тѣхъ способахъ, которыми рабочіе на западѣ добились улучшенія условій своей жизни. Англійскіе — въ то время еще аполитичные трэдъ-юніоны, рабочее законодательство Бисмарка стали предметомъ обсужденія въ московской рабочей средѣ. Извѣстные ученые, какъ историкъ П. Г. Виноградовъ, профессора Денъ, Озеровъ, Вормсъ, Мануйловъ охотно приняли участіе въ этомъ общеніи съ рабочими.

Изъ Москвы движеніе распространилось также на западный край. Была основана, въ противовѣсъ соціалистическому „Бунду“, еврейская независимая рабочая партія, главные дѣятели которой не были „подкупленными агентами“, а дѣйствительно считали, что для улучшенія быта рабочихъ полезнѣе сотрудничество съ государственной властью, нежели борьба съ нею. Шаевичъ — въ Одессѣ, Марія Вильбушевичъ въ Минскѣ были главными руководителями этого движенія.

19 февраля 1902 г. московскіе рабочіе, подъ руководствомъ т.-н. „зубатовскихъ“ организацій, устроили внушительную монархическую манифестацію; въ Кремль, къ памятнику Александра II съ пѣніемъ „Боже Царя храни“ собралась толпа свыше 50.000 рабочихъ для совершенія молебствія въ день освобожденія крестьянъ.

Почти въ то же время, новая организація приняла активное участіе въ забастовкахъ на нѣсколькихъ московскихъ заводахъ. Противъ „зубатовской затѣи“ тогда былъ предпринятъ натискъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. Московскіе фабриканты, во главѣ съ французомъ Гужономъ, обратились къ министру финансовъ Витте съ жалобой — на московскую полицію, „поощряющую забастовки“. Въ то же время, въ интеллигентской средѣ шли яростныя кампаніи противъ какого либо участія въ „полицейскихъ“ рабочихъ организаціяхъ. Пу-

скались слухи, что лекторы, выступающіе въ рабочей средѣ, подкуплены правительствомъ, что эти организаціи только ловушка для вылавливанія „неблагопріятныхъ" рабочихъ элементовъ. „У насъ нѣтъ уваженія къ мнѣнію, отличному отъ нашего" — писалъ по этому поводу проф. И. Х. Озеровъ, подвергавшійся сугубымъ нападкамъ. „Отвѣтомъ служитъ клевета, грязная клевета".... Моральное давленіе опозиціонной среды возымѣло успѣхъ: большинство лекторовъ поспѣшило отказаться отъ дальнѣйшей дѣятельности; и вмѣсто профессоровъ московскаго университета рабочимъ организаціямъ пришлось удовольствоваться чтеніями духовныхъ лицъ и немногихъ случайныхъ лекторовъ, напр. предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета В. В. Назаревскаго.

Тогда же, весною 1902 г., со смертью Д. С. Сипягина и приходомъ къ власти В. К. Плеве, нѣсколько измѣнилось и отношеніе власти: новый министръ внутреннихъ дѣлъ былъ противникомъ „рискованныхъ опытовъ" и предпочиталъ прибѣгать къ старымъ испытаннымъ пріемамъ простого запрета.

Организаціи, тѣмъ не менѣе, остались; и хотя въ Москвѣ ихъ вліяніе пошло на убыль, въ западномъ краѣ онѣ продолжали успѣшно бороться съ „Бундомъ"; въ С.-Петербургѣ возникло на тѣхъ же основаніяхъ „Общество фабрично-заводскихъ рабочихъ".

Правительство со своей стороны приняло и новыя законодательныя мѣры въ интересахъ рабочихъ. Въ 1903 г. были изданы: законъ 2 іюня объ установленіи отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими и затѣмъ законъ 10 іюня о созданіи фабричныхъ старостъ, выборныхъ представителей для сношеній съ „хозяевами" и съ властями. До закона 2 іюня 1903 г., фабриканты отвѣчали только по суду; нужно было доказать ихъ вину; по новому закону, фабриканты освобождались отъ отвѣтственности только если могли доказать вину рабочаго. Пострадавшимъ, въ случаѣ утраты трудоспособности, причиталась пенсія въ размѣрѣ двухъ третей заработка; на лѣченіе выдавалось пособіе въ половинномъ размѣрѣ заработной платы. Число рабочихъ къ тому времени превысило два съ половиной милліона *).

Еще больше усилій было приложено властью для улучшенія постановки учебнаго дѣла. Съ назначеніемъ ген. П. С. Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія (въ мартѣ 1901 г.) ускореннымъ тем-

*) Въ 1900 г. ихъ числилось 2.373.000.

помъ стали разрабатываться проекты школьной реформы на всѣхъ ступеняхъ обученія. Правда, радикальные проекты „единой школы" (о полезности которыхъ еще и сейчасъ идутъ споры въ западноевропейскихъ странахъ), были въ концѣ концовъ отвергнуты Государемъ, а ген. Ванновскій послѣ годовой дѣятельности былъ уволенъ въ отставку и замѣненъ Г. Э. Зенгеромъ — классикомъ и переводчикомъ Пушкина на латинскій языкъ; но, несмотря на это „замедленіе темпа", въ учебномъ дѣлѣ были проведены серьезныя реформы. Въ области средней школы произошелъ разрывъ съ системой гр. Д. А. Толстого, основанной на первенствующемъ значеніи древнихъ языковъ: съ осени 1901 г. была отмѣнена обязательность греческаго языка, и сильно сокращено преподаваніе латыни; (сохранено было только пять гимназій со старой программой). Были также приняты мѣры для устраненія переобремененности учебными занятіями. Въ высшей школѣ были разрѣшены научныя и литературныя общества, и (уже при Г. Э. Зенгерѣ) было также создано студенческое самоуправленіе въ лицѣ курсовыхъ старостъ. Совѣты профессоровъ, по предложенію правительства, дѣятельно обсуждали планы дальнѣйшихъ реформъ, въ частности упраздненія инспекціи.

Кредиты на народное образованіе все время неуклонно росли; съ 1894 г. по 1904 г. они болѣе чѣмъ удвоились: бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія увеличили съ 22 до 42 милліоновъ рублей, тогда какъ кредиты на церковныя школы выросли съ 2½ до 13 милл.; а одни казенныя ассигнованія на коммерческія училища (которыхъ раньше вообще не было) достигли 2—3 милл. въ годъ. Примѣрно въ такой же пропорціи увеличились за десять лѣтъ земскія и городскія ассигнованія на нужды просвѣщенія: къ 1904 г., если соединить учебные расходы всѣхъ вѣдомствъ *) и мѣстнаго самоуправленія, сумма ежегодныхъ расходовъ на народное образованіе уже превышала 100 милл. рублей.

Наряду съ начатыми въ 1902 г. обширными работами по подготовкѣ новаго крестьянскаго законодательства, закончено было — къ 1903 г. — составленіе новаго уголовнаго уложенія; по общему мнѣнію, много болѣе „либеральнаго", чѣмъ дѣйствующіе законы; оно было опубликовано, но срокъ его введенія въ дѣйствіе не былъ пока установленъ.

Хорошій урожай 1902 г. облегчилъ положеніе деревни; промышленный кризисъ начиналъ въ 1903 г. смѣняться новымъ подъемомъ.

*) Св. Синода, министерствъ Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Земледѣлія, Военнаго и Морского вѣдомствъ и т. д.

За первые годы новаго вѣка въ русской литературѣ почувствовалось оживленіе; появился рядъ новыхъ именъ. Наряду съ А. П. Чеховымъ, обратившимся на новое поприще драматурга, и М. Горькимъ, въ которомъ „дѣятель" начиналъ уже заслонять писателя, появились Леонидъ Андреевъ, безспорно талантливый писатель со склонностью къ болѣзненнымъ, мучительнымъ переживаніямъ; Бунинъ, Купринъ (особенный успѣхъ имѣла его повѣсть изъ быта армейскаго офицерства „Поединокъ"). Кромѣ этихъ писателей, группировавшихся вокругъ „марксистскаго" издательства „Знаніе", значительно выросло и усилилось „модернистское", „декадентское" теченіе: вслѣдъ за „Міромъ Искусства" появились журналы „Новый Путь" (съ 1903 г.) и „Вѣсы" (съ 1904 г.). Еще ранѣе было основано издательство „Скорпіонъ"; Бальмонтъ, Брюсовъ, Гиппіусъ, Мережковскій, Ф. Сологубъ издали за эти годы едва-ли не лучшіе свои сборники стиховъ; Андрей Бѣлый выступилъ со своей первой „симфоніей"; А. Блокъ началъ печатать стихи въ „Новомъ Пути".

Необычный для русской интеллигенціи интересъ къ религіознымъ вопросамъ вызвалъ съ зимы 1901—1902 г. къ жизни религіозно-философскія собранія въ С.-Петербургѣ, въ которыхъ — необычайное сочетаніе — участвовали представители церкви и духовнаго вѣдомства, профессора богословія, „послѣдніе славянофилы" вродѣ ген. Кирѣева, наряду съ писателями и журналистами, близкими къ журналу „Новый Путь". Обсуждались вопросы о христіанскомъ догматѣ, о свободѣ совѣсти, о бракѣ, объ ученіи Толстого. Д. С. Мережковскій, смѣло признавшій, что Св. Сунодъ былъ правъ, отлучая отъ церкви гр. Л. Н. Толстого, подвергся за это рѣзкимъ нападкамъ въ средѣ интеллигенціи. „Въ Россіи — писалъ онъ по этому поводу — образовалась вторая цензура, болѣе дѣйствительная, болѣе жестокая, чѣмъ первая — цензура „общественнаго мнѣнія".

Эта вторая цензура распространялась даже и на область художественной критики. „Что мнѣ дѣлать?" — писалъ въ „Новомъ Пути" Антонъ Крайній *). „Литература, журналистика, литераторы — у насъ тщательно раздѣлены на-двое и завязаны въ два мѣшка; на одномъ написано „консерваторы", на другомъ „либералы". Чуть журналистъ раскроетъ ротъ — онъ уже непремѣнно оказывается въ которомъ-нибудь мѣшкѣ. Есть сугубо жгучіе вопросы, имена, о которыхъ совсѣмъ нельзя высказывать собственныхъ мыслей. Мыслей этихъ никто не услышитъ — слушаютъ только одно: одобряешь или порицаешь. По-

*) Какъ извѣстно, это былъ псевдонимъ З. Н. Гиппіусъ.

рицаешь — въ одинъ мѣшокъ, одобряешь — въ другой, и сиди, и не жалуйся на неподходящую компанію. Самъ виноватъ... Великое несчастіе — эта наша литературная тѣснота, недостойная даже и такого малокультурнаго человѣка, какъ нашъ современный „литераторъ"!".

(Эти мысли служили вступленіемъ къ мѣткому отзыву о значеніи творчества Горькаго: „...Жить и дышать все-таки еще можно, и человѣкъ еще человѣкъ. Нуженъ рѣзкій толчокъ, чтобы выкинуть людей сразу въ безкислородное пространство, прекратить ихъ человѣческія мученія. Этотъ толчокъ, несущій человѣку окончательное смертное освобожденіе, **фонтанъ углекислоты** — проповѣдь Максима Горькаго и его учениковъ").

Въ этихъ протестахъ немногихъ остававшихся внѣ борьбы, ярко сказывается трагическое раздвоеніе историческаго момента. Все русское образованное общество, за весьма малыми исключеніями, находилось въ состояніи рѣзкой, непримиримой, слѣпой оппозиціи къ власти. Именно въ эти годы былъ выдвинутъ и сталъ ходячей фразой краткій и категорическій боевой кличъ „долой самодержавіе принимавшій въ легальныхъ изданіяхъ форму нападокъ на „бюрократію".

Среди организованныхъ революціонныхъ силъ выдѣлялись два главныхъ теченія: соціалисты-народники, мечтавшіе о крестьянскомъ возстаніи (а то и военномъ бунтѣ — вѣдь армія въ большинствѣ изъ крестьянъ) и дѣйствовавшіе путемъ террора; соціалисты-марксисты, дѣлавшіе ставку на рабочее движеніе и расчитывавшіе пропагандой и забастовками „раскачать" городъ на болѣе активныя выступленія.

Боевая организація соціалистовъ-революціонеровъ поставила себѣ цѣлью, при помощи убійства непопулярныхъ представителей власти, терроризовать правительство и вызвать „подъемъ духа" въ обществѣ. Ея первыми жертвами были Н. П. Боголѣповъ и Д. С. Сипягинъ. Она же въ 1902 г. организовала покушенія на виленскаго губернатора ф.-Валя, на харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго. Она открыто выносила „смертные приговоры": „Боевая организація — (гласила революціонная листовка) — находитъ себя вынужденной выполнить лежащій на ней гражданскій долгъ и смѣстить князя Оболенскаго единственнымъ оставшимся въ ея распоряженіи средствомъ — смертью". А на револьверѣ, изъ котораго былъ произведенъ выстрѣлъ въ харьковскаго губернатора, стояла мелодраматическая надпись „Смерть царскому палачу и врагу народа"

Соціалъ-демократы — такъ назвали себя марксисты еще въ 1898 г — имѣли заграницей регулярно выходившій періодическій органъ

„Искру". Ихъ ученіе было опредѣленнѣе, чѣмъ у народниковъ и вообще **кадры** ихъ были многочисленнѣе. Лѣтомъ 1903 г., въ Брюсселѣ, они созвали свой второй партійный съѣздъ, въ которомъ приняли участіе представители примѣрно двадцати мѣстныхъ нелегальныхъ комитетовъ изъ Россіи, а также дѣятели эмигрантскихъ центровъ. Въ съѣздѣ принималъ участіе и еврейскій „Бундъ", но его делегаты, не желая отказываться отъ своей особой „національной" программы, затѣмъ ушли со съѣзда (перекочевавшаго изъ Бельгіи въ Лондонъ). На этомъ же съѣздѣ произошло раздѣленіе на „большевиковъ" и „меньшевиковъ". Послѣ ухода делегатовъ „Бунда", на съѣздѣ получилось преобладаніе крайней революціонной группы, лидеромъ которой былъ Ленинъ (Ульяновъ). При этомъ случаѣ его поддержалъ „ветеранъ" движенія, извѣстный эмигрантъ Г. В. Плехановъ, тогда какъ другіе лидеры -- Мартовъ (Цедербаумъ), Аксельродъ, Вѣра Засуличъ, Троцкій (Бронштейнъ), тогда еще „начинающій", и т. д. оказались въ меньшинствѣ.

Суть разногласія была въ томъ, что Ленинъ хотѣлъ превратить партію въ строго централизованную организацію, повинующуюся волѣ центра — пусть менѣе многочисленную, но зато болѣе крѣпко спаянную, — тогда какъ „меньшевики", по образцу западно-европейскихъ соціалистовъ, стремились къ возможно широкому привлеченію рабочихъ массъ въ ряды партіи и возражали противъ слишкомъ широкой власти центральнаго комитета.

Ленинъ, впрочемъ, вскорѣ разошелся и съ Плехановымъ, ушелъ изъ редакціи „Искры" и основалъ свой собственный — тоже заграничный — органъ „Впередъ".

Эти организованныя революціонныя теченія были бы, однако, безсильны, если бы общественное мнѣніе русской интеллигенціи не склонилось въ то время къ революціоннымъ путямъ борьбы. Предзнаменованіемъ такого оборота было появленіе въ 1900 г. нелегальной книги „Россія на рубежѣ XX-го столѣтія", написанной нѣкогда враждебнымъ всякой „нелегальщинѣ" профессоромъ Б. Н. Чичеринымъ. Въ іюнѣ 1902 г. оппозиціонные не-соціалистическіе круги сдѣлали болѣе рѣшительный шагъ: въ Штутгартѣ, подъ редакціей П. Б. Струве, начало издаваться „Освобожденіе".

Та широкая оппозиціонная среда, органомъ которой явился новый журналъ, простиралась отъ умѣренныхъ соціалистовъ до земской легальной оппозиціи; разнородная по своимъ положительнымъ идеаламъ, она была объединена общей враждою къ власти, къ „самодержавію", къ „бюрократіи". Ея основнымъ требованіемъ была — консти-

туція. „Широкихъ финансовыхъ и экономическихъ реформъ, въ которыхъ такъ нуждается страна, нельзя ждать и нелѣпо требовать отъ г. Витте" — говорилось въ передовой статьѣ перваго номера „Освобожденія". „Ихъ можетъ дать Россіи только хорошо организованное народное представительство". Эти слова звучатъ почти иронически теперь, когда даже парламентарная демократія, для проведенія экономическихъ и финансовыхъ реформъ, вынуждена прибѣгать къ чрезвычайнымъ полномочіямъ; но тогда въ это вѣрили.

Въ отличіе отъ соціалистическихъ органовъ, представлявшихъ собою смѣсь теоретическихъ разсужденіи съ боевыми лозунгами, „Освобожденіе" поставило своей цѣлью освѣщеніе — со своей точки зрѣнія — всѣхъ событій русской жизни. Его „сила" была въ хроникѣ, въ „корреспонденціяхъ съ мѣстъ". Обладая связями въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, — не только въ земствахъ, но и на верхахъ той же „бюрократіи", „Освобожденіе" занялось печатаніемъ разныхъ секретныхъ записокъ, протоколовъ, циркуляровъ, подбирая ихъ, разумѣется, въ „обличительныхъ" цѣляхъ и отводя въ своихъ корреспонденціяхъ широкое мѣсто политическимъ сплетнямъ. Въ первую очередь появились въ свѣтъ записки Витте о „Самодержавіи и земствѣ" и матеріалы о студенческихъ волненіяхъ. Редакція, въ извѣстной мѣрѣ, старалась выдерживать болѣе умѣренный тонъ, и даже порою протестовала противъ „фельдфебельскаго тона" соціалистовъ. Значительное число экземпляровъ печаталось на тонкой бумагѣ и посылалось въ Россію въ запечатанныхъ конвертахъ подъ видомъ частныхъ писемъ.

„Освобожденіе" вышло въ свѣтъ уже послѣ убійства Д. С. Сипягина. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, назначенный Государемъ какъ бы въ отвѣтъ на убійство его предшественника, былъ человѣкомъ умнымъ энергичнымъ. Но онъ, повидимому, самъ не вѣрилъ въ тѣ начала, которыя былъ призванъ защищать; въ частныхъ бесѣдахъ онъ не разъ это высказывалъ. Считая, что самодержавная власть себя „изжила", и въ то же время принявъ на себя обязанность ее защищать, В. К. Плеве не могъ придумать ничего, кромѣ новыхъ репрессивныхъ мѣръ. **Охраненіе безъ творчества** было основной чертой его политики. Будь то совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, или „зубатовскіе" профессіональные союзы, или земства, или профессорскія коллегіи университетовъ — В. К. Плеве видѣлъ во всемъ прежде всего опасную, отрицательную сторону. Трагедія власти была въ томъ, что зачастую онъ бывалъ правъ: всѣ эти

органы могли быть использованы врагами власти, и, конечно, эти враги не упускали ни одного удобнаго случая! Всякое движеніе поэтому требовало двойныхъ усилій; но и отказъ отъ движенія приносилъ власти только мнимое облегченіе.

„Безпрерывнс и безконечно возрастающая административно-бюрократическая опека, превзошедшая всѣ примѣры бывшіе дотолѣ, приводитъ общественныя силы къ разслабленію... Такъ воспитываемая нація не можетъ не терять постепенно политическаго смысла и должна превращаться все болѣе въ „толпу". Въ толпѣ же непремѣнно вообладаютъ демократическія понятія о верховенствѣ" — писалъ объ этомъ времени Л. А. Тихомировъ въ своей книгѣ „Монархическая государственность".

Въ самомъ началѣ дѣятельности В. К. Плеве, 6 іюня 1902 г. было издано распоряженіе о прекращеніи статистическихъ работъ по изслѣдованію деревни въ 12 земскихъ губерніяхъ. Было установлено, что на эти работы шли, главнымъ образомъ, люди „неблагонадежные". „Постоянное общеніе съ крестьянами даетъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ представляется крайне затруднительнымъ", говорилось въ правительственномъ сообщеніи. Приводился также любопытный фактъ: при 20—25 постоянныхъ статистикахъ на губернію, штатъ „временныхъ" достигалъ 30—70 человѣкъ, а въ Полтавской губерніи, гдѣ какъ разъ произошли крестьянскія волненія, „временныхъ" статистиковъ было до **шестисотъ!**

„Политическая неблагонадежность земской статистики есть, конечно, несомнѣнный фактъ — (отзывалось на это „Освобожденіе") — и было бы жалкой уловкой отрицать или замалчивать ее... Вся идеалистически настроенная интеллигенція неблагонадежна".

Этотъ эпизодъ весьма характеренъ: репрессіи, несомнѣнно **имѣли** серьезныя основанія; въ то же время В. К. Плеве въ сущности какъ бы признавалъ, что „благонадежныхъ" людей почти нѣтъ, и что только и можно — прекратить работы, хотя бы по существу и полезныя. Дальнѣйшая подготовка реформъ, намѣченныхъ Государемъ, конечно, продолжалась; но духъ пессимизма исходилъ отъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Казалось, онъ былъ согласенъ съ революціонными кругами въ томъ, что существующій строй не выдержитъ никакой серьезной реформы. Онъ старался убѣдить Государя отложить преобразованія въ виду роста смуты въ странѣ. Но смута углублялась; вражда къ политикѣ власти проявлялась все сильнѣе. Выработался цѣлый рядъ условныхъ понятій: на вечерахъ, на концертахъ деклами-

ровали стихи о „ночи", и о „зарѣ", которая должна ее смѣнить, о грозѣ, которая должна грянуть... „Лѣсъ рубятъ! молодой, еще зеленый лѣсъ" — звучало съ эстрады, и публика бурно апплодировала, понимая, что рѣчь идетъ — о студенческихъ волненіяхъ...

Въ началѣ 1903 г. дѣятельность Особаго Совѣщанія о нуждахъ с. х. промышленности начала замирать. „Плеве испрашиваетъ повелѣніе остановить работы Совѣщанія — и на нихъ ставится крестъ" пишетъ по этому поводу Н. А. Павловъ. Это не вполнѣ точно: работы по ряду вопросовъ (о мелкомъ кредитѣ, о путяхъ сообщенія) продолжались еще весь годъ. Но наиболѣе серьезные вопросы были сняты съ обсужденія.

Въ началѣ марта въ Златоустѣ разразились серьезныя рабочія волненія, возникшія изъ-за недовольства новыми расчетными книжками, но быстро принявшія угрожающій характеръ. Полиція оказалась безсильной въ борбѣ съ толпой рабочихъ, осаждавшихъ зданіе заводскаго управленія и квартиры начальствующихъ лицъ. На четвертый день съ начала волненій, 13 марта, на заводъ былъ приведенъ отрядъ войска. Но и рѣчи военнаго начальства не подѣйствовали: толпа начала наступать на солдатъ. Послѣ троекратнаго сигнала, въ толпу былъ произведенъ первый залпъ; рабочіе сперва легли на землю, но потомъ поднялись и снова двинулись впередъ; и только послѣ трехъ залповъ бросились бѣжать. Убито было 45 человѣкъ и ранено 83. Такого кровопролитнаго столкновенія еще не было за все царствованіе Государя. И хотя дѣйствія власти были вынуждены горькой необходимостью, въ обществѣ эти событія вызвали громкіе протесты; въ петербургскомъ университетѣ состоялась снова неразрѣшенная сходка.

Въ началѣ 1903 г. произошло событіе, весьма значительное по своимъ послѣдствіямъ: кишиневскій погромъ. О немъ сложилось немало легендъ, и поэтому необходимо тщательно возстановить основные факты. Кишиневъ — городъ со значительнымъ еврейскимъ меньшинствомъ; остальное населеніе представляетъ собою пеструю смѣсь молдаванъ, русскихъ, цыганъ и т. д. Революціоннаго броженія въ городѣ не замѣчалось; между евреями и другими группами населенія, какъ въ большей части южно-русскихъ городовъ, бывали нѣкоторыя тренія, но рѣзкихъ вспышекъ вражды до 1903 г. не бывало. Въ городѣ издавалась антисемитская газета „Бессарабецъ" (П. Крушевана) *), но

*) П. Крушеванъ былъ антисемитомъ особаго толка. Онъ считалъ, что евреи, принявшіе крещеніе, тѣмъ самымъ теряли всю свою „вредность". Онъ выдвигалъ

особаго вліянія въ неграмотной, да и въ большинствѣ **нерусской**, массѣ населенія она не имѣла. Эта газета, между прочимъ, помѣстила въ мартѣ 1903 г. сообщеніе о ритуальномъ убійствѣ въ селеніи Дубосары, но это извѣстіе было въ ней же опровергнуто мѣстными властями.

6 апрѣля, въ первый день Пасхи, на городской площади возникли инциденты между евреями и христіанами — показанія объ этихъ инцидентахъ такъ и остались противорѣчивыми — и затѣмъ, въ какіе нибудь полчаса, значительная часть города была охвачена безпорядками: громили и грабили еврейскіе магазины, а затѣмъ и дома. Полиція, застигнутая событіями врасплохъ, растерялась; губернаторъ фонъ Раабенъ, благодушный старикъ, отставной генералъ, метался по губернаторскому дому, телефонировалъ въ участки, въ казармы — гдѣ большинство офицеровъ и часть солдатъ были въ отпуску изъ-за праздника Пасхи. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ городѣ царилъ хаосъ. Къ вечеру безпорядки затихли, но волненіе не улеглось. Въ громившей толпѣ царило сильное возбужденіе и озлобленіе, разсказывали всевозможныя басни о жестокости евреевъ; на слѣдующій день съ утра безпорядки возобновились; слабыя попытки къ сопротивленію со стороны евреевъ только увеличили ожесточеніе нападавшихъ и началось избіеніе евреевъ, въ нѣкоторыхъ домахъ чуть не поголовное: озвѣрѣвшая толпа не щадила порою ни женщинъ, ни дѣтей. Къ серединѣ дня на улицѣ появились вызванныя изъ казармъ войска, и начали разсѣивать толпы громилъ; тѣ стали разбѣгаться, бросая награбленное имущество. Когда порядокъ возстановился, выяснилось, что 45 евреевъ было убито, 74 — тяжело ранено, а легко пострадало около 350 человѣкъ. Разгромлено было 700 жилыхъ домовъ и 600 магазиновъ. Изъ „христіанъ" было убито 3—4 человѣка; это показывало, насколько слабо было сопротивленіе.

Такого погрома въ Россіи не было свыше двадцати лѣтъ. Безпорядки въ Шполѣ (1897 г.), въ Николаевѣ (1899 г.), сводились къ разграбленію еврейскихъ лавокъ; тутъ же была пролита кровь... Было несомнѣнно, что мѣстныя власти не проявили достаточной энергіи и расторопности, и только на второй день, съ помощью войскъ, овла-

(въ газетѣ „Знамя") утопическій планъ „ультиматума" къ евреямъ — либо креститесь, либо уѣзжайте изъ Россіи: „Станьте такими же христіанами какъ мы сами, — писалъ онъ — и нашими равноправными братьями, и полноправными гражданами великой Россіи... Евреямъ-христіанамъ предоставляются всѣ права, всѣ преимущества коренного населенія страны, вплоть до замѣны своихъ фамилій русскими. Евреямъ пропорціонально съ другими сословіями страны даруются права на потомственное дворянство, титулы и ордена, распредѣляемые по жребію (!) между еврейской интеллигенціей. Не далѣе какъ черезъ годъ исчезъ бы проклятый еврейскій вопросъ и вмѣсто семи милліоновъ враговъ было бы семь милліоновъ братьевъ по Христу".

дѣли положеніемъ. Объ этой нерасторопности властей говорилось и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Кишиневъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны. За участіе въ погромѣ арестовано было около тысячи человѣкъ. Губернаторъ Раабенъ былъ уволенъ отъ должности; вице-губернаторъ и полицмейстеръ переведены были въ другіе города. „Государь Императоръ Высочайше соизволилъ подтвердить начальникамъ губерній и городовъ, что имъ вмѣняется въ долгъ, за личной ихъ отвѣтственностью, принимать всѣ мѣры къ предупрежденію насилій и успокоенію населенія, дабы устранить поводы къ проявленію къ какой-либо его части опасеній за жизнь и имущество", — гласилъ циркуляръ Плеве отъ 24 апрѣля.

Помощь пострадавшимъ была оказана въ первую очередь за счетъ правительства; затѣмъ широкой рѣкой стали притекать пожертвованія, въ значительной мѣрѣ изъ-заграницы.

Въ первый моментъ возмущеніе было всеобщимъ. Не только лѣвые, но и правые органы печати громко его высказывали. „Человѣческихъ жертвъ сотни, какъ послѣ большого сраженія", писалъ „Кіевлянинъ", — „а между тѣмъ и драки то не было. Били смертнымъ боемъ людей безоружныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ". — „Такого погрома, какъ Кишиневскій, не было еще въ новѣйшей исторіи, и дай Богъ, чтобы онъ не повторился никогда... Невѣжество, дикость всегда одинаковы и злоба во всѣ времена ужасна, ибо она будитъ въ человѣкѣ звѣря", стояло въ передовой статьѣ „Новаго Времени". — „Самый фактъ остается гнуснымъ и постыднымъ не только для среды, въ немъ участвовавшей, но и для тѣхъ, кто долженъ былъ предупредить и возможно скорѣе прекратить безобразіе", писалъ „Русскій Вѣстникъ".

Епископъ Антоній Волынскій (Храповицкій), въ житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ, произнесъ 20 апрѣля рѣзкое слово о громилахъ. „Подъ видомъ ревности о вѣрѣ, говорилъ владыка, они служили демону корыстолюбія. Они уподоблялись Іудѣ: тотъ цѣлованіемъ предавалъ Христа, омраченный сребролюбія недугомъ, а эти, прикрываясь именемъ Христа, избивали его сродниковъ по плоти, чтобы ограбить ихъ стяжанія... Такъ поступаютъ людоѣды, готовые на убійство, чтобы насытиться и обогатиться".

Признавая, что одной изъ причинъ обострившейся племенной вражды было вынужденое скопленіе евреевъ въ городахъ черты осѣдлости, правительство (22 мая) опубликовало указъ объ открытіи для поселенія евреевъ еще около 150 городовъ и мѣстечекъ.

Если бы прискорбный фактъ погрома произошелъ въ иной общей атмосферѣ, эта вспышка племенной злобы была бы единодушно осуждена; полиція, отвыкшая отъ борьбы со стихійно возникающими волненіями, подтянулась бы, выработала бы болѣе быстрые пріемы прекращенія безпорядковъ. Виновные понесли бы наказаніе по суду; потерпѣвшіе, въ мѣру возможнаго, получили бы возмѣщеніе убытковъ; и эта печальная страница закрылась бы.

Но въ отравленной политической атмосферѣ 1903 г. кишиневскій погромъ былъ использованъ врагами русской власти, какъ сильнѣйшее средство политической борьбы. Бездѣйствіе и растерянность мѣстныхъ властей были тотчасъ же истолкованы, какъ пособничество. Больше того: была выдвинута версія, будто этотъ погромъ былъ сознательно допущенъ — а затѣмъ уже прямо говорили: организованъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ!

Въ иностранную печать было пущено якобы „перехваченное" письмо Плеве къ бессарабскому губернатору, предупреждавшее о готовящемся погромѣ и указывавшое на нежелательность примѣненія оружія противъ толпы. И хотя это „письмо" было тутъ же опубликовано въ русской печати съ категорическимъ заявленіемъ о его подложности, а корреспондентъ „Times'a" Брахамъ, явившійся передатчикомъ этой клеветы за границу, былъ высланъ изъ Россіи — „навѣтъ" на русскую власть пустилъ глубокіе корни.

Князь С. Д. Урусовъ, назначенный губернаторомъ на мѣсто уволеннаго Раабена, пріобрѣвшій въ Кишиневѣ репутацію „юдофила", (впослѣдствіи — оппозиціонный членъ І-й Думы) пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ долженъ „рѣшительнымъ образомъ возстать противъ обвиненія Раабена въ сознательномъ допущеніи погрома и разрушить легенду о письмѣ, будто бы написанномъ ему по этому поводу министромъ внутреннихъ дѣлъ". Князь Урусовъ указываетъ, что Плеве былъ слишкомъ уменъ, чтобы желать погрома, а Раабенъ, кромѣ того, совершенно не подходилъ по всему своему характеру для выполненія подобныхъ замысловъ.

Тѣмъ не менѣе, легенда укоренилась и нанесла огромный вредъ русскому государству; она имѣла самыя разнообразныя послѣдствія. Она усилила притокъ денегъ въ кассы революціонеровъ, въ особенности „Бунда", подъ предлогомъ организаціи защиты отъ погромовъ. Она сильно повредила престижу русской власти заграницей. Если вѣрить изѣстному дѣятелю охраннаго отдѣленія Л. Ратаеву, она же толкнула еврея Азефа, вѣрно служившаго двѣнадцать лѣтъ „освѣдомителемъ" власти въ революціонныхъ организаціяхъ, на ту страшную двой-

ную роль охранника-террориста, съ которой навсегда осталось связаннымъ его имя . . .

Насколько превратныя представленія о русскихъ порядкахъ сложились за-границей, разсказываетъ тотъ же кн. Урусовъ: лѣтомъ 1903 года въ Кишиневъ пріѣхалъ для наведенія справокъ одинъ англичанинъ, который былъ крайне пораженъ, убѣдившись, что участники погрома сидятъ въ тюрьмѣ, ожидая суда, что ведется нормальное слѣдствіе. Въ результатѣ, англійское правительство, на основѣ консульскихъ донесеній, представило обѣимъ палатамъ докладъ о положеніи въ Кишиневѣ, опровергнувшій фантастическіе слухи. Но еще въ декабрѣ 1903 г. въ Кишиневѣ появился американскій корреспондентъ, прибывшій взглянуть — на „рождественскій погромъ"!

Все лѣто разбирались „малыя" дѣла о погромѣ (о расхищеніи имущества): судилось 566 человѣкъ; изъ нихъ 314 было присуждено къ тюремному заключенію. Въ ноябрѣ началось разбирательство процесса 350 обвиняемыхъ въ убійствахъ и грабежахъ. Чтобы не возбуждать племенныхъ страстей пространными и неизбѣжно тенденціозными отчетами въ газетахъ, было рѣшено разбирать его при закрытыхъ дверяхъ; отчеты, впрочемъ, въ тотъ же день переправлялись въ Румынію и печатались во всей иностранной печати. Князь С. Д. Урусовъ, присутствовавшій на процессѣ, отмѣчаетъ двѣ его черты: это — стремленіе представителей „гражданскаго иска", лѣвыхъ адвокатовъ, использовать судъ для „обличенія" правительства, — тогда какъ они не проявляли никакого интереса къ уличенію обвиняемыхъ; и характерная недостовѣрность свидѣтельскихъ показаній о народныхъ смутахъ: „свидѣтели, сидѣвшіе во время погрома въ подвалахъ, видѣли то, что происходило за двѣ улицы отъ нихъ; свидѣтели убійствъ показывали на разныхъ обвиняемыхъ" . . . Процессъ тянулся чуть не годъ и закончился рядомъ обвинительныхъ приговоровъ.

6 мая былъ убитъ въ уфимскомъ городскомъ саду мѣстный губернаторъ Богдановичъ, „доблестной смертью запечатлѣвшій свою службу Престолу и отечеству", какъ писалъ Государь его семьѣ. Убійца на этотъ разъ скрылся. Въ этомъ дѣлѣ была рука Азефа; его завѣдомая причастность къ охранѣ, повидимому, и породила нелѣпые толки о томъ, будто этого убійства желало министерство внутреннихъ дѣлъ.

Убійство Богдановича было планомѣрнымъ осуществленіемъ плана соціалистовъ-революціонеровъ: „карать смертью" всѣхъ представителей власти, проявляющихъ энергію въ борьбѣ съ волненіями. Въ кн.

Оболенскаго стрѣляли за подавленіе крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской губ.; въ Богдановича — за прекращеніе волненій въ Златоустѣ. Попытка запугать представителей власти осталась, правда, безплодной: едва ли нашлись такіе губернаторы, которыхъ отъ исполненія долга удержала угроза убійства отъ рукъ революціонеровъ! Но въ интеллигенціи сложилось представленіе о „революціонномъ правосудіи" *); и съ „готтентоттской моралью", столь характерной для періодовъ острой политической борьбы, общество оправдывало, а то и одобряло эти самочинныя „казни" за неугодное направленіе, и возмущалось, когда правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчало на убійства смертными казнями.

Слѣдующая волна безпорядковъ возникла въ іюлѣ Въ Одессѣ началась забастовка служащихъ трамвайной компаніи и портовыхъ рабочихъ. Видное участіе въ ней приняла независимая рабочая партія, и полиція поэтому не считала нужнымъ вмѣшиваться. 17 іюля была устроена грандіозная рабочая демонстрація. „Былъ моментъ, когда весь городъ былъ во власти рабочей массы" писало объ этомъ „Освобожденіе" Дѣло клонилось ко всеобщей забастовкѣ сочувствія бастующимъ трамвайнымъ рабочимъ. Были случаи насилія надъ лицами, не желавшими подчиниться бастующимъ. Командующій войсками округа, ген. Каульбарсъ, перепугался не на шутку; полиція была уже безсильна; были вызваны изъ окрестностей войска, которыя къ вечеру заняли городъ. Столкновеній не было. Безпорядки на слѣдующій же день прекратились. Однако, рѣшивъ, что такія выступленія при участіи „зубатовскихъ организацій — опасная игра съ огнемъ, власти выслали изъ Одессы, къ большому удовольствію соціалъ-демократовъ, руководителя независимой рабочей партіи Шаевича.

Менѣе мирно сошли рабочія выступленія въ Кіевѣ (21—25 іюля). Тамъ, во время забастовки въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, рабочіе останавливали поѣзда, кидали камнями въ полицію и войска; толпа била стекла въ нѣкоторыхъ кварталахъ. Войска, появившіяся на сценѣ только на третій день безпорядковъ, дважды вынуждены были прибѣгать къ оружію. Въ общемъ, было убито 4 человѣка и ранено нѣсколько десятковъ. Происходившіе въ томъ же іюлѣ (27—29) безпорядки въ Елизаветградѣ, въ Николаевѣ (августъ) были прекращены безъ человѣческихъ жертвъ.

---

*) Типиченъ для этихъ настроеній разсказъ Леонида Андреева „Губернаторъ"

Другую значительную группу волненій, наряду съ выступленіями рабочихъ, представляли собою протесты армянскаго населенія противъ передачи имущества армяно-грегоріанской церкви въ вѣдѣніе властей. Мѣра эта была выдвинута В. К. Плеве по послѣдующимъ основаніямъ: армянскія церковныя имущества, управлявшіяся лицами назначенными армянскимъ патріархомъ (католикосомъ), проживавшемъ въ монастырѣ Эчміадзинѣ, давали крупные доходы, часть которыхъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, шла на поддержку армянскихъ національно-революціонныхъ организацій въ Россіи и въ Турціи. Желая это прекратить, В. К. Плеве представилъ Государю проектъ передачи этихъ имуществъ въ управленіе казны (съ тѣмъ, чтобы всѣ выдачи на законныя церковныя и культурныя потребности армянскаго населенія удовлетворялись попрежнему — но только подъ контролемъ власти). 12 іюля былъ изданъ соотвѣтствующій Высочайшій указъ.

Армянское населеніе восприняло этотъ указъ, какъ попытку отобрать въ казну его церковныя имущества, какъ посягательство на его священныя права, и во всѣхъ городахъ, гдѣ было много армянъ, наблюдались сцены, сильно напоминавшія то, что можно было видѣть во Франціи примѣрно въ тѣ же годы при описяхъ церковнаго и монастырскаго имущества: толпы собирались вокругъ церквей, не допускали совершенія описей, бросали камнями въ представителй власти. Въ Александополѣ, Елисаветполѣ, Эривани, Баку, Тифлисѣ, Карсѣ, Шушѣ происходили (въ іюлѣ—сентябрѣ) столкновенія, порою кровавыя (такъ, въ Елисаветполѣ было 7 убитыхъ, 27 раненыхъ). Въ итогѣ, эти мѣры едва ли сильно повредили армянскимъ революціоннымъ организаціямъ, но возстановили противъ власти лойяльную „толщу" армянскаго населенія.

Особое мѣсто въ ряду волненій 1903 г. занимаютъ безпорядки въ Гомелѣ (29 августа — 1 сентября). Въ этомъ городѣ евреи составляютъ большинство населенія, и уже и раньше проявляли умѣніе постоять за себя. Такъ еще въ апрѣлѣ 1897 г., вслѣдствіе слуховъ о готовящемся погромѣ, толпы евреевъ высыпали на улицы; и въ результатѣ получился процессъ — объ избіеніи нѣсколькихъ русскихъ солдатъ еврейской толпой. Судъ призналъ, что произошла драка, виновниковъ которой трудно опредѣлить, но приговорилъ 5 евреевъ къ тюремному заключенію за сопротивленіе полицейскому патрулю.

Вѣсти о Кишиневскомъ погромѣ, ростъ революціоннаго движенія въ рабочей средѣ, вліяніе „Бунда", начавшаго побѣждать въ Западномъ краѣ независимую рабочую партію, все это создавало нервное

настроеніе и въ Гомелѣ. 29 августа на рынкѣ возникли пререканія между еврейскими и русскими рабочими, быстро перешедшія въ драку. „Въ этой первой дракѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ евреевъ" — отмѣтило „Освобожденіе" 31 августа группы русскихъ рабочихъ, желая „отомстить за пораженіе", направились въ еврейскій кварталъ и начали бить стекла и громить дома; пострадало 140 домовъ. Еврейская самооборона выступила въ свою очередь, энергично отбиваясь и отстрѣливаясь.

Въ городъ какъ разъ возвращались войска изъ лѣтнихъ лагерей; до нихъ дошли слухи о томъ, что „евреи рѣжутъ русскихъ", и первые ихъ удары были направлены противъ тѣхъ домовъ, изъ которыхъ отстрѣливались евреи. Это затѣмъ навлекло на власть обвиненіе въ пристрастіи. Волненія, впрочемъ, были быстро подавлены. Число жертвъ достигало: со стороны русскихъ — 4 убитыхъ, 5 раненыхъ; со стороны евреевъ — 2 убитыхъ, 9 раненыхъ. Гомельскіе безпорядки, въ отличіе отъ кишиневскаго погрома, носили „встрѣчный" характеръ, что отразилось и на составѣ подсудимыхъ соотвѣтствующаго процесса: евреевъ и русскихъ было примѣрно поровну.

Въ тотъ самый день 17 іюля, когда въ Брюсселѣ открывался съѣздъ соціалъ-демократовъ, а въ Одессѣ происходили массовыя рабочія демонстраціи, застигнувшія врасплохъ мѣстныя власти, — на другомъ концѣ Россіи совершались событія совершенно иного порядка: Государь прибылъ въ Саровскую пустынь, на перенесеніе мощей св. Серафима Саровскаго.

Саровскіе дни были значительнымъ событіемъ въ жизни Государя. Онъ живо интересовался личностью преподобнаго Серафима (старца—подвижника, скончавшагося въ 1833 г.); когда Сунодъ объявилъ о причисленіи Серафима Саровскаго къ лику святыхъ, Государь пожертвовалъ большія средства на украшеніе обители, на сооруженіе раки для храненія мощей святого, и на устройство торжественныхъ празднествъ по этому случаю.

Приготовленія къ торжествамъ длились полгода; лѣвая „легальная" печать по своему выражала къ нимъ свое отношеніе, храня полное молчаніе: заграничныя изданія, въ томъ числѣ и „Освобожденіе", иронизировали по поводу готовившихся празднествъ и доказывали, между прочимъ, будто канонизація преподобнаго Серафима незаконна, такъ какъ его тѣло не осталось нетлѣннымъ . . .

Саровская пустынь расположена среди густыхъ лѣсовъ, на рубежѣ Нижегородской и Тамбовской губерній, въ сотнѣ верстъ отъ бли-

жайшей желѣзной дороги. Около монастырской ограды, въ предвидѣніи большого числа паломниковъ, были построены временные бараки на нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Молва о торжествахъ разнеслась по всей Россіи, и съ самыхъ разныхъ концовъ стали собираться въ Саровъ богомольцы и больные, жаждущіе исцѣленія. Вмѣстѣ съ населеніемъ окрестныхъ уѣздовъ, массами повалившимъ въ пустынь — отчасти на богомолье, отчасти, чтобы увидѣть Царя — въ Саровъ собралось не менѣе трехсотъ тысячъ человѣкъ.

Государь, обѣ Императрицы, Великіе Князья Сергій Александровичъ, Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ, другіе члены Царской Семьи, митрополитъ с.-петербургскій Антоній, епископы нижегородскій, казанскій, тамбовскій, прибыли въ Саровъ къ вечеру 17 іюля. На слѣдующее утро Государь отправился пѣшкомъ въ скитъ, куда удалялся временами св. Серафимъ. Вдоль всей дороги тѣснились паломники, гл. обр. крестьяне, громко привѣтствовавшіе Царя. Днемъ, послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, шествіе прослѣдовало въ Зосимо-Савватіевскую церковь, гдѣ стоялъ гробъ св. Серафима; Государь, Великіе Князья и архіереи подняли гробъ и понесли его на носилкахъ въ соборъ. Это было уже вечеромъ; по обѣ стороны шествія стояли ряды молящихся съ зажженными свѣчами.

„Выйдя изъ церкви — пишетъ участникъ торжествъ — мы очутились, поистинѣ, въ другомъ храмѣ. Наполнившій монастырскую ограду народъ стоялъ въ благоговѣйномъ молчаніи; у всѣхъ въ рукахъ горящія свѣчи. Многіе, стоя на колѣняхъ, молились по направленію къ собору. Вышли за монастырскую ограду, — тамъ та же картина, но еще величественнѣе, еще грандіознѣе: тамъ стоятъ еще большія толпы народа и также со свѣчами, иные держатъ цѣлые пуки ихъ. Было такъ тихо, что пламя свѣчей не колыхалось.

„Тутъ былъ въ буквальномъ смыслѣ станъ паломниковъ. Среди массъ народа стояли телѣги и разныхъ видовъ повозки, съ привязанными къ нимъ лошадьми ... Изъ разныхъ мѣстъ доносилось пѣніе. То кружки богомольцевъ и богомолокъ пѣли разныя церковныя пѣснопѣнія. Не видя поющихъ, можно было подумать, что звуки пѣнія несутся съ самаго неба ... Минула полночь, а пѣніе не умолкало".

На третій день торжествъ, послѣ литургіи, говорилъ проповѣдь архіепископъ казанскій Димитрій. „Уединенная подвижническая обитель превратилась въ многолюдный городъ", — говорилъ онъ. „Всегда пустынный молчаливый лѣсъ саровскій полонъ нынѣ волненія и говора, движенія и шума. Но это — не шумъ житейской суеты ... Это могучій подъемъ и неудержимо-сильное проявленіе сильнаго и здо-

роваго духа благочестія, которымъ живетъ и дышетъ православная Русь".

За саровскіе дни, Государю также представлялись нижегородскіе дворяне съ ихъ предводителемъ А. Б. Нейдгардтомъ, и тамбовскіе съ предводителемъ кн. Чолокаевымъ. Государь раздѣлялъ братскую трапезу монаховъ обители. Когда, на четвертый день, 20 іюля, насталъ моментъ отъѣзда, епископъ тамбовскій Иннокентій, служившій молебенъ въ часовнѣ барачнаго поселка паломниковъ, указалъ на великое значеніе тѣснаго общенія Царя со Своимъ народомъ, пережитое за эти памятные дни.

Саровскіе торжества укрѣпили въ Государѣ вѣру въ Его народъ. Онъ видѣлъ вокругъ себя, совсѣмъ близко, несчетныя толпы, охваченныя тѣми же чувствами какъ и Онъ, трогательно выражавшія Ему свою преданность. Онъ видѣлъ и крестьянство, и духовенство, и дворянство, и невольно Ему казалось, что та смута, которая тревожила Его за послѣдній годъ, и казалась такой грозной Его министрамъ, — что эта смута наносное, внѣшнее, чисто городское явленіе, тогда какъ сердце Россіи еще здорово и бьется за одно съ сердцемъ ея Государя.

Въ этомъ убѣжденіи, игравшемъ большую роль во всѣхъ дѣйствіяхъ Государя, была и доля правды, и доля самообмана. Та часть населенія которой не было въ Саровѣ, которая въ эти самые дни все болѣе углублялась въ упорную, предвзятую враждебность къ власти, была необходимымъ звеномъ въ строеніи государства. Между Государемъ и массой не хватало промежуточныхъ звеньевъ; не хватало исполнителей Его воли „не за страхъ, а за совѣсть".

Попытки вызвать къ жизни идейныя правыя организаціи дѣлались, но не имѣли большого успѣха. Въ С.-Петербургѣ возобновило дѣятельность „Русское Собраніе". Среди студенчества получили нѣкоторое распространеніе союзы „академистовъ", возстававшихъ противъ засилія политики. Въ Харьковѣ — проф. А. С. Вязигинъ, въ С.-Петербургѣ — приватъ-доцентъ Б. В. Никольскій организовали правые кружки, читали доклады. Интеллигенція примѣняла противъ такихъ отдѣльныхъ „смѣльчаковъ" орудіе моральнаго террора и клеветы: рядовой интеллигентъ былъ глубоко убѣжденъ, что тѣ, кто не раздѣляютъ его воззрѣній, либо подкупленныя, безчестныя личности, либо, въ лучшемъ случаѣ, люди не совсѣмъ нормальные...

За границей первые три года XX-го вѣка не принесли замѣтныхъ внѣшнихъ перемѣнъ. Во Франціи правилъ лѣвый „блокъ" Вальдека

Руссо; въ Германіи — Бюловъ, въ Англіи — еще держался консервативный кабинетъ. Не было ни новыхъ войнъ (англо-бурская закончилась въ началѣ 1902 г.), ни революцій въ большихъ странахъ. На этомъ блѣдномъ фонѣ выдѣлился переворотъ 29 мая 1903 г. въ Сербіи, убійство короля Александра Орбеновича съ супругой и приближенными. Это убійство вызвало въ Европѣ глубокое возмущеніе; заговорили о возможности разрыва сношеній съ Сербіей. Однако, новая династія Карагеоргіевичей сумѣла пріобрѣсти авторитетъ и популярность въ странѣ; и — что было особенно существенно для Россіи — съ этой перемѣной австрійская оріентація сербской политики смѣнилась снова оріентаціей русской. Семья Карагеоргіевичей имѣла давнія связи съ Россіей; сыновья кн. Петра, Георгій и Александръ, воспитывались въ С.-Петербургѣ, первый въ Александровскомъ корпусѣ, второй — сначала въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, потомъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ. Мать ихъ была сестрой русскихъ великихъ княгинь Анастасіи Николаевны и Милицы Николаевны.

Между Россіей и Франціей поддерживались корректныя союзныя отношенія, несмотря на явное взаимное несочувствіе въ вопросахъ внутренней политики. Въ сентябрѣ 1901 г. Государь во второй разъ посѣтилъ Францію. Онъ присутствовалъ на маневрахъ французскаго флота въ Дюнкеркѣ и на маневрахъ арміи въ Реймсѣ. Въ Парижѣ Государь не былъ, къ великому разочарованію парижанъ. Но тонъ отношеній съ Франціей, при новомъ правительствѣ былъ нѣсколько инымъ: самъ Государь не высказалъ желанія посѣтить столицу, да и французское правительство на этомъ не настаивало... „Приходится сказать, что этотъ второй пріѣздъ русской царской четы не вызвалъ прежняго общаго порыва народной радости" — отмѣчала „Revue des deux mondes".

Весною слѣдующаго года, (7—9 мая 1902 г) отдавать визитъ пріѣхалъ въ Петербургъ французскій президентъ Лубэ. Въ тѣхъ рѣчахъ, которыми при этомъ обмѣнялись Государь и французскій президентъ, не было ничего, кромѣ общихъ словъ о неизмѣнности союза.

Отношенія съ Германіей за этотъ періодъ были нѣсколько сложнѣе. Германское правительство отвергло англійскія попытки завязать съ нимъ союзъ, длившіяся почти три года (1898—1901 г.). Ошибочно считая интересы Англіи абсолютно несовмѣстимыми съ интересами Франціи и Россіи, Германія съ нѣкоторой тревогой наблюдала за первыми шагами въ сторону англо-французскаго „сердечнаго согласія"

Императоръ Вильгельмъ II старался поддерживать связь съ Россіей, главнымъ образомъ путемъ личной переписки съ Государемъ.

Хотя Царская семья за первое десятилѣтіе царствованія Государя нѣсколько разъ гостила въ Германіи у родственниковъ Императрицы, эти пріѣзды не имѣли характера политическихъ визитовъ. Но независимо отъ этого, оба монарха имѣли за 1901—1903 годы три серьезныхъ „дѣловыхъ" свиданія: въ Данцигѣ (сентябрь 1901 г.), Ревелѣ (августъ 1902 г.) и Висбаденѣ (конецъ октября 1903 г.).

Братъ Императора Вильгельма, принцъ Генрихъ Прусскій, гостилъ у Государя въ Спалѣ осенью 1901 г., и вынесъ изъ этого длительнаго общенія съ Нимъ совершенно иныя представленія о русскомъ монархѣ, нежели тѣ, которыя господствовали въ германскихъ правящихъ кругахъ. „Царь благожелателенъ, любезенъ въ обращеніи, но не такъ мягокъ, какъ зачастую думаютъ", — докладывалъ принцъ Генрихъ германскому канцлеру. — „Онъ знаетъ, чего хочетъ, и не даетъ никому спуску (lässt sich nichts gefallen). Онъ настроенъ гуманно, но желаетъ сохранить самодержавный строй. Свободно думаетъ о религіозныхъ вопросахъ, но никогда публично не вступитъ въ противорѣчіе съ православіемъ. Хорошій военный". Принцъ Генрихъ далѣе отмѣтилъ, что Государь „не любитъ парламентовъ", и что Онъ сказалъ объ Эдуардѣ VII: „онъ въ своей странѣ ровно ничего не можетъ дѣлать".

Отношенія съ Австріей продолжали оставаться въ рамкахъ соглашенія 1897 г. о поддержаніи statu quo на Балканахъ. Въ 1903 г. эти отношенія подверглись испытанію вслѣдствіе волненій въ Македоніи, вызвавшихъ жестокія репрессіи со стороны турокъ и заступничество за повстанцевъ со стороны Болгаріи. Дѣло еще осложнилось убійствами двухъ русскихъ консуловъ — Г. С. Щербины въ Митровицѣ, въ мартѣ, и А. А. Ростковскаго въ Битолѣ, въ іюлѣ 1903 г. Отправка русскаго флота къ турецкимъ берегамъ (въ августѣ) быстро заставила Турцію принять энергичныя мѣры для наказанія виновныхъ.

Въ сентябрѣ 1903 г. Государь, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ Ламздорфа, прибылъ въ Вѣну, и тамъ, во время охоты около горнаго курорта Мюрцштегъ, Онъ имѣлъ бесѣду съ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ при участіи обоихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ (гр. Ламздорфа и гр. Голуховскаго).

„Съ самаго начала волненій, возникшихъ въ Македоніи — писалъ по этому поводу оффиціальный Journal de St. Petersbourg (19. IX. 1903) — обѣ сосѣднихъ и дружественныхъ имперіи, вѣрныя соглашенію,

которое съ 1897 г. служило основой для ихъ балканской политики, не переставали дѣятельно работать въ цѣляхъ замиренія". Стремясь къ сохраненію statu quo, Россія и Австрія дѣйствовали также и противъ македонскихъ повстанцевъ, поддерживаемыхъ Болгаріей: „Комитеты эти, говорилось въ русскомъ правительственномъ сообщеніи 17 сентября, — въ своекорыстныхъ цѣляхъ добиваются измѣненія административнаго строя провинціи въ смыслѣ образованія „Болгарской Македоніи" въ ущербъ правамъ и интересамъ другихъ христіанскихъ народностей, и интересы коихъ одинаково дороги православной Россіи".

„Мюрцштегская программа" реформъ въ Македоніи сводилась къ слѣдующему: въ управленіи Македоніей должны были участвовать прикомандированные къ губернаторамъ представители Россіи и Австро-Венгріи; въ жандармерію должны были быть введены иностранные инструкторы; въ судахъ должно было быть поровну христіанъ и мусульманъ. Турція приняла эти требованія, но ихъ выполненіе и въ дальнѣйшемъ „оставляло желать лучшаго".

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что ключомъ ко внѣшней — и въ извѣстной степени ко внутренней политикѣ перваго періода царствованія Императора Николая II слѣдуетъ считать вопросы Дальняго Востока, „большую азіатскую программу". Во время Ревельскаго свиданія, Государь сказалъ Императору Вильгельму, что Онъ питаетъ особый интересъ къ Восточной Азіи, и разсматриваетъ укрѣпленіе и расширеніе русскаго вліянія въ этихъ областяхъ какъ задачу именно **Своего** правленія.

Государь и въ ревельской, и въ данцигской бесѣдахъ, соглашался въ принципѣ, что всякая ссора между Россіей и Германіей была бы только въ интересахъ революціи. Его однако въ первую очередь интересовало другое: какую позицію займетъ Германія въ дѣлахъ Д. Востока? А въ этомъ отношеніи Вильгельмъ II избѣгалъ принимать на себя какія либо опредѣленныя обязательства. „Адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ адмирала Тихаго океана" — такимъ сигналомъ прощался въ Ревелѣ германскій императоръ съ русскимъ Царемъ. Въ этомъ привѣтствіи было больше заносчивости, чѣмъ лести: Россія была въ ту пору близка къ первенству на Тихомъ океанѣ, тогда какъ германскій флотъ въ 1902 г. не могъ равняться не только съ англійскимъ, но и съ французскимъ флотомъ.

Ростъ русской мощи тревожилъ всѣ другія державы, въ томъ числѣ и Германію. „Если Англія и Японія будутъ дѣйствовать вмѣстѣ,

писалъ Бюлову (5. III. 1901) Вильгельмъ II, онѣ могутъ сокрушить Россію .. Но имъ слѣдуетъ торопиться, — иначе русскіе станутъ слишкомъ сильными".

Еще опредѣленнѣе выражался Бюловъ въ любопытномъ меморандумѣ отъ 12 февраля 1902 г.: „Безспорно, къ самымъ примѣчательнымъ явленіямъ момента принадлежитъ **постепенное выявленіе антирусскаго теченія,** даже тамъ, гдѣ этого меньше всего ожидаешь... Для меня ростущая руссофсбія — установленный фактъ, въ достаточной мѣрѣ объясняющійся событіями послѣдней четверти вѣка". Бюловъ указываетъ затѣмъ на быстрый ростъ русской мощи въ Азіи, на ожидающійся распадъ Турціи... Дѣйствительно, при обезпеченномъ азіатскомъ тылѣ, Россія могла бы и на Ближнемъ Востокѣ заговорить по новому. Линія Россіи **шла вверхъ;** со страхомъ и завистью смотрѣли на нее другіе.

Примѣчательно — и трагично — что „большая азіатская программа", оцѣненная по достоинству иностранной дипломатіей, встрѣчала полное непониманіе въ русскомъ обществѣ, которое что то лепетало о „манчжурской авантюрѣ", и готово было искать причины русской политики на Д. Востокѣ, единой въ теченіе всего перваго періода царствованія Государя, въ матеріальной заинтересованности какихъ-то „царскихъ адъютантовъ"... въ лѣсныхъ концессіяхъ на территоріи Кореи. Это поняли заднимъ числомъ и представители русскаго „марксизма": „Нѣтъ болѣе убогаго взгляда на вопросъ, чѣмъ взглядъ буржуазныхъ (?) радикаловъ, сводившихъ все дѣло къ концессіонной авантюрѣ на Ялу" — пишетъ коммунистическій „Красный Архивъ" (№ 52) и повторяетъ въ другомъ мѣстѣ: „Концепція объ авантюризмѣ различныхъ придворныхъ кликъ является не только недостаточной, но и убогой".

Главнымъ препятствіемъ на пути къ русскому преобладанію на Д. Востокѣ была, конечно, Японія. Столкновеніе съ нею предвидѣлось Государемъ уже давно, хотя всегда была надежда, что страхъ передъ силой Россіи удержитъ Японію отъ нападенія. Государь учитывалъ, что близость къ театру возможной войны и отсутствіе удобныхъ сообщеній между Европейской Россіей и Д. Востокомъ дастъ Японіи на первыхъ порахъ преимущество, и не желалъ столкновенія и вообще, а особенно пока не былъ законченъ Великій Сибирскій путь.

„Я не хочу брать себѣ Корею, говорилъ Государь принцу Генриху (въ октябрѣ 1901 г.), но никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы японцы тамъ прочно обосновались. Это было бы casus belli. Столкно-

веніе неизбѣжно; но надѣюсь, что оно произойдетъ не ранѣе, чѣмъ черезъ четыре года — тогда у насъ будетъ преобладаніе на морѣ. Это — нашъ основной интересъ. Сибирская дорога будетъ закончена черезъ 5—6 лѣтъ".

Поздней осенью 1901 г., видный японскій государственный дѣятель, маркизъ Ито, пріѣзжалъ въ Россію, для того чтобы попытаться заключить соглашеніе о размежеваніи сферъ вліянія. Въ основѣ, его предложеніе сводилось къ тому, чтобы за Россіей осталась Манчжурія, а Японія бы получила свободу дѣйствій въ Кореѣ. Въ то время, Россія уже владѣла Манчжуріей, а Японія еще искала возможности найти опорную точку на азіатскомъ материкѣ. Соглашеніе не давало Россіи ничего новаго. „Полный отказъ отъ Кореи составитъ слишкомъ дорогую цѣну для соглашенія съ Японіей", высказался по этому поводу военный министръ А. Н. Куропаткинъ. Государь помѣтилъ на докладѣ о переговорахъ съ маркизомъ Ито: „Россіи никакъ нельзя отказаться отъ прежняго ея права держать въ Кореѣ столько войскъ, сколько тамъ находится японскихъ". Трудно сомнѣваться въ томъ, что Японія, укрѣпившись въ Кореѣ, заявила бы дальнѣйшія притязанія; не слѣдуетъ также забывать, что лишеніе покровительства Кореи, полагавшейся на русскую защиту противъ Японіи, нанесло бы тяжкій ударъ престижу Россіи въ Азіи.

Слѣдующимъ ходомъ въ дипломатической игрѣ на Д. Востокѣ было заключеніе англо-японскаго союза, — 30/17 января 1902 г. Англія и Японія обѣщали другъ другу дружественный нейтралитетъ въ случаѣ войны противъ одной державы, и военную поддержку — въ случаѣ борьбы съ двумя.

Русская дипломатія тотчасъ же учла значеніе этого шага и приложила большія усилія для того, чтобы побудить Францію и Германію на „контръ-выступленіе". Германское правительство, однако, уклонилось отъ участія, вопреки настояніямъ германскаго посла въ С.-Петербургѣ, Альвенслебена, указывавшаго, что Государь, придаетъ этому выступленію большое значеніе, и что отказъ можетъ сильно повредить русско-германскимъ отношеніямъ. Франція, со своей стороны, корректно выполнила свой долгъ союзницы: 16/3 марта была опубликвана франко-русская декларація, отвѣчающая на англо-японскій союзъ, хотя и нѣсколько расплывчатая по содержанію: въ случаѣ „агрессивныхъ дѣйствій третьихъ державъ" или „безпорядковъ въ Китаѣ", Россія и Франція оставляли за собою право „примѣнить надлежащія средства"

Корея сохраняла, между тѣмъ, формальную независимость; а ко-

рейское правительство еще съ раннихъ временъ русско-корейской дружбы выдало лѣсныя концессіи нѣсколькимъ русскимъ военнымъ. Въ виду надвигавшейся опасности столкновенія съ Японіей, эти концессіи, расположенныя преимущественно въ районѣ пограничной (между Манчжуріей и Кореей) рѣки Ялу, открывали возможность не только изучить мѣстность, но и подготовить нѣкоторую передовую оборонительную линію, „заслонъ" передъ манчжурской границей. Объ этихъ стратегическихъ задачахъ, разумѣется, нельзя было открыто писать, и въ русскомъ обществѣ сложилось превратное представленіе, будто рѣчь шла о какихъ то исключительно выгодныхъ концессіяхъ, которыя „жадная придворная клика" никакъ не хочетъ отдавать Японіи, хотя бы это грозило Россіи войной.

Въ 1902 г. С. Ю. Витте совершилъ поѣздку на Дальній Востокъ, и вынесъ изъ нея весьма пессимистическія впечатлѣнія. Онъ склонялся къ мнѣнію, что русское дѣло тамъ проиграно, и готовъ былъ совѣтовать самыя крайнія уступки. Государь, со своей стороны, посылалъ отъ себя на Д. Востокъ „развѣдчиковъ", (изъ которыхъ наибольшую извѣстность получилъ статсъ-секретарь А. М. Безобразовъ). Считая азіатскую политику „задачей своего правленія", Государь не могъ согласиться съ пессимистическими выводами Витте; если многое еще не додѣлано — необходимо удвоить усилія; если сейчасъ соотношеніе силъ невыгодно — слѣдуетъ „лавировать"; но никоимъ образомъ нельзя отказываться отъ выполненія исторической миссіи Россіи.

На опасность положенія указывалъ и командующій русскими вооруженными силами на Ляодунскомъ полуостровѣ, адм. Алексѣевъ; но онъ требовалъ принятія срочныхъ мѣръ по усиленію обороны на Д. Востокѣ, а не давалъ совѣта „свертываться".

Японія энергично готовилась къ войнѣ; она построила себѣ въ Англіи значительный флотъ и вела переговоры о покупкѣ нѣкоторыхъ южно американскихъ судовъ. Наступалъ опасный моментъ: Сибирская дорога была не вполнѣ закончена (сквозное движеніе открылось въ августѣ 1903 г., но не хватало Круго-Байкальской дороги, а переправа черезъ Байкалъ на судахъ-паромахъ создавала „пробку" посреди пути); а изъ русскихъ броненосцевъ новѣйшаго образца былъ готовъ только одинъ („Цесаревичъ").

Государь считалъ, что въ 1905—6 годахъ Россія будетъ достаточно сильна на Д Востокѣ, чтобы болѣе не бояться Японіи. Но былъ еще 1903-й годъ. Ближайшіе полтора-два года были періодомъ наибольшаго риска. Война становилась реальной возможностью, причемъ ея поводъ, конечно, нельзя было угадать заранѣе.

25 января 1903 г., въ особомъ совѣщаніи по дѣламъ Д. Востока обсуждалось создавшееся положеніе. Русскій посланникъ въ Токіо, баронъ Р. Р. Розенъ, указывалъ, что рискъ столкновенія существуетъ. Японія готовитъ захватъ Кореи — „иначе — къ чему японскія вооруженія?“. Посланникъ въ Пекинѣ, Лессаръ, сообщилъ о новой политикѣ китайскаго правительства, поощряющаго колонизацію Манчжуріи китайцами. Военный министръ, А. Н. Куропаткинъ, заявилъ, что именно стихійный характеръ китайской колонизаціи Манчжуріи „долженъ побудить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, иначе въ короткій срокъ вся мѣстность до Амура окажется заселенной, и тогда трудно будетъ сдержать наплывъ желтой расы въ Пріамурье“.

Витте на этомъ совѣщаніи отстаивалъ политику непротивленія, и доказывалъ, что никакой реальной опасности войны нѣтъ, что съ Японіей вполнѣ можно сговориться. А на чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ 26 марта Витте утверждалъ, что предположенія русскаго военнаго агента на Д. Востокѣ ген. Вогака „могутъ и не сбыться“, и что вообще положеніе тамъ „вовсе не столь угрожающее“!

Было ли это тактическимъ пріемомъ — изъ нежеланія рѣзко разойтись съ планами Государя, или дѣйствительнымъ непониманіемъ положенія на Д. Востокѣ, — но С. Ю. Витте вообще заняль своеобразную позицію: онъ предлагалъ уступать, не принимать военныхъ мѣръ, говоря, что въ будущемъ Манчжурія или должна присоединиться къ Россіи или стать отъ нея въ полную зависимость, но что нужно „предоставить совершеніе этого процесса историческому ходу дѣла, не спѣша и не насилуя естественнаго теченія событій“ *). Между тѣмъ, этотъ „естественный ходъ“ — въ случаѣ отступленія Россіи — велъ прямо къ закрѣпленію Японіи на материкѣ, въ Кореѣ, и къ быстрой колонизаціи Манчжуріи китайцами. Та пассивность, которую проповѣдывалъ Витте, вела къ вытѣсненію Россіи съ Д. Востока. Это понимали даже столь далекіе отъ власти люди, какъ нѣкоторые сотрудники „Освобожденія“.

Князь Г. М. Волконскій, возражая другому автору въ „Освобожденіи“ (№ 49) писалъ: „Я бы согласился съ мнѣніемъ г. Мартынова, если бы мнѣ доказали, что при нашемъ экономическомъ и политическомъ бездѣйствіи въ Манчжуріи, Японія не заняла бы по порядку Корею, Портъ Артуръ, Манчжурію, Приморскую область и Пріамурскій край“. Сопротивленіе, даже въ случаѣ неудачи, было все-таки менѣе рискованнымъ, нежели пассивность.

*) Совѣщаніе въ Ялтѣ, 27 октября 1902 г.

То отношеніе къ самому отвѣтственному вопросу момента, которое проявилось у С. Ю. Витте, привело бы къ его немедленной отставкѣ, если бы въ Россіи въ ту пору существовалъ объединенный кабинетъ. Въ данномъ случаѣ однако „разнобой , — умѣряемый, но не устраняемый воздѣйствіемъ Государя, — продолжался почти годъ; и, можно думать, нежеланіе С. Ю. Витте считаться съ потребностями активной политики на Д. Востокѣ сыграло извѣстную роль въ недостаточной подготовленности Россіи къ войнѣ. Вѣдь, противодѣйствіе Витте не уменьшало **шансовъ войны**: оно только уменьшало **шансы русской побѣды.**

Вернувшись изъ Сарова съ возросшей вѣрой въ силы русскаго народа, Государь принялъ двѣ мѣры, имѣвшія цѣлью упрочить положеніе на Д. Востокѣ и устранить въ этомъ вопросѣ колебанія: 30 іюля было учреждено намѣстничество Д. Востока; 16 августа С. Ю. Витте былъ уволенъ съ поста министра финансовъ.

Учрежденіе намѣстничества (причемъ намѣстникомъ былъ назначенъ адм. Алексѣевъ, уже начальствовавшій нѣсколько лѣтъ въ Квантунской области) — должно было объединить всѣ органы русской власти на Д. Востокѣ для общей цѣли противодѣйствія ожидавшемуся нападенію. Намѣстнику подчинялись войска, флотъ и администрація, (включая полосу Китайской Восточной дороги).

Отставка С. Ю. Витте была, повидимому, для него неожиданной, хотя теперь, на разстояніи, скорѣе трудно понять, что она не имѣла мѣста раньше. Хотя была избрана весьма почетная форма отставки — назначеніе предсѣдателемъ Комитета Министровъ (на мѣсто скончавшагося въ началѣ лѣта И. Н. Дурново), — Витте воспринялъ ее, какъ личную обиду; и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что съ этой минуты онъ сдѣлался личнымъ врагомъ Государя, хотя, по обстоятельствамъ момента, и старался временами это скрывать.

Русская печать была озадачена отставкой Витте; существо дальневосточныхъ вопросовъ было ей чуждо и неясно; газеты указывали на недочеты экономической политики Витте, но выражались сдержанно. И даже „Освобожденіе" не могло сразу рѣшить — „опала" ли это или повышеніе?

„Гражданинъ" писалъ: „Въ результатѣ, на ряду съ развитіемъ фабрики, у насъ стало замѣчаться паденіе сельскаго хозяйства, что обрушилось всею тяжестью на два важнѣйшихъ сословія — дворянство и крестьянство". „Новое Время" въ передовой статьѣ осторожно смѣшивало похвалы съ критическими замѣчаніями.

Во время свиданія въ Висбаденѣ (въ концѣ октября 1903 г.) Государь говорилъ императору Вильгельму, что внутреннее положеніе Франціи ему не нравится; абсолютное безвѣріе Его отталкиваетъ; виною этого масоны, которые сильны и въ Италіи. Но Онъ долженъ поддерживать связь съ Франціей, чтобы та не перешла въ лагерь Англіи.

Царь хочетъ избѣжать войны съ Японіей, — отмѣтилъ при этомъ Бюловъ, — если только сами японцы не нападутъ на Владивостокъ или Портъ-Артуръ. Это значитъ: Онъ не хочетъ войны, но готовится къ ней.

Въ это время уже началъ вырисовываться и поводъ войны: не Корея, какъ думали долгое время, а сама Манчжурія. Россія, послѣ боксерскаго возстанія, помогла Китаю выйти изъ затрудненій безъ особаго урона, и хотѣла заключить съ нимъ договоръ объ особыхъ преимуществахъ Россіи въ Манчжуріи. Этотъ вопросъ былъ снятъ съ очереди, такъ какъ всѣ другія державы въ тотъ моментъ (начало 1901 г.) этому воспротивились. Русскіе, однако, занимали Манчжурію; и хотя въ соглашеніи 1902 г. говорилось, что область будетъ постепенно передана китайскимъ властямъ (за исключеніемъ полосы отчужденія Китайской Восточной ж. д.) — державы фактически примирились съ русскимъ господствомъ въ Манчжуріи. Германія открыто объявила о своей незаинтересованности въ этомъ вопросѣ; Франція была съ Россіей въ союзѣ; Японія, черезъ маркиза Ито, попыталась получить „компенсацію" въ Кореѣ. Англія и Америка интересовались преимущественно вопросомъ объ открытыхъ дверяхъ (равныхъ условіяхъ торговли) въ Манчжуріи.

Но когда приблизился „критическій моментъ", Японія начала выступать въ качествѣ защитницы правъ Китая, и настаивать на томъ, чтобы Россія выполнила русско-китайское соглашеніе 1902 г. и эвакуировала Манчжурію въ установленный имъ срокъ (къ концу 1903 г.). Россія въ отвѣтъ указывала, что условія эвакуаціи не выполнены Китаемъ. Одновременно Японія протестовала противъ русскихъ предпріятій въ Кореѣ.

Переговоры тянулисъ почти весь 1903 г. Россія готова была на значительныя уступки въ Кореѣ, но она не могла признать за Японіей права становиться арбитромъ русско-китайскихъ отношеній. Въ сущности, Японія только искала поводъ для сведенія счетовъ въ благопріятный для нея моментъ, и она выбрала поводъ довольно удачно — англо-саксонское общественное мнѣніе сочувствовало требованію объ уходѣ русскихъ изъ Манчжуріи, тогда какъ его едва ли бы плѣнила перспектива японскаго захвата Кореи.

Отдѣльныя перипетіи переговоровъ не имѣютъ особаго значенія. Японія требовала; Россія, въ основномъ, не могла уступить. Отъ Японіи зависило, въ какой моментъ прервать переговоры, такъ какъ Россія вообще не имѣла желанія вступать въ конфликтъ и нападать бы не стала. Россіи оставалось только одно: дѣятельно готовиться къ отпору. Въ концѣ 1903 г. на Д. Востокъ были отправлены только что выстроенный въ Тулонѣ броненосецъ „Цесаревичъ" и броненосный крейсеръ „Баянъ"; вслѣдъ за ними вышли броненосецъ „Ослябя" и нѣсколько крейсеровъ и миноносцевъ.

Въ западно-европейскихъ столицахъ все болѣе проникались представленіемъ о неизбѣжности войны. Германскій повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, гр. Бернсторфъ, писалъ, что Японіи необходимо дѣйствовать теперь же: въ Англіи назрѣваетъ охлажденіе къ англо-японскому союзу, да и русскія силы въ Восточной Азіи ростутъ съ каждымъ днемъ.

Французское правительство сочло нужнымъ разъяснить, что франко-русскій союзъ относится только къ европейскимъ дѣламъ. Германія завѣряла и Россію, и Японію въ дружественномъ нейтралитетѣ.

Русская внутренняя борьба, между тѣмъ, шла своимъ чередомъ. Яркимъ фактомъ на рубежѣ 1904 г. были репрессіи противъ тверского земства. Это всегда было одно изъ наиболѣе либеральныхъ земствъ, и какъ разъ въ декабрѣ губернское земское собраніе вступило въ конфликтъ съ тверскимъ уѣзднымъ земствомъ, высказавшимся въ пользу передачи земскихъ школъ въ вѣдѣніе Синода. Губернское земство рѣшило прервать съ уѣзднымъ всякія сношенія, и, въ мѣру возможности, лишить его кредитовъ. Въ это время для ревизіи общаго положенія въ губернію былъ присланъ изъ С.-Петербурга директоръ департамента общихъ дѣлъ Б. В. Штюрмеръ. На основаніи его доклада, Плеве испросилъ у Государя Высочайшее повелѣніе о чрезвычайныхъ мѣрахъ противъ тверского земства.

17 января 1904 г. въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что выборная тверская земская управа (и уѣздная новоторжская) устраняются отъ должности; созывъ губернскаго земскаго собранія отмѣняется; новая управа назначается правительствомъ; министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право „удалить изъ губерніи лицъ, вредно вліяющихъ на ходъ земскаго управленія".

Эти чрезвычайныя мѣры, не предусмотрѣнныя въ законахъ о земствѣ, мотивировались тѣмъ, что среди земскихъ служащихъ, и особенно въ народныхъ школахъ новоторжскаго уѣзда, распространены

революціонныя теченія. Доказательствомъ этому служили данныя о характерѣ преподаванія въ школахъ, объ антирелигіозныхъ чтеніяхъ, о „туманыхъ картинахъ“, изображавшихъ пугачевскій бунтъ съ сочувственными комментаріями и т. д.

Опять таки, какъ въ вопросѣ о мѣрахъ противъ земской статистикѣ, эти обвиненія были, въ сущности, обоснованы. Среди народныхъ учителей было не мало соціалистовъ, — особенно тамъ, гдѣ земство бывало либеральнымъ. Соціалисты, со своей стороны, даже рискуя увольненіемъ, считали своимъ долгомъ распространять свои ученія.

Получался заколдованный кругъ: непротивленіе поощряло пропаганду, — репрессіи возстанавливали противъ власти весьма широкіе, даже и умѣренные круги. Земскую статистику еще можно, пожалуй, было просто „сократить“, но какъ поступить со школами? Нельзя же было ихъ закрыть — и гдѣ было найти замѣстителей? Какъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, власть и тутъ наталкивалась на трагичное для нея явленіе: недохватъ лойяльно настроенныхъ представителей — интеллигенціи и полуинтеллигенціи. То же было съ земской статистикой; то же съ рабочими организаціями...

Легальная печать не имѣла возможности отозваться на мѣры противъ тверского земства и только „краснорѣчиво молчала“ (включая „Новое Время“).

Въ эти самые дни, не выждавъ даже послѣдняго русскаго отвѣта на свою ноту, Японія заявила о разрывѣ дипломатическихъ сношеній.

„Японскій посланникъ передалъ ноту о рѣшеніи Японіи прекратить дальнѣйшіе переговоры и отозвать посланника“, — говорилось въ русской циркулярной нотѣ 24 января 1904 г. — „Подобный образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже передачи ему отправленнаго на-дняхъ отвѣта Императорскаго Правительства, возлагаетъ на Японію всю отвѣтственность за послѣдствія“.

26 января (8 февраля) русскій посолъ въ Лондонѣ, гр. Бенкендорфъ, еще обращался къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ лорду Лэнсдоуну съ просьбой о посредничествѣ для предотвращенія конфликта. Съ той же цѣлью явился къ лорду Лэнсдоуну французскій посолъ, крайне взволнованный. Англійскій министръ отказался что-либо сдѣлать; онъ сказалъ, что поздно; кромѣ того — „Японія не желаетъ ничьего посредничества“.

Моментъ разрыва сношеній (который по существу былъ предрѣшенъ давно) былъ выбранъ съ большой точностью: купленные въ

Италіи (точнѣе, перекупленные у Аргентины) броненосные крейсера „Ниссинъ“ и „Кассуга“ только что миновали Сингапуръ, и ихъ уже не могли нигдѣ задержать въ пути; тогда какъ послѣднія русскія подкрѣпленія („Ослябя“, крейсера и миноносцы) еще находились въ Красномъ морѣ.

Вечеромъ 26 января (8 февраля) Японія, безъ оффиціальнаго объявленія войны, начала подъ Портъ-Артуромъ военныя дѣйствія.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА

Часть Первая

САМОДЕРЖАВНОЕ ПРАВЛЕНІЕ (1894—1904)

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ
15	11	проведеднія	проведенія
94	26	манервахъ	маневрахъ
171	21	процентъ	процессъ
188	31	манифектѣ	манифестѣ.
